

[Polaris]

ВНЕЗАПНЫЙ

УДАР

Фантастическая повесть войны
в Западной Европе

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХІ

Salamandra P.V.V.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

**Фантастическая повесть
войны в Западной Европе**

Факсимильное издание

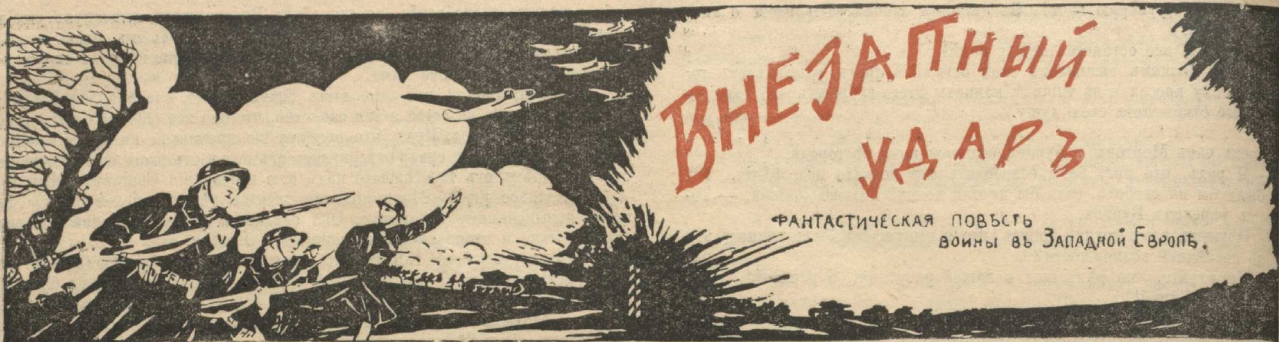
Salamandra P.V.V.

Внезапный удар: Фантастическая повесть войны в Западной Европе (Факсимильное издание). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 47 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXI).

В издание вошла фантастическая повесть неустановленного (по-видимому, британского) автора «Внезапный удар», опубликованная в рижском эмигрантском журнале «Для вас» в конце 1939 — начале 1940 г. Эту повесть можно назвать типичным образцом военной фантастики тех лет. Но было и нечто необычайное: журнал начал публиковать «Внезапный удар» спустя всего лишь несколько дней после того, как в Европе загрохотали не фантастические, а реальные пушки Второй мировой войны...

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

Фантастическая повесть войны
в Западной Европе

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

Капитант королевской авиации Артур Уйтлей, удобно расположившись в кожаном кресле у камина, медленно потягивая из стакана виски, разматривала последний иллюстрированный авиационный журнал.

были забиты автомобилями. Тогда пришлось то и дело останавливаться на перекрестках и терять около часу времени на улицах города, пока удалось выбраться на окраину.

По сцене августовского небу бжались редкие разрывы снарядов. Мягкие лучи осеннего солнца заслаки засветили мутную атмосферу. Трибуны были битком набиты зрителями. В королевской ложе, внимательно следя за полетами, сидели король, королева и молодые принцессы.

Праздник удался. Стоял несомненный шум рукоплесканий, как будто летчики могли их слышать сквозь рев своих моторов.

Тогда на минуту замолчала, когда громкоговорители госгости, что сейчас будет стартовать лейтенант королевской авиации О'Коннелл, который попытается побить мировой рекорд высоты.

В первом ряду ложь была в покрывающих ладони Коты. — Хлопайте же, болдуиста, — сердито кричала она соседям. — Сейчас даждь Тоди полетит.

Тоди не замечал времени. Его внимание было приковано к приборам. Все было отлично. Земля давно уже превратилась в карту с потускневшими красками, подернутая густой дымкой. Редкая облачка бесстыдно давили на зрение. Появилось обычное ощущение кривизны земной поверхности. Представление о земл, как плоскости, исчезло каждый раз, когда он переходил за пределы тридцати тысяч метров.

Србка альтиметра медленно пошла к четырнадцати тысячам. Подъем оказался очень медленным.

Лейтенант почувствовал тупую ноющую боль. Казалось, левую ногу втиснули в очень узкий сапог с непомерно длинными голенищами. Надбавка мховой чужды, Тоди санином сильно заткнул ремешок, а он, по собственному опыту зная, что всякая перетяжка, незаметная на земл, с высотой дает себя чувствовать очень сильно.

Тоди хотел нагнуться, чтобы отодвинуть ремешок под сафарию. Но для этого нужно было ему одышать значительное усилие: ткань сафари, наполнявшегося кислородом, прилипла к телу, и он вынужден был сделать несколько шагов, чтобы оторвать его.

Нужно было выбирать между нестерпимой болью и головокружением, которое при дальнейшей неосторожности, при малом движении могло перейти в обморок. Но с каждой секундой боль все больше усиливалась. Тоди нажался, что нога раздулась до размеров бревна, что вот-вот лопнет кожа.

Србка альтиметра осталась почти еще сто метров до рекорда итальянцев, когда Тоди почувствовал, что его силы в борьбе с болью истощаются. Нога горела, пламя растекалось по бедру и поднималось все выше и выше.

Србка альтиметра поднималась отвратительно медленно. Она едва-едва перешла 16.200 и нехотела двигаться дальше через бляки черточки диваний. Казалось, она останавливалась на десятках метров высоты, а огненной чертой отбрасывала все дальше и дальше пропавшую бол.

Если бы можно было закричать, но кричать было опасно, — слышны были для управления самолетом.

Машина подходила к потолку. Все меньше убранным становился полет. Матвейское движение рулей, самое осторожное, едва замечное, заставляло аппарат проваливаться. Тоди почти образовался, когда, наконец, почувствовал хорошо знакомые симптомы потолка. Дальше машина не полетит.

Србка альтиметра, вибрируя, заняла «16.300». Тоди с облегчением перевел аппарат в планирование.

Трибуны с истерическим ждали его посадки. Макс Скотт, прикомандированный к штабу устройства праздника, уже несколько раз подымался на вышку, чтобы устроить микрофон, чтобы успокоить зрителей, возмущавшихся за невидимого О'Коннелла. Макс Скотт с удовольствием объяснял, как происходит полет. Он употреблял технические термины, иногда невольно фантазировал и чувствовал себя так, точно сам был виновником торжества.

— Ало! Ало! Обратите внимание! Лейтенант О'Коннелл планирует на посадку. Его аппарат находится на западе. Внимание! Внимание! Через несколько минут вы увидите результаты полета, — громко объявлял десятка громкоговорителей, заглушая шум толпы.

Приземлившись, Тоди не мог выйти из машины. Нога свисала, на нее нельзя было ступить. Подкаченный под ритм дружными, он оказался, помимо собственной воли, на вышке перед микрофоном.

Макс Скотт крикнул в микрофон через голову Тоди: — По предварительным данным, лейтенант королевской авиации О'Коннелл установил новый мировой рекорд высоты в 16.300 метров.

Зрители радостно закричали ура!

— Сейчас О'Коннелл скажет несколько слов, заткнут, о, по желанию короля, будет представлен его величество королю и принцессам, — продолжал дальше громкоговорители.

— Я очень рад, что мне удалось побить рекорд на английской машине. Чувствую себя великолепно. Да здравствует король! Да здравствует старая Англия!

Буря оваций потрясла воздух. Подняв на руки повсюду чемпиона, друзья начали его около вышки. Тоди радостно улыбался.

Вдруг, прежде чем он успел подойти к королевской трибуне, над аэродромом нависла зловещная тучина. Гул, ясно, так, что было слышно даже дыхание доктора, громкоговорители разошлись над толпой.

— Внимание! Внимание! Ветер! Ветер! Сегодня, 18 сентября в 17 часов германские эскадрильи перелетели границу и бомбардировали промышленные центры стана.

Французская авиация вылетела на встречу. Посты устранили

бой германские и итальянские эскадрильи повернули обратно. Правительство его величества короля Англии резко протестовало против новой агрессии и предвещало ультиматум, который был отвергнут германским правительством его величества короля.

Англия и ее союзники, считая, что только вооруженное сопротивление может положить конец агрессии Германии. Все попытки повлиять мирным путем на Берлин окончились неудачей.

Англия всегда стояла за мир и отстаивала дело мира! Но теперь она, не боясь угрозы, готова ответить ударом на удар. Да здравствует король! Да здравствует Англия!

Громкоговорители замолкли. Несколько минут продолжалось гробовое молчание. Заткнут раздался неистовый рев толпы, в котором потонули звуки гимна и отдельные слова синьера.

— Ринимание и спокойствие! Англия готова... Англия отразит... Выйдет с союзниками... Вет — под знаменем! Враг не знает пощады... Боже, храни Англию и ее короля...

ОБСТАНОВКА.

В середине августа атмосфера в Европ была еще более накалена, чем в марте этого года.

Создав Великую Германию и укрывав свои позиции в средней Европ, Берлин, наконец, решил окончательно разорвать колониальную проблему, столь важную для империи. Не прежде, чем выступит с какими-либо требованиями к Англии, он решил уничтожить польский коридор и получить на Восток границы 1914 года. Началась кампания против Польши, но на этот раз Берлин встретил неожиданное сопротивление.

Заработал бешеным темпом дипломаты. Франция и Англия дали Польше гарантии, а заткнут заключили с нею союз.

Все взоры мира обратились на Восток. Что скажет в на чью сторону выступит СССР.

Повелась закулисная война. Москва вела переговоры с западными державами относительно заключения союза в случае новой агрессии в Европ. В Москву пришла даже военная делегация этих государств, но в последний момент Берлин предложил Москов договор о ненападении, в результате которого СССР и Германия отказались в будущем от разоружения конфликтов оружием. Заключение этого договора вызвало смуты в Англии и Франции, тем не менее, они решили исполнить свои обязательства по отношению к Польше. В течение двух недель Англия предпринимала все шаги, чтобы предотвратить катастрофу. Тем не менее Берлин не отступал от своих требований.

Наступило 28 августа. Волна растерянности прокатилась над Европ. В газетах появились заголовки о том, что в ночь с 28-го на 29-е был отрезан автобродь Германия. Словами закрыта для частного движения. Линия особенно пронзительным корреспондентам газет удалось установить, что по автобродь дымчат непрерывными колоннами автомобилей с войсками, направлялись на восток к границам Польши.

С утра 29-го над территорией III Рейха были приостановлены все полеты иностранных и частных самолетов. На мостках скреплены желвзжухе дорож с автострадами игра на окнах вагонов опускались, не разрывалось выходить на платформу без сопровождения пофодой присутств.

Опытный глаз мог уловить причины этих строгостей, — по желвзжухе дорогам двигались воинские поезда, уложенные вагоны были забиты эшелонами. Второе бюро французского генерального штаба доислось: армия Германии мобилизована. В Польше происходило то же самое. На границах уже шла перестрелка между отдельными отрядами. В Дампшг вождь нац-соп, объявив город присоединенным к III Рейху. В тот же день и в тот же час германские войска без объявления войны перешли границы Польши в трех местах. Зарогазотали орудия. Над Познанью, Варшавой, Краковом, Львовом появились германские бомбовозы. Заполыхали пожарница. Раздались стоны.

Европа пришла. Длинные очереди появились у дверей газет. Сверстанные номера в типографиях неподвижно лежали на машинах с квадратом пустого м. ста посередине. На столах были заготовлены крупные заголовки. Ждали решения великих держав коалиции. Разносили слухи о восток типографий.

Только через два дня французские и английские поэмы вручили в Берлин рязкую ноту-ультиматум с требованием немедленно прекратить военные действия против Польши и отозвать войска. Берлин не удостоил даже ответа. Поест потребовали насиста.

Над Европой снова зарождался гром войны.

ИЗЪ ЗАПИСКОЕ ФЕЛЬДМАЙОРА ФУНКА.

17 ч. 45 м. — 19 ч. 00 м.

8 октября.

...Я очень хорошо помню этот момент. Время приближалось к посемнадцати часам. К генералу явился с докладом начальник штаба. По сухому породистому лицу фон Беткова я видел, что что-то неладит. Но то, что я услышал, превзошло все мои ожидания так хорошо задуманный и тщательно подготовленный удар не дал ожидаемых результатов. Я до сих пор не понимаю, как это могло произойти; англичане и французы встретили нас далеко от своих границ в воздухе. Самый элементарный подсчет говорил, что на обнаружение наших частей, передача сообщений от передовых постов к аэродромам и подъем воздушных эскадр, даже если бы они находились в полной боевой готовности, противникам нужно было бы не меньше восьми-десяти минут. За это время наши головные части могли бы уже углубиться на сотни километров вглубь вражеской территории. А в действительности мы были встречены эскадрильями истребителей над Северными морями. Значит, когда мы поднимались в воздух, они были уже предупреждены и ждали нас. Они знали о нашем вылете. Значит, нас предали. Иначе это объяснить нельзя. Повидимому, какой-нибудь агент Интеллидженс-Сервис, вооруженный короткоколовым аппаратом, сблал свое черное дело.

На этот раз мы не послали разведку, чтобы не обпаружить себя, и это погубило все замысел. Ни одно крупное соединение бомбовозов, посланных за границу вражеских аэродромов, не достигло цели. Из восьмисот тысяч килограммов бомб половина брошена впустую. Вторую половину, преследуемые врагами бомбовоск сбрасывали для облегчения себя куда попало. С удивительной похлывательностью эта картина повторилась во всех направлениях с северо-западом и юго-западом. Ни одной бреши. Так тщательно разработанный план был разрушен в самом начале.

Я привык видеть фон Беткова во всяких состояниях, но даже не подозревал, что он может так быстро менять окраску лица. Лоб его покрывал испариной. Я стоял было со стаканом воды, но генерал отгугнул его.

По окончании доклада начальника штаба, фон Бетков, не оборачиваясь, крикнул: — Приказ.

«Я еда успевал стенографировать:

«Всем соединениям, входящим в первый эшелон второй волны, быть готовым к вылету в двадцать один час сегодня 3 сентября. В воздух вывести девятьсот бомбовоск со всеми сопровождающими частями...»

Фон Бетков на минуту задумался и решительно продолжал:

— Третий свободной эскадр быть готовой к вылету в 22 часа...

Здесь его перебил начальник штаба.

— Генерал, сроки готовности должны быть пересмотрены. Противник может нас опередить. Мы уже убдмались...

По фон Бетков не стал слушать. Он бросил взгляд на часы:

— Я даю вам больше трех часов, чтобы подготовиться к вылету тысячу пятьсот тяжелых машин. Обознать нас не могут.

Начальник штаба замлтал:

— Но...

Фон Бетков сказал уже совсем несправедливо:

— У вас есть основание думать, что я ошибаюсь.

— Здравый рассудок, ваше превосходительство...

— Генерал, прошу оснований. Понимаете — оснований. Разведка дала что-нибудь новое?

— Воздушная разведка прилагает все усилия в выяснении обстановки, но несет напрасные жертвы. Проникнуть в расположение противника не удается. Агентурная разведка работу почти прекратила.

Фон Бетков раздраженно ответил:

— Значит, ничего нового. Реальным остается только их план разветвления, лекций перед нами. Тогда я вестка предпочтитаю ночь. Сравните сроки и вы увидите, что они не успеют подняться в воздух, как будут стерты с лица земли, — упрямо повторял он и продолжал диктовать.

Начальник штаба стоял на своем: сроки вылета должны быть сокращены. Фон Бетков диктовал, не слушая его. Когда проект приказа был готов, он вылез на прямую автостраду с главной квартирой. Фон Бетков доложил свой проект и возражения начальника штаба дежурному генералу — квартирмейстеру. Старик нервно начал в течение этих пятидесяти минут, в течение которых стала обсуждаться проблема.

Через четверть часа пришел ответ. Приказ утвердился с пересечением всех сроков на один час раньше. Это было некоторой уступкой авторитету начальника штаба, хотя значительно меньшей, чем он хотел.

По плану внезапного нападения на Британские острова и Франция, задача германских воздушных сил сводилась к нанесению ошеломляющего удара в трех направлениях: Англические промышленные центры и Лондон, были флота и французские промышленные центры. Париж. Операция на север для бомбардировки потаукиных островов, главной базы флота, пришлось отложить вследствие неполной готовности флота. Операция на юго-запад, в северной Африке, была отложена из-за необходимости сосредоточения максимальных сил на главных фронтах. Главным направлением, поручением особому вниманию воздушной армии, было юго-западное, — прорыв фронта в Алях. Однако, неудачно вынаженность обеих эшелонов, нашей первой волны напаста сблжала наши карты.

Теперь фон Беткову было предложено во что бы то ни стало направлять действия французской авиации на юго-западное направление и сосредоточить все усилия бомбардировочной авиации на французских коммуникациях, чтобы задержать сосредоточение армий и резервов. К этому в основном и сводился указание фон Беткова, данные начальнику штаба.

В заключение генерал приказал:

— К выполнению вы разработаете точный план бомбардировки наиболее крупных населенных пунктов пограничной зоны.

Начальник штаба еще раз нерешительно сказал:

— Сроки, сроки, ваше превосходительство, я никак не осмелюсь думать, что...

Фон Бетков только пожал плечами и встал, в знак того, что разговор окончен.

(Продолжение следует.)

(1-е продолжение*)

В ШТАБ ГЕН. МАККОЛЬМА.

С трудом пробравшись на машинах к воротам аэродрома, капитан Уйтгей пошел прямо в штаб королевских воздушных сил.

Там он застал напряженную нервную обстановку: гудели телефоны, с грохотом уносились в разные стороны мотоциклисты. Найдя своего начальника, сего генерала, прославившегося в войне, как опытный храбрый летчик, капитан Уйтгей получил приказание немедленно отправиться на главный аэродром, где сосредотачивались эскадры.

Здесь он застал уже Макса Скотта и остальных летчиков. Из широко открытых ворот надземных ангара и по асфальту с ползущими лентами непрерывным потоком выкатывались на поле машины. С дальнего угла аэродрома полз ревя моторов поднималось восемь эскадрильй истребителей, образовавших завесу в случае неожиданного налета вражеских аэропланов.

Сотни человек добровольных вспомогательных отрядов заливали бензин, снаряжали пушки и пулеметы, закладывали в крылья истребителей брикеты. Суетились врачи и санитары, пробирая походные аптечки. Особая команда сидела за тем, чтобы было погружено необходимое продовольствие для выжидающей воздушных судов.

Капитан Уйтгей проверил свою эскадрилью и пошел в столовую, чтобы закусить. Там ему вручили приказ из штаба: его аппарат входил в особый отряд, поучающий «особое» задание. Ряд других эскадрильй поступал под команду начальника воздушного гарнизона генерала Маккольма, назначенного флагом полковника эскадрильи. По его приказу всем эскадрильям предстояло в кратчайший срок произвести сосредоточивание на указанных им аэродромах. Десятью минутами позже капитан Уйтгей получил приказание от командования и немедленно прибыл в штаб эскадрильи. Он прикомандировался к флангану.

Уйтгей был рад такому назначению: перед ним пролегла вся операция, он будет сам в центре управления. Но в то же время было тяжело расставаться с эскадрильей, особенно грустно покидать Макса Скотта. Сунуть в будущий его карманчик написать темпераментного Макса Скотта в лужую сторону?

Однако размышлять некогда. Уйтгей горюхился в штаб эскадрильи. Он на ходу поворачивался к Максу Скотту, тот смущенно улыбался поспешно:

— Можешь быть, Артур, ты увидишь в штабе кого-нибудь из десантной дивизии. Там должна быть Элен. Передай привет...

Хотелось высочиться из машины и обнять этого приятного мальчика. Но автомобиль вынужден вперед, и Макс Скотт остался за дымкой пыли. Уйтгей не слышал его последних слов.

По дороге он подхватывал О'Коннелла. Тот тоже спешил в штаб. Его степенный шаг полет истребителей был выделен в особый резерв штаба армии.

Несколько гадя на приятеля, Уйтгей любовался его спокойствием. Выглядев из автомобиля, О'Коннелл лгловито бросил:

— Если столкнешься в штабе с кем-нибудь из десантной дивизии, передай привет... Генералу и...

Хотя голова капитана Уйтгей была занята совсем другими, все же мелькнула мысль: «Теперь я понимаю, почему Макс Скотт так сердился при виде О'Коннелла. Но кого предпочтительнее Элен?»

ЭСКАДРА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

Генерал Маккольма капитан застал в штабе перед собранными командирами эскадрильй.

Флагом вкратце обрисовал создающую обстановку и общую задачу королевских воздушных сил.

— Безусловно с минуты на минуту нужно ожидать налета германских бомбовозов на центры нашей страны. Отражением этого атак займутся истребители и зенитная артиллерия. Наша задача совсем другая. Мы должны нанести внезапный удар по самым чувствительным местам врага. Необходимо максимально обогатить положение французской армии на линии Мажино. Эскадры бомбовозов будут держать под ударом железнодорожные и автомобильные магистрали для восполнения переброски противника. Разрывание авиации необходимо произвести с такой стремительностью, чтобы ее контр-удар был неожиданным для противника, летящего на

то, что он является стороной нападающей и, несомненно, приготовился к нашему контр-механизму. Возможно, что при всей секретности, сроки, предусмотренные нашими мобилизационными планами, известны противнику. Поэтому, при подготовке своего налета и отражении наших действий, необходимо будет ориентироваться не на эти сроки. Мы должны опередить самих себя в два, три раза.

— «Потому», — продолжал дальше генерал, — а буду вам сейчас называть сроки более короткие, нежели те, что предусмотрены в боевом плане. Может быть они покажутся чрезмерными, но мы должны их выполнить. На мою эскадру ложится очень важная задача... Выстроженные бомбовозы должны быть использованы со всей возможной эффективностью. Удар нужно нанести по таким тылам противника, которые он считает неуязвимыми.

Для этого: В 12 часов штурмовые части вылетают для атаки аэродромов истребителей противника, расположенных на пути следования наших главных сил.

В 19 ч. 10 м. вылетают легкие бомбовозы под охраной 86-й и 87-й эскадрильй истребителей. На них ложится уничтожение материальной части противника на аэродромах, атакованных штурмовиками. Одновременно вылетает разведка эскадрильи.

В 19 ч. 20 м. вылетают главные силы эскадрильй в трех группах: первая колонна, в состав которой входят сорока Х. Л. Д., вторая колонна в состав которой входят сорок Х. Л. Д., третья колонна в состав которой входят шестидесяти Х. Л. Д.

Колонны следуют общим курсом на Амстердам. Цель — привлечь сюда внимание противника. Если германское командование не приложит усилий к защите столицы и территории, которая безусловно будет бесполезна, как плацдарм для войны против Англии и Франции, мы только выиграем этим. С первого же дня создадутся реальные угрозы.

Но Амстердам нам не нужен. Над Альмою между Меленом и Ольденбургем эскадра ложится на новый курс — к Берлину.

Проведя эти слова, Маккольм замедлил движение среди командиров. Кое-кто переглянулся.

— Амстердам останется к югу от пути нашего следования. Вероятно противник сосредоточит все силы на пути полета эскадрильй — столицу Германии он дорожит отсюда. Это эскадрильи и нужно. Прежде чем наткнемся на сопротивление непосредственной обороны центра, нужно разбить его. Это должно произойти над городом Зальцведелем. Вот здесь, севернее — восточнее Ганновера. Первая колонна будет продолжать полет к Берлину, а ей придется принять на себя удар, предназначенный всей эскадрой.

Ее задача — отвлесть на себя силы противника. Цель должна удастся создать впечатление, что она является авангардом наших главных сил, движущихся к Берлину, тем лучше для эскадрильй, для нашей основной задачи. Первая группа имеет небольшое количество мелких бомб для демонстраций. Весь тоннаж используется под огнем прицельно оборонительного вооружения.

Одновременно со своей основной задачей на всем пути следования колонны эта колонна несет крейсерское охранение главных сил.

Вторая колонна над Зальцведелем меняет направление на юг — восток, — вот так. Это даст нам возможность некоторой скрытности маневра, хотя к тому времени мы уже будем на территории противника и нас, вероятно, откроют. Сопротивление будет отчаянное, но что бы нам не стоило, мы должны прибыть к району Фюрт — Нюрнберга.

На фотографических кроках «19 Н-бис» мы видели этот район в крупном масштабе. На канале, соединяющем Дунай и Майн, мы видим созданный гигантский военный — промышленный центр, питающий энергией, так называемой «центральной Гитлера», беспредельную войну обих жизни. Здесь один из главных центров Германии. Одна из главных баз питания армии. Производство вооружений, броневых машин, танков, аэропланов. Никак по Майну мы видим Вемберг — здесь созданы величайшие в мире военно-химические центры: варьирования ядов и газов. Наша задача лишить германскую армию такого мощного из ее военно-промышленных узлов.

Маккольм говорил ясно и спокойно.

— Третья колонна, — продолжал он, — в состав которой входят шестидесяти бомбардировщиков, должна дозорничать у «центральной Гитлера». Успешность бомбардировки обеспечит затопление всего района, Фюрта и Вемберга, Три.

ста шестидесяти машин третьей колонны бомбардируют главные военно-промышленные центры Фюрта и Нюрнберга. Оборонительная обстановка противника возмущена в этой связи. Непосредственную разведку мы должны обеспечить себя сами. И не то что идти на операцию с завязанными глазами, но открывать направление своего движения ранней посылкой разведки тоже было бы вредно. Не нужно ни в чем предупреждать, что противник очень силен и подвижен.

Маккольм из-под бровей поглядывал на присутствующих. Командиры эскадрильй делали откаты на своих картах. Лица были сосредоточены. Генерал искал в них признаков волнения — их не было. Спокойствие и уверенность.

— Точно мы достигли на маневры, — подумал Маккольм, и наклонился к генералу Спенсери, в воздух которого сказал:

— Ты, старина, будешь при первой колонне. Ей может прийти очень трудно. Нужна крикякая вой. И на тебя падешь, старый товарищ.

Спенсери молча кивнул.

— Генерал Спенсери становится во главе первой колонны, — сказал Маккольм и посмотрел на часы. — Где-то, до вылета разведки осталось тридцать две минуты.

Один за другим уходили командиры эскадрильй. Около Маккольма остался только генерал Спенсери, спокойный, рассудительный, ухаживающий за хладнокровием и с ним трудных обстоятельств. Человеческая с жесткой волей и необикновенного напора. Все знали о симпатии Маккольма к Спенсери. Капитан Уйтгей видел, что теперь, поставив своего друга в наиболее трудное место, командующий эскадрой хочет на лишнюю минуту задержать его.

Заключив указание, Маккольм особенно тепло спросил Спенсери:

— Ты уверен в себе? Тебе досталось жаркое место.

— Ну, что ты! — спокойно улыбнулся Спенсери. — У меня возни будет меньше. И буду здесь рядом с тобой.

— Прощай, — сказал Маккольм. — Я жду тебя, друг!

— Сделаю, что могу, — бросил Спенсери, прикладывая руку к козырьку фуражки. Уйтгей увидел его круглый, гладко стриженный затылок.

ОСОБЕННОСТИ АППАРАТОВ ГЕН. МАККОЛЬМА.

Теперь будет уместно остановиться на некоторых особенностях аэропланов Х.Л.Д., входивших в состав эскадрильй генерала Маккольма.

Конструкция Х.Л.Д. имела некоторые принципиальные отличия от бомбовозов, имевшихся в распоряжении немцев и даже американцев.

Главной особенностью Х.Л.Д. была замена бензиновых моторов паровой турбиной.

К тому времени восьмидесяти процентов всех авиационных средств мира были снабжены бензиновыми двигателями обычного четырехтактного типа. Лишь четыре наделять процентов имела на борту нефтяные двигатели с зажиганием от свечи или самовоспламеняющейся смеси. Из этих четырнадцати процентов однадцать принадлежали немцам, а два американцам.

Конструкторы III Рейха с наибольшим умением проводили опыты создания авиационного дизеля. Позднее сказали, чтобы только эта страна нуждалась в особенностях своего воздушного флота от бензиновой зависимости. Почти за тысячью лет положен был Франция и Италия, не имеющие своей нефти.

Но никто так не боролся за экспансию нефтяных воздушных сил и за снабжение их двигателями, как немцы, чтобы работать на грубых сортах топлива, как нефть. Эта борьба развивалась сначала на линии изучения технических вопросов нефти. Зависимая же от нефти страна приспособилась к положению людских синтетических топлив.

Настоятельная необходимость экономии горючего диктовалась необходимостью. С военной точки зрения, Германия в отношении нефти. Ей нужно было во время войны иметь 18 миллионов тонн жидкого горючего в год. Восьмью нефть из Румынии не возмещалась. Сама Германия производила всего около 2 миллионов тонн. Командование требовало от химической промышленности покрыть дефицит производства бензина из каменного угля. Но для этого необходимо было изобрести на перегонку 65 миллионов тонн антрацита, т. е. половину всего, что имела Германия в добычу. 50 процентов угля пришлось бы извлекать из хозяйственного оборота страны или заменять его

*) Начало см. № 37.

техническими топливом. Это не пошло ослу германскому конструктору.

Опыт догорания бензина из бурных углей показывал, что это было второе, чем антицикл. Для добычи этого сырья пришлось бы спустить в шахты пять-шесть тысяч новых шахтеров, — а это цыбых 15 армейских корпусов. Этого тоже Германия не могла сделать.

Пришлось идти по пути анжордорного накачивания импортированной нефти. С другой стороны волею усиленной работы по созданию двигателей, способных работать на безалкогольной каменноугольной пыли.

Процесс освобождения от бензинового котла по времени открытия военных действий был закончен в германской тяжелой авиации. Наиболее прочные типы самолетов — бомбовозы — были переделаны на сыпуче-горючее, которое поставляется химической промышленности преимущественно за счет внутренних ресурсов страны. Если считать верными данные германского командования о том, что к моменту конфликта в устье его бомбардировочной авиации находилось всего 2100 самолетов с общей мощностью моторов в 7.200.000 лошадиных сил, то каждый час полета бомбовоза отнимал бы из мобилизованных запасов примерно 1440 тонн нефти. Если принять во внимание, что средняя суточная работа его в первые дни войны должна достигнуть небывалой цифры в 9 часов, то 800 цистерн нефти в сутки нужно для одного бомбовоза.

Выводы переводы бомбовозов на топливо, не являющиеся погонями нефти, запасов последней могли быть использованы для авиации истребителей, требовавшей суточной расхода 5000 тонн.

По совершенно иной принципиальной линии развития моторов тяжелых самолетов пошли английские конструкторы.

Одному из заводов удалось успешно использовать силовую установку на аэроплане большого тоннажа. Сильный переход на длинные валам передачу охладительных механизмов от установок многих моторов. Можно было перейти к одному двигателю большой мощности и передавать его энергию пропеллерам, отнесенным на любое расстояние в крыльях. Это имело значительные аэродинамические и тактические преимущества. Осталось найти такой двигатель, который при небольшом удельном весе позволял бы сосредоточить высокую мощность и был бы достаточно компактным.

Выходом явилась паровая турбина. Откуда ее пришла на счет повышения оборотов. Критическое число, характеризующее прочность материалов с применением так называемых атомных сталей, возросло необычайно. Так, возможность отапливания от турбины котла и конденсатора позволяла разнести всю установку по аэроплану так, что его боевые операционные сечения определялись лишь габаритами человека и вооружения.

Кроме этого, если можно выразиться, «аэродинамическая» преимущество турбины, она открывала перед аэропланом и совершенно новые перспективы высоты. Отпадала проблема поддержания в камере сгорания двигателя какого-то минимального давления, могущего сохранить ему расчетную мощность. Необходимость наддува и проветривания его сложных деталей и треступенчатых нагнетателей отпала. Двигатель перестал сжигаться. Интенсивность генерации пара была постоянной, не зависящей от высоты и скорости полета.

Последний очень важный преимущество паровой турбины являлась возможность использовать тяжелое нефтяное топливо повышенной теплотворной способности, достигшей путем прибавления в историю химических веществ.

О том, какое значение имело применение тяжелого топлива по сравнению с бензином, можно судить по тому, что полезная емкость нового топлива, как продукта производства, относится к полезной емкости прежнего авиационного бензина, как 1 к 3,5.

Всего значение нового топлива по сравнению с бензином заключалось еще в том, что опасность пожара от попадания снаряда или пули в бак была сведена до минимума. А пожар от удара при падении, столь обычное явление в авиации, был почти исключен.

Аппарат Х.Л.Д., благодаря удобному и компактному расположению турбины и пропеллеров, приобретал новую, высокую боевую способность. Это потому, что каждое орудие, каждый пулемет получал значительно больше обстрела, за счет — присутствия на борту Х.Л.Д. такого мощного источника энергии, как генератор пара. Все маневрирование по переключению пулеметов и пушек было возложено на серводвигатели, получающие питание от центрального двигателя — машины.

Вооружены Х.Л.Д. были пулеметами в 14 миллиметров калибра, а в носовых и хвостовых базах имели орудия в 55 миллиметров. Скорострельность пулеметов была доведена до двух тысяч выстрелов в минуту, а пушки — до 700 снарядов.

Экономичность турбины позволяла повысить дальность полета, доведя ее до трех с половиной тысяч километров при полной нагрузке бомб в тысячу двести пятьдесят килограммов весом.

Даже при этой нагрузке машины сохраняли очень высокую крейсерскую скорость на боевой высоте. При этом максимальная скорость не превышала сорока пяти километров в час.

Практический потолок Х.Л.Д. был сорок четыре тысячи метров.

По сравнению с бомбовозами прежних типов, Х.Л.Д. представляли машины, дающие летчику массу преимуществ над противником. Их конструкция хранилась в большой тайне, а чтобы ввести противника в заблуж-

дение, специально раз в английских газетах бывали сообщения о неудаче, постигшей изобретателей турбины.

ПЕРВАЯ СВОДКА.

Вотушнее в обязанности офицера связи, Уйтлей прошел в оперативное отделение штаба. Так только что получили сводку военных действий за последние часы.

Обстановка была следующая на 8-е сентября.

В 16 ч. 50 м. береговые посты наблюдения обнаружили приближение противника. В 17 ч. первые германские аэропланы появились над Британскими островами.

В 17 часов 01 мин. начался воздушный бой между английскими истребителями и германской эскадрой.

В 17 ч. 30 мин. последний неприятельский аэроплан первой волны ушел на восток.

В 17 ч. 34 м. английские истребители протравили охранение противника и вошли в его расположение и, соединившись с эскадрой французских легких бомбовозов и штурмовиков, подавали противозушную оборону.

В 18 ч. 20 м. после тщательной разведки, данных своей наблюдением с расстояния свыше 300 км., вылетели первые соединения тяжелой французской авиации, предназначенной для бомбардирования транспортных магистралей германской прифронтовой зоны.

Не успев капитан Уйтлей прочесть сводку, как в 19 ч. было получено новое сообщение о том, что французская авиация понесла первые серьезные жертвы при возвращении эскадры бомбовозов во Францию. Она была отбита вражескими истребителями и, пробившись с боем к своему расположению, эскадра понесла очень тяжелые потери.

Примерно 19 часов. С аэродрома поднялся первая штурмовая эскадра Макгольма.

ПОЛЕТ ШТУРМОВИКОВ.

Капитан Уйтлей получал через каждые пять минут подробные донесения от начальника эскадры штурмовиков, полковника Гордона.

Он полет сейчас над Немецким морем на высоте тысячи метров, и до сих пор ему удалось обнаружить деятельность противника. Обнаружить Голландию с северной, над территорией Германии, он пошел допущен, долгие часы и пролетаями в лесу, иногда на высоте не более десяти — двенадцати метров, обратно на запад. По донесениям выходило, что все внимание противозушной обороны противника сосредоточилось на легких бомбовозов, поднявшихся за штурмовиками через десять минут. Их командиры донесли, что они летят на высоту около шести тысяч метров. Когда эти эскадры только что вошли в зону действия зенитных батарей противника, расположенных близ территории Голландии, аэродромы истребителей, предназначенные для авиации истребителей, подверглись стремительной атаке штурмовиков Гордона. В то же время пришла донесение от эскадры разведчиков под командой полковника Гринга, что они, пользуясь большой высотой, проникли в тыл противника, перелезав границу у Эммена.

Немецкие эскадрильи истребителей, расположенные близ Голландии, получили приказание подготовиться к вылету через сорок минут для сопровождения немецкой воздушной эскадры второй волны, направляющейся для бомбардировки Британских островов.

Во время подготовки к полету на аэродроме их появились эскадрильи штурмовиков Гордона. Его аппараты, идущие на бомбежку полет, оставались неуязвимыми для зенитной артиллерии, забросили аэродром футуризм бомбы замедленного действия. Вызванные бомбы были установлены с таким расчетом, чтобы взрывы происходили в сроки от минуты до часа и даже до двух. И поэтому аэродромы были недоступны, т. е. то так, то здесь раздавались по временам взрывы.

Когда же первая атака удалась, то второй волной гордоносных штурмовиков пришлось значительно труднее. Пришлось же себя от неожиданной атаки аэродромных команд бросились в зенитные пулеметы, и во второй раз штурмовики были встречены ураганным огнем. Несомненно, потеря Гордон не оставил мысли вторично атаковать, но принужден был пустить в ход дымовую завесу. Хотя она и затрудняла его собственную работу по бомбардированию аэродромов, но зато окончательно парализовала пулеметчиков на земле. Но кроме того, дымовая завеса создала величайшую для дальних эскадр легких бомбовозов полковника Гринга.

В этот момент столкновения между проявила огромное упорство. Их летчики бросались из машин, не выходя на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали аэропланы из горящих ангаров. Истребители, прыгая по вертолету воронками ползу, взрывались вверх навстречу негодной стень дымовой завесы и непрерывно бескамы взрывов. Многие из них тут же же опирались на ямках, другие подлетали, всплывали разрывами бомб, и падали грудой горящих обломков. Своим муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, зажатые зенитными пулями. Но все — так несколько десятками немецкими.

летчиков удалось спасти. С мужеством они бросались в одиночный бой с англичанами. Несколько аэропланов было сбито, но эта сводка, по безумству, пока не принесла пользы, т. е. немецкая эскадрилья прекратила огонь, не желая навредить своим же аппаратам.

Последнюю сводку капитан Уйтлей получал уже на борту бомбовоза в воздухе.

Через двадцать минут появился первый аэроплан. С него штурмовики над аэродромом Голландии появились главные силы генерала Макгольма.

19 ч. 00 м — 21 ч. 00 м.

Получив назначение в штаб эскадры, капитан Уйтлей рассчитывал иметь много свободного времени и проследить за ходом всей операции. Но он не учел того, что впервые в боевой обстановке шестидесяти бомбовозов с приданными им шестидесятью аэропланами разведки, т. е. в общем семидесяти машин, пойдут под командой одного человека, что в группах и колоннах этой воздушной армии могут возникнуть колебания, требующие неординарных прострелов, а может быть даже перемены курсов. И поэтому от офицеров связи потребуются огромные усилия и внимательность.

Перед Уйтлеем лежала целая серия обязанностей с напечатанными на них схемами соединений. Он был связан с примитивной радиостанцией флажманского корабля и мог слышать все донесения отдельных командиров эскадрильи. Он должен был, отбрасывая детали из этих донесений, записывать только то, что относится к изменению порядка и стрел в колоннах и немедленно передавать их генералу.

Эти обязанности, вопреки ожидания Уйтлей, почти не оставляли ему времени на то, чтобы зарека воспользоваться помощью в полу бомбовоза оптической зрительной трубой, снабженной линзой которой давала возможность видеть на земной раз мелкие детали, несмотря на высоту в семь тысяч метров.

Местность, над которой летели колонны эскадры, была очень разнообразной. Виллы сры каналы, перемежались то с желтыми квадратами полей, то с уродливыми естественными распахами.

Вокруг массенных корпусов срыми пятнами замечались рабочие посевы. Маленькие иррегулярные городки соединялись пологими железными дорожками. С ладными любительством следила Уйтлей, совершенно забывала, что влечу влечется, вбронто, зенитная батарея, аэродром, истребители. А когда эта мысль приходила в голову, ты повисала страшной и почти непонятной легкости, с какой колонны вот уже целый час движутся над территорией Германии. Эскадра без боя проникла почти на триста километров вглубь чужой страны.

Несмотря на подозрительность подобной инерции противника, главные силы эскадры могли двигаться совершенно спокойно. Разведка шла вперед впером, выдвигаясь на пятнадцать километров. Разведчики летели патрулями на высоте от восьми до восьми с половиной тысяч метров. Они оставались почти невидимыми и неслышимыми. Еще несколько лет тому назад разведчики были бы на такой высоте совершенно слепы и беззащитны. Но благодаря развитию оптики и автоматическим работающим фотографическим аппаратам, можно было вести действительно наблюдение над пересеченной местностью. На обязанности летчика лежало, главным образом, наблюдение за окружающими воздушными пространствами. При современном скорости появление в воздухе истребителей или баллонов газрадных, могло быть обнаружено лишь при постоянном и внимательном наблюдении. Та — же большая скорость и огромная высота полета делала визуальное наблюдение земли очень трудным. Человеческий глаз, даже вооруженный большой мощностью оптической трубой, уже не мог фиксировать предметы с точностью, какая требовалась разведчикам для раскрытия местности. Для наблюдения за ней с большой высоты нужен был аппарат, состоящий из сложного агрегата демонстрационного, фотоэлектрического, и радиобалла аппаратов. Интересной деталью установки было применение новых эмульсий, очень чувствительных к природным флуоресцентным краскам. Искусственные краски действовали на эмульсию совершенно иначе, чем естественные. Изображение получалось резко искаженным по цвету и сразу бросалось в глаза. Это давало возможность открывать всякого рода искусственные сооружения или засады.

Через восемьдесят секунд после спуска затвора фотографической камеры уже проектировалась позитив на экран перед летчиком. Полковник Гринг летел в замке своего передового патруля, непрерывно поддерживая связь с флажманским кораблем. Старый осторожный, опытный и внимательный летчик, не отрываясь от изучения радио приемника и был готов принять сообщение любого из двадцати патрулей своей эскадры. То, что за час полета над расположением противника не один из аппаратов не дошел о чем-нибудь подозрительности, ставило полковника беззащитным.

(Продолжение следует).

Уважаемые дамы

ежедневно новые модели обуви

лучших заграничных салонов

Р. Эглитиса

Рига, Кальмие на 15

R. Egļitis

(2-е продолжение*).

БАЛЛОННОЕ ЗАГРАЖДЕНИЕ.

Главная смыслилась полетами хомажи, покрытыми желтым кустарником. На окрайе по-прежнему не было приаждою, аэродрома, зенитной артиллерии и коустовенной эакировки. Гринь знал, что скоро должна быть загражденная линия, базирующаяся на Ганновер. Ему было ервано, что противник так хладнокровно подпускает к ней англичан, но попытаться даже обить изъ съ маршрута. Видеть плохо для них, если эскадры прорвутся к Ганноверу. Тогда будет уже поздно дать бой. Она даже не успевает вступить в соприкосновение с главными силами.

— Ну, что-же, темь лучше для насъ, — запыль онъ по старой привычке, зная, что никто не услышит его голоса, которого онъ так стыдился на земь. Здсь некому будетъ упрекнуть его въ отсутствіи сауха. — Темь хуже для... — заветь было онъ новую глупаду, но обормалъ на доуслось.

Головной аэропланъ идущаго впереди патруля вдругъ стремительно повернулся вокругъ вертикальной оси. Прежде темь Гринь успелъ проанализировать это движение, правое крыло аэроплана отвалилось и стало падать. Корпусъ то которымъ крыломъ совершилъ еще нѣсколько беспорядочныхъ движений и пошелъ внизъ. Въ слѣдующее мгновение изъ падающей машины отделилось двѣ черныхъ точки и, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ метровъ, надъ ними раскрылись парашюты.

Летящихъ его машины, слѣдуя движению идущихъ впереди аппаратовъ головного звена, круто всталъ на себя. Развѣдчикъ вызвалъ моторами и горькой полтъ въ облако. Въ тотъ моментъ, когда Гринь отбѣгивалъ прыжокъ второго парашютиста въ его папушикахъ зазвучалъ голосъ:

— Гринь! Гринь! говоритъ Д-4! говоритъ Д-4! Это вымпалъ полковника по радиотелефону развѣдчикъ, жерящий аварию. Поглядимому, третій изъ экипажа, падающей машины остался, чтобы довести.

— Гринь! Гринь! Слушайте! Невидимому, напоролось на трость заграждения. Говоритъ Д-4! Слышите?

— Слышу! Д-4! Д-4! Прыгайте, Прыгайте! Я васъ вижу! Досеице приналь Гринь.

Правильнымъ движениемъ пальца переключилъ радио на переключу телеграфъ и стали посылать въ эфиръ позывные.

— Волна!.. Волна!.. Волна!..

А глаза по мотамъ стартывали отъ исчезающей въ синей дымъ у земли падающей машины. Успѣлъ ли выключить послѣдній? Кто былъ этотъ смѣльчакъ, въ которомъ сознание долга преодолѣло усталъ смелъ? Летчикъ-паблэ. Дать ли радиотелефонъ? Онъ даже не сообщалъ свое, его имени!

Аппаратъ Грина, пробивъ облака, вышелъ подъ чистое небо. Безмолвная яркость свѣта, незатемненная ни однимъ облачкомъ, ни мажнѣйшій туманностью. Подъ аэропланомъ дабулись безразличнымъ моремъ облака. Казалось, что они пахотаются въ непрерывномъ движениіи, точно гонимыя вѣтромъ волны мыльной пѣны, заполнившая цѣлый океанъ безъ береговъ, даже безъ горизонта. Лицовой вереницей, какъ поплавокъ на поверхности бурляваго прибоя, то появлялась, то снова топила аэростаты баллоннаго заграждения. Потѣбный летчикъ не ошибся: десятки серебристыхъ кобасъ тянулись непрерывной чередой съ сѣвера на югъ.

Въ папушикахъ полковника Грина послышалось крахотанье, потому отглагольнъ голосъ:

— Волна слышите!.. Волна слышите!..

Это отозвался флагманскій корабль. Гринь сообщилъ о загражденіи и, чтобы точно установить начало и конецъ его, вынулъ медъ облака. Ему показалось, что это было начало загражденной линіи Ганновера. Объ этомъ предположеніи Гринь сообщилъ генералу.

Собравъ десять машинъ своихъ развѣдчиковъ снова широкъ облака. Аэростаты по-прежнему качались въ пѣнѣ етомъ морѣ. Гринь приказалъ атаковать ихъ.

Воснамененные жалителными работами нѣсколько баллоновъ возвращались ари-голубымъ пламенемъ. Утративъ часть своей опоры, барьеръ осѣлъ. Оставшіеся аэростаты были теперь видны подъ облаками.

Этого достаточно. Гринь не могъ задерживаться для посылки уничтоженія баллонной эаеи. Хотя троевъ и не было видно, они уже не представляли опасности и не могли явиться аловушкѣ для плавающихъ силъ.

* Начало см. № 37 и 38.

Генералъ Маккольтъ измѣнилъ направленіе, обойдя ба- рьеръ съ сѣвера. Теперь аэростаты могли, сколько угодно, болтаться подъ облаками.

ПОЛЕТЪ МАКЪ СКОТТА.

На омыну хомажи, покрытымъ рѣдкой порослью, подвиг- лась патна аѣса. Въ папушикахъ капитана Уйтасей послы- шались позывные флагманскаго корабля. Четкимъ пописки- ваніемъ кто-то звалъ:

— Волна!.. Волна!..

Уйтасей отворачивалъ отъ зрительной трубы. Въ папуши- кахъ запылали:

— Говорить Бадю... Говорить Бадю...

Уйтасей даже не заглянулъ въ коды. Эти позывные онъ зналъ хорошо. Его эскадрелья. Капитанъ невольно помоты- рѣлъ въ ту сторону, гдѣ должны были быть они, летящіе на крайнемъ лѣвомъ флангѣ первой колонны. Но меньше пяти километровъ отделили его отъ эскадрильи. Уйтасей и Макъ Скоттъ не могли бы идти другъ друга въ небо, даже если бы промешутокъ между ними не былъ занятъ нѣсколь- кими десятками рыбныхъ ластей, похлывавъ на стаю рыбковъ въ свѣтломъ пруду. Макъ Скоттъ эти ласты казался непо- движными, потому что двигались съ той-же скоростью, что и его собственный аэропланъ. Только, когда его аппаратъ началъ, ласты эти то уходили подъ крыло, то пропадали на фонѣ земли, то рѣзко проецировались въ облачномъ небѣ.

Макъ Скоттъ спокойно велъ машину на продолженіи курса. Переключивъ управленіе на автопилота, онъ лишь изрѣдка поглядывалъ на компасъ, но сомнѣнн курсоваа черта съ лужаго румба.

Во время полета Макъ Скоттъ испытывалъ чувство удо- влетворенія, почти радости. Источникомъ ея была та-же увѣренность, какую онъ испытывалъ, купавсь въ морѣ. Макъ Скотту не нужно было прилагать никакихъ усилій для того, чтобы держаться на поверхности. Казалось, по- делой онъ тонуть, и то вода не пуститъ внизъ. Такое же чувство было и теперь.

Но въ воздухѣ оно пришло не сразу. Прежде, когда онъ леталъ на болыпомъ бомбовозѣ, этого чувства не было. Аппа- ратъ былъ болышимъ тѣломъ, механизмомъ, который онъ, Макъ Скоттъ, заставлялъ держаться въ воздухѣ. Не поки- даа мысль, что нужно быть на чеку. Внизу земля съ ни- когда не измѣняющей ей силой притягивала.

А когда лейтенантъ пересѣлъ на Х. Л. Д. это чувство исчезло. Пропала мысль о томъ, что машина тѣлѣево воз- духа. Ему казалось, что онъ не летѣлъ, а омыокой плавалъ въ упругомъ воздушномъ океанѣ.

Немного лѣе и впереди Макъ Скоттъ все время видѣлъ машину товарища съ асией двойкой на фонаряхъ. Если бы не крылья она была лодка на бычущую успешную ры- бу, аинее безъ движения плывущую по теченію рѣки. Только смѣшная у рыба сына. Чувствъ прозрачный планка оредней части фонаряка видны движущимъ голымъ лодъ.

Внизу подъ двойкой становилось темнѣе. Гуще отдалась болышой аѣс. Макъ Скоттъ съ интересомъ склонился къ трубѣ. Ему казалось, что онъ слышитъ щебетаніе птицъ, чуть запахъ влажной тины, ласканіе подъ сомкнутыми аер- шинами деревьевъ. Ему даже захотѣлось въ этотъ аѣс. Онъ давно не видѣлъ такой массы зелени.

Если бы лейтенантъ могъ спуститься на землю, онъ убѣдился бы, что аѣсъ, действительно, великъ. Ветвины деревьевъ сходились, закрывая землю. Въ ихъ душнойагустовской тѣнѣ было сумеречно и пахло прѣвыми ли- стомъ. Даже птицы, о которыхъ думалъ Макъ Скоттъ, действительно щебетали на вѣтвяхъ. Но вдругъ пѣлая стаа ихъ, сваявшись съ дерева, испуганно метнулась въ сторону. Даже будучи на земь нужно было очень внимательно пра- гнагиваться, чтобы повать причину вѣсуга птицъ: зеленая масса ластей обдухнула и стала медленно вращаться: упа- шалась верхушка дерева и пѣлая поплашка порхавшая въ корняхъ земли. Дерево было только тѣлѣево поддерживаемой маской зенитнаго орудія, притягивавшая въ тѣнѣ. Медлен- но, методично вращалась орудіе, сады отводя въ невидимымъ аппаратамъ генерала Маккольта.

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ.

Если бы посмотрѣть на этотъ болышой спокойный аѣс сверху, можно было бы увидѣть много тапхъ вращающих- ся деревьевъ. Подъ каждымъ изъ нихъ скрывалось зенит- ное орудіе. У каждаго орудія, молча и въ напряженномъ ожиданіи, стояла присуга. Навозчикъ съ папушиками на головахъ торжественно вращали колеса горизонтальной а вертикальной заводки. Приказанія приходили съ поста ко- мандира батареи, откуда велось наблюдение за движущимъ эаеи.

Въ контрольной трубѣ наблюдателя разбросаннымъ по че- бу рыби - аэропланы превращались въ машины. Можно было отчетливо разобрать ихъ очертаніе и даже опредѣлять типъ.

Присуга у орудій, скорѣе угадывавшая, чѣмъ видѣвшая въ небо, сѣрую рыбу, начинала. Солдаты удивлялись то- му, что командиры позволяютъ врагу проходить вглубь стра- ны, не открывая огня. Но нѣмѣдый мзюръ великолѣпно видѣлъ передвиженіе развѣдчиковъ, и, предупредивъ въ движеніи колонны бомбовозовъ, стойкою ждалъ, пока на фонѣ рѣдкихъ облаковъ покажутся главные силы неприятеля.

Справа ждала вторая батарея, сѣва — третья. Орудія настороженно молчали.

О грозилъ колоннамъ опасности не могли на этотъ разъ предупредить и развѣдчикъ Грина. Даже зоріе наблюдателнне аппараты не обнаружили пушекъ, спрятавшихся въ густой лѣсѣ.

Сквознякъ времени отъ времени къ окуляру трубы, Макъ Скоттъ видѣлъ все тотъ-же зеленый аѣс. Лейтенантъ от- личио думалось подъ рогное гудѣніе прозелетерѣвъ, когда внезапно, сразу съ нѣсколькихъ сторонъ сверкнула блестя и разрывовъ и брызнула черные колюча дыма зенитныхъ сна- рядковъ.

Автопилотъ выключенъ. Рука на штурвалѣ. Ухо улав- ливаетъ приказанія флагмана.

— Маневрировать по высотѣ, не мѣняя курса.

Руки сами реагируютъ на висящіе еще въ воздухѣ колюча черного дыма. Разрывы слѣдующаго залпа зенит- ныхъ орудій, покрывшіе то мѣсто, гдѣ только что былъ аэропланъ, остались надъ головой. Но прежде, чѣмъ Макъ Скоттъ снова всталъ штурвалъ на себя, совсѣтъ рѣзко сверкнули новые разрывы. Еще и еще. Они были такъ близки, что на мгновенье закрывали переднюю машину. Все- го на мгновенье. Но когда ихъ черные доскуты остались позади, двойкаа сосѣда уже не заикалась пригнутой для Макъ Скотта положеніи. На пятьдесятъ метровъ впереди и сорокъ метровъ ниже. Круто заворачивая лѣво, безъ вы- ража, она стремительно уходила въ сторону. Уданный сна- рядъ сдѣлалъ свое дѣло. Не ошала приказанія, Макъ Скоттъ далъ обороты мотору и вышелъ на ея мѣсто. Опа- дѣнны онъ уже не нашелъ товарища среди хлопьевъ раз- рыва.

Скоро зона обстрѣла осталась позади. Батареи послали еще замъ и умолкли. Собиравъ донесенія эскадрильи, Мак- кольтъ подползалъ потери. Во второй и третей колоннѣ деадыа четыре аэроплана биты, тридцать одинъ поплавокъ легка поврежденія, нзависающа въ полѣтѣ. Въ первой колоннѣ одинъ имѣлъ серьезное поврежденіе рулей. Это аппаратъ командира первой колонны. За нѣсколько минутъ до того, какъ кѣмъ открыли огонь, у его аппарата залѣо трость управленія ругеиъ направлення. Пока его испрошн- зили, летчику пришлось поспѣшь остъ цѣй строй и дѣлѣтъ непрерывный кругъ. Тутъ началась обстрѣла. Кружащійся аэропланъ былъ вынужденъ мѣняеиъ на орудій. Прежде, чѣмъ на немъ изрѣкшая поврежденіе, онъ былъ битъ.

Генералъ Сенесери, летѣвшій въ сосѣдствѣ съ командиромъ колонны машинъ, успѣлъ еще замѣтить, какъ поврежденная машина, потерявъ управленіе, безпорядочными кружками по- шла къ земѣ. О безнадѣжности его положенія Сенесери повѣлъ потому, что тотъ сбросилъ сразу всѣ свои бомбы. На земѣ разсыпавшись огнемъ разрывовъ и взлетѣла, обла- ко дыма и земли. Сенесери занялъ мѣсто командира пер- вой колонны и донесъ флагману.

Въ радиорѣчь чувствовалось какіе-то недочеты. Это пѣны пытались мѣнять работѣ прѣимковъ эскадри, по- слала ложныя приказанія и донесенія.

Макъ Скоттъ получалъ отъ флагмана удѣленіе объ этой мѣшающей работѣ противника и пересталъ тратить время на расшифровку явно ложныхъ передачъ. Но все- же эти несправленія донесенія сыграли свою роль. Флагманъ принужденъ былъ дважды мѣнять шифръ.

АТАКА АВТОЖИРОВЪ.

Ниль ничего удивительнаго въ томъ, что Макъ Скоттъ отнесся съ недоверіемъ къ одной радиопрѣмѣ, содержащей поразобочныя слова, хотя подъ ней и была подпись Мак- кольта. Смысль слѣдующей радиопрѣмѣ флагмана сподвигъ къ тому, что безъ рѣшительности и безъ атаки со сто- роны протнганъ аэропланной эаеи въ бой не вступать, ни при какихъ обстоятельствахъ не уклоняться отъ мар- шрута.

Если бы лейтенантъ не призналъ плохо понятую телегра- му за дѣшевую, кто зналъ бы, что развѣда эскадры обва-

ружья, что неприятельская колонна автомашин, тягущих в лесные машины, поднялась выше, чем в раскраса.

Знал, что беспокойность автомашин ничтожна. Макс Скотт мог допустить лишь два варианта: либо автомашинный отряд был с целью наблюдения, либо они, взяв курс на раскрасу, начали метать бомбы в колонны.

Ничего этого Макс Скотт не знал. Он не видел, что первая колонна Спенсера разошлась, что именно Макс Скотт мог угрожать бомбардировке автомашин. И поэтому появление неприятеля слева и сверху было для лейтенанта неожиданностью. Макс Скотт поспешно послал в штаб позвонившего флага и стал передавать голосом, по телефону, сообщения об автомашине.

В наступивших Угасах зазвучал знакомый голос прилетевшего на взлетный аэродром. Передача оборвалась. Напрасно флажки выжили. Макс Скотт не откликнулся.

В самый разгар передачи Макс Скотт вдруг почувствовал толчок, и машина стала резко заворачивать влево. При этом все аэродром выбировав так, что сзади на приборе пригнали, как в аккорд. Две из них, поворачиваясь поворотом правого винта, дала странную дилляцию. Он то стремительно подкачивала на красную черточку, то резко падала на 0.

Макс Скотт немедленно выключил передачу правому винту, и через секунду перед ним вспыхнуло на доске лампочка бытового механизма. Пришло доведение: правый пропеллер выбыл из строя. Совершенно оборвана одна доска. Это означало одно: кз бомбы автомашин. Макс Скотт был единственным пострадавшим от их испадения. Личность пропеллера, его аппарат не мог продолжать полет. Он резко пошел вправо. Макс Скотт изобретательно обдумывал положение. Чтобы заставить машину идти прямо, он может выключить левый пропеллер. Можно сбросить бомбы, и планирование будет более пологим. Но бомбы должны быть защищены. Однако было совершенно ясно, что планирование и даже сохранение полета в высоте невозможно.

Радиостанция Макс Скотта приняла приказ генерала.

— Полнонам расходиться, согласно боевому заданию. Это значит, что эскадрилья достигла поворотного пункта, и та, с которой должны идти Макс Скотт, должна лечь на юг, т. е. вправо.

Дождь...

Лейтенант прикусил себе губу так, что нельзя было увидеть. И забыл:

— Довести генералу о случившемся, — приказал Макс Скотт радиостанции.

Пока впереди идущая эскадрилья выполняла маневр, Макс Скотт получил приказ:

— Выйти из строя. По собственному усмотрению найтись место для посадки...

Лейтенант хорошо понимал, что этот приказ есть указание его любимого бомбовоза. Но что делать? Мысленно поворачиваясь с эскадрильей, Макс Скотт оставался в строю. Он с токой смотрел, как исчезают вторая и третья колонны генерала. К-то там в голосе на фоне музыки аэродром сидит капитан Артур Угас. Он нахмурился уже вычеркнув из состава эскадрильи его аппарат. Может быть, он даже и не подумал о том, что трюки, паравозная на хвосте аппарата — это аэродром Макс Скотта. Но нет. Артур не мог забыть о нем.

Разв Арчи не было его крутом.

Тут он поймал себя на том, что представлял себя уже покойником. Ну, нет, думки. Он еще посмотрит, что из всего этого получится.

Между тем, первая колонна Спенсера быстро уходила на север-востоке, и скоро следовали черточки с машины носами в затуманенном облаках неба.

Макс Скотт был уже много ниже этих облаков, свисавших его товарищей. Его аэродром остался один, совершенно один над вражеской страной.

Спрятав аэродром под крыло. Больше не было надобности старательно удерживать направление. Макс Скотт свалил затекшую ногу, и аэродром плавно заскользил к земле.

Теря высоту, лейтенант мог уже без помощи трубы падать землю. Темно-синий громад дна перемешиваясь с густой кустарником. Дальше туманы гряды тумановых облаков. Пикажи строений на них не было. Но Макс Скотт твердо решил не садиться, не испытать с собой бомбы. Поэтому, придрав маневр минимальный угол снижения, на каком она могла не пропасть, Макс Скотт снова повел ее по прямой.

Остаток произвольного свиста пропеллеров и моторов гудения моторов создали теперь при планировании иллюзию полной тишины. Мягко шумели крылья, топотом голосом пил сафа. Если лейтенант давал штурвал от себя, голос сафа дикался смехом, переходил на диктант, подбирал на себя, — и сафа снова возвращался к ровному аэродрому.

В узкой луже штурманской пыли проснувшись бездомный кот, из колы и мха. Сквозь затопленные стекла окошек, лейтенант увидел глаза штурмана.

Поворачиваясь на левый бок, Макс Скотт замечал, что высота уже всего около четырех с половиной тысяч. Он отпустил реператор. Штурман отдал тоже и счастливо улыбнулся, точно они были вынужены в саушах. Макс Скотт помянул его к себе.

— Где ты?

Штурман протянул планшетку с картой.

— Как северно получилось. Надо искать хорошую посадку.

Макс Скотт сердито вырвал планшетку.

— Не в посадку дхо. У нас же бомбы. Тысяча километров. А с ними в неизвестном месте. Где мы?

Штурман отбавлял карандашом место. Лейтенант

взял из низа. Вдалеке виднелась железнодорожная станция, вверху развевалось розное поше.

Самое подходящее место для спуска. Макс Скотт спросил штурмана:

— До станции дотанем? Почитаем.

Штурман взял счетную линейку. Взяла карандашная доска касалась до сбитого мажельной и неужесткой в мхотных лампах перчаток. Но убитые пальцы доводили оперировали. Лейтенант с истерическим скандалом за разором.

Штурман о чем-то думал, глядя на карту.

— Г-ль лейтенант. Если мы немножко облегчим машину, то можем дотануть до близлежащего городка. Прикажете опорожнить баки с бензиновым маслом. Если собор, сие кое-какое оборудование, то выберете тонны на чистоте.

Глаза Макс Скотта заблестели.

— Действуй, штурман.

Лейтенант было некогда самому распорядиться. Он старательно пошел машину по линии, прочерченной штурманом на карте.

Осторожно беря на себя штурвал, Макс Скотт чувствовал, что идет все по больше и больше оттоному скопленению. Это скандал обманчивый лизий груз.

ПОДЗЕМНЫЙ АЭРОДРОМ.

Темно-синей полосой тянется по гребням дальних холмов хазмор дль, опосредованно знаменуя долину. Различна будто усталая доскутук ковром, поспит ключами полей. Зелено, подчас почти бирюзовые, желтые, как золото буро-серые, красные, черные, клыки, ладарины, транспиры и ромбы скандалы эти излучают яркую нестоту. Беспорядочно разбросаны по ней маленькие, чистенькие деревенские. Долина бымы, с краснотами крышми, несправными рядами разбавляется вдоль улицы. За домами зелеными грядками легли огороды. Капустные кочаны с тугими голубыми листьями, а рядом темная зелень картошки. Дальше за картофельными грядками кусты. Среди них, чучело со старыми плечиками мытого головы. В тихом предвечернем воздухе безжизненно поныла рукава старого сюртука. Но применялись к чучелу дробью безжизненно заломили атодами.

Вечереть. Густая тьма от збора ложится на близкую стну дома. Низкое солнце бытовым заревом заката сть стекла домов. Лучи пасмурно просвечивают дот. Нить в нем ни перегородок, ни мебели, нить в людей. Сбыви дома залури несправными, желтыми. По фаворит идт тонкая планка остова, и рес-то домики, оказывается, скандал из фаворит на тоненькой караси.

Второй дом, третий, пятый, двенадцатый. Вся деревня бутаторская. Даже тут эта на пригоры деревенская кормица с вывешью тоже неистоща. Напрасно любители зыпить сталь бы носки за стойкой толстого хозяина в фаворит фарути. Они увидели бы в центре ресторана толстую стальную трубу, выходящую из пола и упирающуюся в крышу. На крыше над трубой стеклянное полушарие. В его лизах отражалась купол ветрило неба. У подножия трубы широкий провал люка, с ведущими вниз желтыми м ступенями. Там, где они кончались, рыскающая дери подпольной шахты. А внизу, на табуни двенадцати метров, встали лифты. У освещенных электричеством кабинки дремлют солдаты. Прямо против них была эмальрозная доска, на которой готическим шрифтом выведено едущий офицер.

Заткнув в фаворит, прищурив глаза на высоком табури перед большими матовыми стеклами панорамы, сидит обер-лейтенант. В стеклах купол предвечернего неба, плечо, крош рывных блнх мажельных несправных облаков. Но обер-лейтенант внимательно смотрит, поспевая сапарту. Когда она кончается, офицер на миг отрывається от панорамы, чтобы пить новую

На столы рядом с ним звякнул телефон. Привычным движением руки офицер снял трубку.

— Обер-лейтенант Шпиль.

Громко и раздельно зазвучало в мембран:

— Пост № 6 слышит аэродром.

Прежде, чем лейтенант положил трубку, задрббел жаль новый звонок и вспыхнула красная лампочка.

Деревня наверху озла.

Из труб, как по команде, клубами повалил дымом. Ворота дворов стали открываться, из них вылазили тарансы, возы, автомобили, груженные сном с тарбам.

Из под куч навоза, одобранных из фаворит, торчали стволы сепитных пулеметов. Вся округа озла, как по мановению чародейской палочки. На широких улицах, до того совершенно пустых, появились люди.

Странно жителя: костюм на них необыкновенный, — солдатские бросы и военные куртки, только на головах, вместо шлемов, кепки и шляпы. Но сверху они казались такими же, как все мирные жители, и планка развешивала Грина зафиксировала точки крестьянских шляп.

К тому времени, как огонь округа, первые отряды эскадры Максимально с развешиванием пады ней. Подковник Гринь донес, что около деревни не видно никаких сельско-хозяйственных машин, что, повидимому, объясняется тем, что крестьяне уже покончили с полевыми работами. Подковник Гринь не подбирал, что вместе с темпическими сабми с развешиванием клячами облаков ней его развешивание убо отбичены лизами под кришей ресторана и чечелью изображением легли на подземной панораме, вокруг которой толпились офицеры. В зал вглядываясь было истерическим, по подождей командир подземной эсмы, поспевать на черточка аэродромов, под черноту равнодушно сказал:

— Терпите, господа, это развешивание. Из гавани

онны проходят в пятидесяти километрах из югу. Мы должны ударить им в хвост. Он отбавлял затановились. Дикание офицеров:

— Итого, задача ясна. Противник должен быть задержан во что бы то ни стало. Прону развешивание из мажельных пачалывания. По мбтам. Кз секторами, господа. Командирам отрядов задержаться.

Придерживая на ходу бинокли и планшетки, офицеры быстро разошлись. Вокруг маюра остались лишь несколько капитанов.

— Поблизе, господа.

Подковник понизил голос до шопота.

— Прону внимательно и все лично проверить. Наша задача больше чем ответственна. Понитно... Вы свободны.

Он опустился на табурет перед панорамой. Ады ютант надувал на лампу темный экран. Еще ярче выступила на матовом стекле панорамы ослепленное бланком заката небо. Развешивание прошли. Ничего, кроме облаков, не осталось наверху. Маюра сидит у пульта, положив левую руку на доску с кнопочными сигналами. В отсвете панорамы резовьт гладко выгорит подборок. На воронках яркая желтина потанцует с серебристыми нитью дубовых листьев, а между ними, внизу, внизу, внизу, — pour le mrite — память покойного императора.

— Г-ль полковник, одиночный бомбовоз падает юной. Действительно, в полз урний панорамы входил одинокий большой аэродром, на крыльях которого ясно были видны английские отличительные знаки. Он шел необычайно тихо.

Подковник, не оборачиваясь к адъютанту, бросил:

— Третий сектор. Одно звено. Сидит.

Макс Скотт приходилось туго. Машина дотигвала последние километры. Высоты осталось лишь сто метров. До железнодорожной станции не дотигнуть, а подходящей пилы для бомбы все нет, как нет. Но сбрасывать же их на мирную деревню, лизаны которой даже не притановились при его приближении.

Ничего не оставалось, нужно было садиться, благо мб. ета для посадки было крутом, сколько угодно.

— Лизы бы се угудит только полерек борозды пахоты, — подумал Макс Скотт. Остальное не важно. Торжественно колеса дают возможность обойтись минимальными проблемами. С этой стороны все почти ошьюно.

Высота подходила уже к пределу, дальше которого скандал не сущств. воспользоваться парашютами. Макс Скотт отдал приказ:

— Притяг вей.

Из люка показалась голова штурмана. Лейтенант отдал приказ: «Спрыгай». Выступив сквозь засветленный полз, он увидел, как из под фюзеляжа падают один за другим его люди. Миг, и над падающими, как язык пламени вспыхивает хвост парашюта, расцвешает турунгу пузырем шелкового полушария. Макс Скотт считает прыгающих:

— Два.

Он подождет. Третьего не было. Лейтенант обернулся в штурманской рубки. Поднял расширенный глаза на командира, штурман молча указал на землю, и тут Макс Скотт увидел огороды деревушки, над которыми шел аэродром. Чучело на огороде весело замаяло руками. Вмешь с успешными ягодами кустами он стремительно удалялся от оставшихся на мбт колоды. Огород раскопал пополам. Кочаны капусты удалялись от неподвижной картошки.

+ 4 МИНУТЫ.

В бетонном подземелье, на глубин двенадцати метров, стоял ностерический шум. В первый момент пельз было даже опрделить его природу, так он был силен. Лишь привыкнув, ухо выдвело парадий над всем ревь авиационных моторов. Вспрыгнувшие под ослепительными лампами толщаты истерически срывали песками вращающихся пропеллеров. Выше пд-то в задней части подземелья могучими голосами вли вентиляторы. Голыми вихрем пропеллеров, засасываемые широкими руструбами вентиляторов, струи выходящих газов синим стремительным потоком понеслись под сводами.

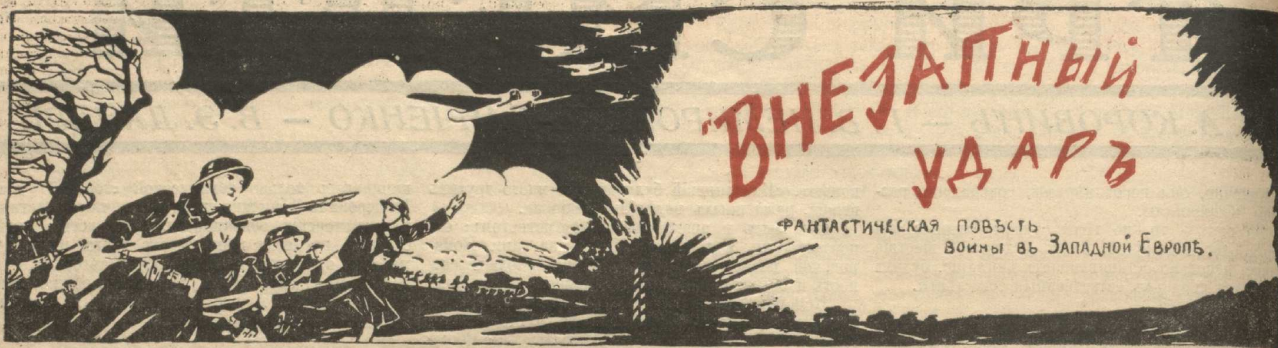
Казалось, люди в аэродроме и у механизмов не замечали этого аскаго шума и вихря. Их глаза были устремлены на офицера, сидиного в стеклянной бунке у стлмы. Перед офицером блбл щит управления. Голова офицера была закрыта толстыми звукопоглощающими шлемом с телефонными трубками на ушах. Он один слышал голос из центального поста. И теперь, появившись этому голосу, он лажал кнопку. На белой доске загорелась яркая надпись:

— Приготовител.

Такая же надпись вспыхнула в разных концах подземелья. Личики сгосили глаза на свои контрольные приборы. Нажим другой кнопки, — и экран перед офицером поспевил. В нем отразилось вечернее время, залы деревни с я огородами, стандартными кустами малины, чучелами, с глядящими в небо журавлями колоды.

Реагируя на новый телефонный приказ, офицер издал другую кнопку. К общему шуму прибавилась могучий гул. Заработали мощные электромоторы, приводящие в движение прыму подземного аппарата. Подозвонил отходить. На миг все тоном поднялось к потолку, позвонившему закатом небу. Тяжелое плетение стали лих ферм отходило. Все больше неба, все больше света. Личики, как по команде, опустили очки на глаза.

(Продолжение следует.)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

(3-е продолжение*).

Новая кинока. Рубильники, моторы.

Передняя катапульта со стоявшими на ней четырьмя аэропланами, быстро и плавно придвинулась к прорыву в погоды и выбросила в воздух свою ношу. Взлетев два истребителя, за ними еще два. Всеми моторами загудели пустые фанерные домики. Через двадцать секунд на месте первой катапульти была поляна, и с ней четыре машины взвились навстречу одинокому летящему над самой землей английскому аэроплану.

Его изображение в панорамах главного поста дѣлалось все больше, яснее. Онъ подошел такъ близко къ землѣ, что истребители не рѣшились его атаковать. Командиру фланговой воны нужно было уже выпустить в воздухъ все свои аппараты. Они должны были захватить вдовонку за прошедшими главными силами англичанъ. А этотъ удивительный одинокий англичанинъ пропалъ съ карты.

Послать истребители — значило сознательно идти на столкновение вылетающихъ изъ подъ земли машинъ съ этими безумцами. Надо было задержать вылетъ своихъ истребителей, пока не сообразятъ англичане.

Майоръ въ бѣшенствѣ рвалъ телефонъ. Адъютантъ поначалу съ лихорадкой пытался руководить помысливъ англичанина съ землѣ. Созданы наверху, прижавъ на болѣно, послали въ воздухъ ружейные залпы. Изъ-подъ фанерныхъ шитовъ, изображающихъ кучи навоза, на автомобилихъ засверкали пулеметныя очереди.

Макъ Скоттъ подходитъ къ землѣ. Радистъ его правого крыла все уменьшался. Стрѣлка альтиметра быстро сползала къ нулю.

Еще одна нѣсколько минутъ. Держа одной рукой штурвалъ, онъ другой лихорадочно настраивалъ радио-передатчикъ. Прошла минута, пока флапантъ отозвался на позывной и Макъ Скоттъ мѣлъ передать ему о томъ, гдѣ онъ и что хлѣбается подъ нимъ. Глазами пытаясь сообразить открывавшиеся передъ аэродромомъ, онъ сбился и въ концѣ концовъ просто сообразилъ:

— Очень много, не успѣю сосчитать. Постараюсь, чтобы ихъ было меньше.

Лейтенантъ бросилъ аппаратъ и вызвалъ къ телефону штурмана.

— Нааирую спирально. Бросай въ цѣль.

— Слушаюсь. Бросая въ щель.

Машина снижалась. Она со свистомъ неслась надъ зоной подземныхъ аэродромовъ. Казалось, она шлетъ столичный съ поднимающимися истребителями.

Видя въ своихъ зрѣлкахъ аэропланъ англичанина, который, какъ помѣнявший, кружилъ спирально надъ выходами отверстия аэродромъ, полковникъ прекратилъ выстрѣлы истребителей.

Катапульта замерла. Наступила растерянность. Уже нѣсколько минутъ ни одинъ изъ десяти аэродромовъ не выпускалъ въ воздухъ своихъ машинъ. Майоръ отдалъ приказъ:

— Командиру седьмого отряда въ одиночку таранить противника.

Но нежданно, чѣмъ адъютантъ порешилъ приказъ по назначению, командира зоны взорвался отъ страданнаго варана. Показъ свѣтъ. Шингола трещина легла поперекъ, скола панорами. Молниенно, точно въ задумчивости, ослѣдъ стальная труба перископа выскочила съ бетоннымъ перекрѣплениемъ. Кучи земли, осколки бетона рухнули въ подземелье.

Штурманъ думалъ, что промахнулся. Первая двухсотпятидесятая штурмовая бомба, вѣхото щели аэродромныхъ воротъ, ушла на крышу корчимъ.

Макъ Скоттъ не знаетъ, что подъ этой крышей былъ мозгъ всей зоны. Онъ крикнулъ въ микрофонъ:

— Выпавательно, Штурманъ, вы слышите. Если еще разъ промахнетесь...

Штурманъ и самъ знаетъ, что этого сдѣлать нельзя. Остались три бомбы. Машина неслась въ почти брѣшевомъ дождѣ надъ землѣ. Предмета на земной поверхности изъ-за калѣ, какъ бышныи. Въ принципъ нельзя было поймать ничего... Штурманъ рванулъ рычагъ сбрасывателя, освободивъ сдѣющую бомбу.

Силой зѣрныя машины подбросило съ хвоста такъ, что Макъ Скоттъ съ трудомъ ее выправилъ. Она ушла отъ земли, едва не задѣвъ тѣни дождевъ.

По затѣ окрестъ стекла пола, лейтенантъ увидалъ, какъ взметнулись вверхъ орудия. Огромными паучкомъ поднималась

пѣзъ подъ землей катапульта. Черный дымъ, языки пламени скрыли остальное.

Теперь высота была такая, что ей не хватить больше, чѣмъ на одно сбрасыванье. На сдѣующемъ аэропланъ воткнется въ землю. Макъ Скоттъ приказалъ:

— Залѣ двумя бомбами.

И тотчасъ же почувствовалъ, какъ мощнымъ потокомъ воздуха машину пынуло впередъ. Есѣ отекла въ полу аэроплана вылетѣла внутрь рубки.

Кратеръ вулкана скрылся надъ деревней. Въ него посыпались домики. На воздухъ поднялись въ безоружный сдѣвишесѣ истребители и грудой рухнули обратно. Пламя вышло выше, чѣмъ шель Макъ Скоттъ.

Бомбы кончили. Но тамъ впередъ раскрылись ворота еще одного подземелья.

— Догнать бы, только догнать туда — явился въ головѣ Макъ Скотта несносный быстрий, чѣмъ его машина надъ землѣ.

— Прощайте, штурманъ, — крикнулъ онъ въ микрофонъ.

— Да здравствуетъ старая Англия...

Макъ Скоттъ рванулъ на себя штурвалъ. Машина задрала носъ. Въ его мозгу вихремъ повеселись образы. Ужасное лицо Уингера, Заленъ, О'Калпелъ.

— Сухое у тебя мозги, Тоди, — мелькомъ подумалъ Макъ Скоттъ, и прежде чѣмъ задралась машина успѣла скользятъ всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ, онъ навалился на штурвалъ, отжимая его отъ себя. Аэропланъ повалился на носъ. Струя гѣтра съ гономъ ударила подъ разбитый козирекъ копыла, сорвала у Макъ Скотта очки и плетъ Лейтенантъ съ силой дала правую ногу, направила аппаратъ въ зѣлонуую щель аэродромныхъ воротъ.

Катапульта подхлудила къ свѣтлону зѣву выхода, когда надъ нею изверглась черная тѣла аппарата Макъ Скотта. Дробя и ломая стальное плетение фермъ, аэропланъ сорвалъ съ фундамента катапульта и въбѣжалъ въ тѣлу выстрѣленныхъ на ней истребителей. Сразу нѣсколько машинъ затрещало. Х. Л. Д. было слишкомъ велико, что бы исчернуть подъ землѣ. Его хвостъ торчалъ надъ землѣ. Веселое языки пламени хлѣпотнито изали смѣлый металлъ фюзеляжа. Онъ поднимался навстрѣчу такому же пылающему закатуному небу.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФЕЛЬДМАЙОРА ФУКСА.

Къ 21 ч. 00 м.

Вторая сутки фонъ Бетковъ живетъ на ликотанѣ. Сидѣлъ за машинку или къ аппарату прямого зорода въ большой штабъ, а въ рондано палатки въ клавинахъ. До меня какъ изъ-за вѣтливой стѣны доносится голосъ начальника штаба. Онъ дѣлаетъ очередной докладъ. Онъ жалѣнный, этотъ генералъ...

Фонъ Бетковъ и его начальникъ спятъ другъ противъ друга, подкинутые и востороженныи. Командующий, не спуская глазъ съ разожженной на столѣ карты, ловитъ каждое слово начальника штаба. Тотъ сухо докладывалъ:

— ...Далѣе, въ районъ третей армѣ, французскіе бомбовозы пытались проникнуть къ нашимъ уловнымъ жѣлѣзъ, подорожничъ путямъ. Они обиты съ потерями. Однако, одной французской штурмовой эскадрильѣ удалось прорваться къ скрещению стратегическихъ автострѣдъ около Франкфурта-на-Майнѣ и влѣсти напикъ въ моментъ прохожденія химическихъ войскъ. Имѣли мѣсто поврежденія бомбами балоновъ съ газомъ. Только предосторожность младшего командного состава спасла части отъ катастрофы, но все же отмычено нѣсколько отравлений газомъ.

Фонъ Бетковъ поднятъ отъ карты краснѣе отъ бесоринныхъ газамъ.

— Онять штурмовики. Я же предупреждалъ васъ, генералъ: максимумъ вниманія охранѣ войскъ отъ налетовъ. Я прошу васъ...

— Ваше превосходительство, — возразилъ начальникъ штаба стать еще оуме. — Войска сами аѣлать. Мы пенсѣвѣдучи и повеселили. Французскіе штурмовики адутъ на бреющемъ полетѣ по сто километровъ влѣзъ нашего расположенія.

— Какъ па бреющемъ?

Въ голосѣ начальника штаба промелькнула умишная.

— Да, ваше превосходительство, мѣстами высота достигла всего пятидесяти метровъ. Воробья средоточия однихъ только воздушныхъ силъ невозможно. Чего выдѣ истребители ихъ просто не видѣть. И уже докладывалъ о необходимости затруднить продвѣженіе противника надежными средствами обороны. Часто французъ пользуются долгами вѣдъ мы же преклодѣли, ваше превосходительство, эту возможность, а изъяснилъ намъ докладывалъ.

— Нужно телеграфировать въ штабъ.

— Пѣхота сама должна обороняться пулеметами. Зѣдѣ собственно говорю, даже не пѣхота зѣнитная артиллерія. По моему одна огневая завѣса пулеметовъ могла бы остановить любую атаку штурмовиковъ. Особенно страдѣтъ отъ французскихъ пѣхоты.

Фонъ Бетковъ повернулся ко мнѣ:

— Со словъ начальника штаба вы передайте въ штабъ телеграфный докладъ: мы снимаемъ съ себя отвѣтственность за все, что дѣлѣтъ пѣхота ста метровъ и будетъ пробѣжать войсками. Мы еще разъ указываемъ главному командующему, что вѣхотнымъ частямъ должны быть приданы мощные огневые средства воздушныхъ вооруженныхъ силъ для аѣлы и инструкций. Немедленно...

Онъ раздраженно топталъ окрестъ, въ переполненную напѣльницу и протянулъ руку за свѣчей сигареты. Начальникъ штаба молчалъ. Фонъ Бетковъ спросилъ:

— Все?

Начальникъ штаба бережно провѣлъ по картѣ жаркую линию. Она прошла черезъ Сѣверное море, уткнулась въ Голландію, затѣмъ жирной чертой упрямой красной пошла по территории Германіи, соевѣмъ близко подходила къ Гамбургу.

— Ангійская эскадра, — закончилось бросилъ начальникъ штаба.

Вронъ фонъ Беткова удивленно поднялся.

— Она дѣлѣтся сюда, — показавъ онъ пальцемъ на кружокъ съ надписью «Берлинъ».

— Пѣтъ. Последнее донесеніе: выше Гамбурга аѣлать, не раздѣляясь. Всего дѣлѣтъ съ чѣмъ-то машинъ идутъ въ Берлинъ. Остальные, числомъ примѣрно четыреста, повернули на югъ.

— Наша агентура ни къ чорту не годна. Развѣдка шпионажъ нельзя было знать его варанѣ? Что мы тамъ нукуно? Неужели оный Франкфуртъ?

— Боюсь, что хуже, — сказалъ начальникъ штаба.

— Но, вѣдь, больше тамъ дѣлѣтъ ить. — Фонъ Бетковъ ошарашенъ. — Вы не думаете, что они могутъ отсюда повернуть на сѣверо-востокъ. Неужели они хотятъ поѣхать къ Берлину съ двухъ сторонъ?

— И ради этого полетѣ надъ бѣебезопасной для насъ сѣверной зоной англичане промѣняли на полетъ надъ южной Германіей. Пѣтъ. Повидимому, Берлинъ имъ не нуженъ.

— Столица.

— Судя по численности машинъ въ колоннахъ, пѣтъ больше существенное интересуетъ ихъ именно здѣсь, въ южной Германіи.

Жуи сигарету, фонъ Бетковъ внимательно наклонился надъ картой.

— Вотъ, — громко сказалъ начальникъ штаба, и горючимъ дѣлѣнѣмъ карандаша охватилъ весь южный уголъ Германіи. — Здѣсь добрая половина военной промышленности страны.

Фонъ Бетковъ откинулся въ креслѣ. Онъ хмуро глядѣлъ на сѣбло очерченную зону на картѣ.

— Дрезденъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Штутгартъ, — бѣготалъ онъ.

— Радиусъ дѣйствія машинъ, находящихся въ строю аѣлѣйской эскадры, доукажетъ такой рейдъ, при сохраненіи большой нагрузки бомбами. Мы жалѣтся просчитались въ подѣжности прифронтового поаса обороны сѣвера.

— Южный промышленный районъ все же великъ. Они должны были избрать бѣеую зону.

— И, конечно, изъбрали. Логика говоритъ за то, что первыми должны быть уничтожены заводы, поставляющие намъ наиболѣе оыльное оружіе — авіацію, броневи машины и газы.

— Такъ.

— Значитъ, первый удар долженъ быть нанесенъ здѣсь.

Начальникъ штаба отерлъ кружкомъ горло Нюрнберга.

— Этого не можетъ быть. Мы не имѣемъ права допустить. На Нюрнбергъ не упадетъ ни одна бомба.

— Да, нужно постараться, чтобы не упала.

— Ни одна, — рѣшительно повторилъ фонъ Бетковъ.

— Максимальная успѣа обороны будетъ сосредоточена именно здѣсь, — фонъ Бетковъ пальцемъ указалъ на обширный районъ на картѣ. — Но первая задача заключается въ томъ, чтобы не допустить аѣлѣйскую эскадру до этой аѣлы бѣебѣе.

— Это вѣрно.

— Поэтому мы должны вынудить ее принять бѣеую аѣлу.

— Ваше превосходительство, въ этомъ районѣ, имѣемъ

* Начало см. № 37, 38 и 39.

Польско-германская война

(Общание с 7-й стр.)

Такая необходимость неоспорима. — Если бы польская группа была своевременно отпущена к Варшаве, то кампания могла бы сложиться совершенно иначе, и, в частности, военным специалистам, в частности, группе были бы включены лучшие части польской армии. Это вполне подтверждается и дальнейшими боями польских войск, которыми, будучи совершенно отрезанными от своих баз и таким образом лишены снабжения, все же частью прорвали советские линии колючей проволоки от Варшавы и соединились с гарнизоном этого города.

После первой недели кампании у многих военных специалистов сложилось представление, что огромный кулак, собранный в Познанской области, должен будет обрушиться на юг, на Лодзь, Петроков и отрезать южную группу германских войск от их баз. Но дальнейший ход кампании показал, что польское командование почему-то не произвело этого маневра, не даю генерального сражения, хотя бы даже заведомо могущего быть проигранным, а вело лишь мелкие встречные бои. Все военные специалисты, сходясь за германо-польской кампанией, в этом случае утверждают, что польский солдат по качеству превосходит, что совет-офицерство вполне соответствует и храбрости. Но штаб-офицеры показали много недоготовленности и неопытности в обстановке. Одним только изюмом пощады выносив оправдывать это мнение.

Германская моторизованная колонна из состава 80 танков при поддержке моторизованной пехоты произвела наступление на Вильково (Вромбурт). — Так рассказывают о начале из участия в этом сражении. — Подступил к городу защищавшиеся малочисленные чехословацкие отряды и кавалерийской бригадой. Тесные немецкие танками, чехословацкие стали отступать. Кавалерийская бригада, расположенная по двум сторонам шоссе, удерживала фронт, в котором строю казались дальнейшим развитием боя. Польская пехота пропала мимо кавалерии. Уже на близлежащих холмах показались танки, которые развинулись в стрелки. Между танками шли пехотинцы. Польская кавалерия получила приказ пойти в атаку. И как в те времена Мюрат, развинувшись в атаку, польская кавалерия, имея бригаду с бестанками на конях, сбили танки, на показавшиеся танки. Результат был плачевен. Из-за этого кавалеристов усладо очень немногочисленными. Немцы встретили немцы кавалерийскую атаку. Было безумием делать подобный маневр.

Отсюда вытекает вывод, сколько храбрости таит в себе польский солдат. Но как мог отойти такой безумный приказ командира бригады?

Можно восклицать, когда молодой конь берет в конном строю действующую батарею, бьющую на карте. Но нельзя же возмущаться, когда генерал воскалывает в бессмысленную атаку тысячи людей. Что можно сделать кавалерийской бригадой против брони современного танка?

Как уже говорилось вначале, германская армия получила своего противника технически превосходящими и моторизацией. Но по мнению военных специалистов, против этого превосходства колючей проволокой была вынуждена храбрость и использовать ту же кавалерию для ночных боев. Если же противник прорвался и глубоко зашел в тыл, то ночью моторизованная часть в большинстве случаев безмощна. Вот тогда то и нужно было применить легкие кавалерийские налеты. Но уви, ни одна сводка, ни польская, ни германская штабам не передается о подобных ночных налетах. Правда, для того, чтобы выложить подобный боевой заданья жулики холодный рассудок и горячее сердце начальника.

Разматывая роль военной авиации в польско-германской кампании, нужно отметить, что авиация раз подвергалась правильности мнения, что авиация является грозным оружием в руках военачальника. Германская авиация и германские моторизованные части — вот главные победители на восточном фронте. Авиация в первую

ШКОЛА РИТМА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТАНЦА

Бетрисы Вигнерь

Прием учащихся (двой с 3-х л., подростки и взрослые) на основное отделение, ритмика, пластика, импровизация и техника тела, сценический класс (подготовка танцовщиц) — характеры, классика, пластики, акробатика, пантомима, сценические танцы с кастанетами и др. отрасли танца) и педагогический класс.

Занятия с 4—6 ч. Зиндр. Мейер-вица бульв. 6, кв. 5.

воих противоборствующей обороны, вы будете лишены поддержки зенитных батарей.

— Завистливые и просят сосредоточить в этом моторизованная части противоборствующей обороны.

— Недостатки армии, ваше превосходительство. Всего чаше.

— Как бы то ни было, нужно уходить. Именно через час разразится решительное сражение.

— И уже распорядился.

Фон Бетков раздался переспросил:

— Вы распорядились?

— Вашим именем. Все начальники сидят сосредоточены именно в этом укреплении только что вами район. Они уже на пути к исполнению приказа. И ожидают только уведомления радио. Сюда же бросаются истребители из своих диспетчерских аэродромов.

— Они ожидают.

— Нет. Они уже вылетели. Четвертая эскадрилья авиации, которая должна была лететь в заготовку нами Голландию к генералу Шерефур, возвращена мною с пути и здесь сюда же.

— Это неминуемо! — резко возразил фон Бетков.

— Но то необходимо.

Фон Бетков сдвинул протестующий жест.

— Я не могу отменить распоряжение главного штаба.

— А вы хотите, ваше превосходительство, — голос начальника штаба звенит, — взять на себя ответственность за уничтожение узла фронта? — Поребурт. Если ни хочешь спасти Поребурт с его заводами, нельзя терять ни минуты.

Я слышу, какая борьба происходила в фон Бетков.

— Присла! — прохрипел он наконец.

Начальник штаба полагал перед ним вынужденный изюм лести. Фон Бетков, поднимая не глядя.

— Первая часть вашего приказа уже выполнена, — сказал начальник штаба, — все части, назначенные для операции — в воздухе. Остается вторая часть: уничтожить врага. И этому можно добиться только одно — темнотой.

Ваше распоряжение, сие, социальны, минуты. Солнце уже за горизонтом.

Фон Бетков сидел за столом осунувшийся, постаревший. Он сизу встал смотреть на начальника штаба.

— Можете быть нудно бросить переправить противнику части западного сектора обороны Берлина?

— Ю-переход, — заговорил начальник штаба, — Берлин столица, ее общественное мнение надо охранять. Во-вторых, части противоборствующей обороны не сумели бы стрелы прийти на помощь. В-третьих, мы еще не знаем амплитуды северной волны, а в ней свыше двухсот тысяч человек. В наших интересах отступить эту группу из бой.

Она слабей воздушной обороны столицы. Мы так можем ее уничтожить, как бы для нас не представляла. Мы

же для разрушения тыла полков, уничтожения складов, аэродромов и коммуникаций, благодаря этому, мобилизации. Моторизованная часть короткими ударами, направленными в различные точки польской фронты, раздробила польскую армию на части, сжали ее в отдельных мешках, и не позволила польскому командованию сосредоточить свою армию на стратегических рубежах и дать генеральное сражение.

Польско-германская кампания окончилась без такового, потому, что последние бои около Кутно, во время которых немцы взяли в плен 105.000 солдат в огромном военном имуществе, отсюда не носила характера генерального сражения. Это было лишь ликвидация окруженной армии.

Опыт таких еще раз подтверждается мнение о том, что германское командование широко использовало опыт войны 1914—1918 года. Операция Краков — Лодзь полностью воспроизводит рейд Макензена, только с той лишь разницей, что Макензен продвигал это в три с половиной недели, а теоретическая операция была произведена в два с половиной дня. Бой под Кутно и ликвидация польской группы почти до мельчайших подробностей напоминают танненбергскую трагедию самонадеянной армии. Как там, так и тут вооруженный противник был оторван от своих баз и уничтожен. Какие же выводы можно сделать из польско-германской кампании?

Доктрина молниеносной войны оправдывает сама себя, но лишь при условии полного господства в воздухе. Если такового нет, и если противник достаточно стойко и активизирует в достаточной мере моторизованные и противотанковые формирования, то учения современных железных мастодонтов не принесут желаемых результатов, так как наткнутся на стойкую зацепку. План молниеносной войны, возможный на востоке, совершенно неприменим в войне, которая ведется на западе. Даже если предположить, что какая-нибудь из передовых стран, чтобы достигнуть результатов, и не показывая топать на одном месте перед мощными укреплениями, мы лангем и нарушить нейтралитет той или иной державы, с целью выйти во фланг противнику. Тем не менее она не сможет, как это было на восточном фронте, использовать удары железных кулаков моторизованных формирований, так как наткнется на хорошо установленную зацепку.

Еще один вывод можно сделать из польско-германской кампании. Как и в прежнюю войну, так и теперь, германская военная доктрина осталась почти без изменений. Германское командование, бросая войска в наступление, всегда имело горячую голову и холодное сердце; в то время, как наблюдала за действиями на западном фронте, можно подчеркнуть, что франкоанглийское командование осталось также верно своей доктрине, и именно: бросая войска вперед, оно имело холодную рассудочную голову и горячее сердце.

при движении собственных Х. А. Д. со скоростью пятьсот километров в час, сближение происходит со скоростью приблизительно 1.100 километров в час или 270—280 метров в секунду.

— Пятидесять километров отделяют Грина от головных частей эскадры. — Сорматал капитан Уйтас, — их хватит всего на три минуты, а до дистанции пять и того меньше — две минуты. Допустим, что, учитывая трудность дальнейшей разведки в наступающей темноте и жортеуа себе Грин...

Мисси капитана прервала новал передняя полновластная Грина.

— Волна... Волна... Разведка закончена. Собираю части для боя с противниками противника Грин.

Как будто в восторг Уйтас увидел, что его размышления похожи с тем, что думать должен Грин.

— Итак, Грин действительно решил рискнуть шестьюдесятью разведчиками, чтобы дать главную самую мощную подготовку к бою, — думал Уйтас, глядя на лангемку нового расположения эскадрильи в воздухе. — Эти лангемки мгновенно ныряют в громоподобные колонны большого значения Храбрий война, ошмыгивает летит, Грин точно угадал, что роль его разведчиков сыграна, и что теперь главными силами они теперь не нужны, и потому не колеблясь, он бросил их навстречу врагу, груду прикрыл главными силами. Но допустить, что Грину удалось привалить на себя противника и навязать ему бой. Допустим, да, что бы сатисфакции, и истребители потребуют совершить ряд повторных атак, чтобы уничтожить Грина. Все это отнимет у них не больше пяти минут. Но, в иде, это же только часть противника. За оставшиеся три минуты нужно генералу Макмолу нестерпимые эскадры. Люди доказывают противника к бою. Почему они ждешь?

Через секунду пять секунд носил передних Грина перед собой ряд эскадр фламанга эскадрильи.

Уйтас не без тревоги смотрел, как в переломный вечерней сбит один боевой самолет строительно мчался вперед на предназначенное кх в бое сбит, другие, сбавив обороты, проносились товарищи Группы мчались вг. Теперь он, не глядя на сумерки сошел ближе, Массе аппаратуры сдвинулся боем командной. Эскадрилья образовала компактную яду, в которой в центре собралось боеиском, груженные бомбами. Их садился была линия обороны снизу и сверху. Наружные же аппараты развинулись нападением вперед, назад и по бокам. Таких образом, каждая группа эскадры как бы ошмыгивает шай, передвигающийся со скоростью пятисот километров в час и ошмыгивающий со своей стороны пулеметными и артиллерийскими огнем. Этот порядок орудий артиллерийских летчиков назывался «желез», впервые за всю историю земной, бой проходил в трех измывках.

(Продолжение следует.)

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

(1-е продолжение*).

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ.

В 21 ч. 30 м. через три с половиной минуты после получения предупреждающего радио Грина с борта флагманского корабля, увидели космическое уходящее под патиском противника аэропланы разбейки. Несмотря на то, что полковник Грин, подавая приказы своим летчикам, с головной эскадрилей первой бросился в атаку на превосходящий его во много раз силы немцев, ему не удалось задержать их движения. Эскадрилья была сметена, раскляня. Вооружение разведчиков оказалось недостаточным для того, чтобы противостоять подававшему огню истребителей. Они не были так юркие и значительно уступали немцам в высоте. Остатки их уходили на север под прикрытие главных сил. Но во главе их уже не было зрелого полковника. Грин погиб в первой же схватке.

Он удивленно капитана Уйтаса противник подходил не только из севером и втором секторе. Со всех сторон небо было усеяно точками приближающихся аэропланов.

Первыми на дистанцию в тысячу метров вошли в сражение с Х. Л. Д. вооруженные пушками истребители «Мессершмитт 120».

Хотя Х. Л. Д. были также вооружены орудиями, численно даже превосходящими нападающих, на стороне последних было преимущество атаки, при чем в первый момент боя башенные установки Х. Л. Д. оказались в невыгодном положении. Но зато через несколько секунд после начала огня, когда истребители должны были думать о выходе из атаки, преимущество перешло на сторону англичан. Они обстреливали уходящего противника.

Характерной особенностью первой фазы этого боя было то, что обычный прием нападения истребителей из-под облака оказался для немцев ровным.

Заходящее солнце не могло уже осветить англичан в вышине так, что движущиеся с запада истребители ярко проецировались на фон огненного заката неба, а аэропланы англичан, летящие с потемневшего уже горизонта, были плохо различимы.

Нельзя было упустить возможность спайки и заставить их распылится на части, которые могли быть с легкостью атакованы на близкой дистанции истребителями Арадо Удлет. Сфера огня этой была непроницаема. Дождь пуль и снарядов неумолимо ссорился с тем, где аэропланы, облитые пламенем, низвергались вниз.

Понесла потери, если сорвались сферичность своего построения и огня и подождали за истребителями Мессершмиттами германские истребители Арадо Удлет, вооруженные только пулеметами, не смогли даже использовать своего оружия. Орудийный огонь Х. Л. Д. держал их на слишком большом расстоянии. Лишь отдельные германские летчики, видя бездельность стрельбы с таких дистанций, чертя голову бросались сквозь огневую завесу англичан, и, подойдя на дистанцию действительного огня, заливали бомбами пулеметный огнем.

Внезапно Уйтас увидел, как соседний Х. Л. Д. потерял управление, стал дымить страшная фигура и исчез в направлении темной земли. Пока Уйтас старался отвести направление, в каком исчезал подобный бомбонос, в поле его зрения попали еще несколько падающих Х. Л. Д. Там и там, сквозь сумрак, окутывающий землю, сверкали внизу крошечные светящиеся разрывы — разрывы бомбы обитых Х. Л. Д.

Но вдруг яркий огонь пламени осветил Уйтаса. Флагманский Х. Л. Д. подорвался и столкнулся с курсом. Капитан сразу не понял, что произошло: не успев выйти из атаки, германский истребитель врезался в один из собственных аппаратов. От удара загорелись бензиновые баки истребителя, пожар вызвал сразу взрыв всех бомб Х. Л. Д.

Через секунду капитан увидел, что еще один германский истребитель воткнулся в спину другого Х. Л. Д. Уйтас заметил даже, как пылающей ракетой вылетел пилот истребителя со своего места вместе с сиденьем, к которому был пристегнут. Удар столкнувшихся аэропланов был настолько силен, что капитан даже не успел момента, когда бомбовоз развалился. Он видел только как падает фигура с верхней частью корпуса вместе с воткнувшимся в его верхнюю часть истребителя.

Секундой, пылуемый капитаном в момент, когда

он увидел первые аппараты противника, показывал уже семидесятую секунду. Впереди в сфере действительного пулеметного и орудийного огня ничего не было. Лишь довольно далеко на фланг и сзади маневрировали крупные соединения противника. Уйтас видел, что они мнят направление и летают на параллельный курс, одновременно со стемнея набирать высоту.

Пока он старался разгадать назначение этого маневра, Мессершмитты ушли на верстать потерянное расстояние и еще раз атаковать эскадру. Но лишь незначительная часть их нагнала Х. Л. Д. Прорыв огневую завесу, они напали на несколько елей, воев разоруженных. Особенно сильным было оно в части, где два Х. Л. Д. одновременно вооружались от столкновения с истребителями.

Сила взрыва дала с половиною кило тротила была так велика, что соседние аппараты загорелись воздушной волной, как в подвздошье. Один Х. Л. Д. поджигнутый под крыло, перевернулся вокруг продольной оси на спину. У двух Х. Л. Д. шкалом были сорваны поверхности хвостового оперения и им пришлось стремительно пикировать, чтобы не разорвать боевой порядок своей части. На них набросались подошедшие истребители пилоты и через несколько секунд они пылающими факелами, под грохот разрывов бомб, улетели к темной земле.

Когда стрельба секундобра отсчитала пятую минуту, капитан Уйтас разоблачил, наконец, что перестраивающаяся впереди неприятельская эскадра составляла из устаревших бомбовозов Хенкель 123. Она летела впереди вышедшей эскадры. Капитан решил, что они пойдут над колоннами параллельным курсом. Но благодаря разности скоростей Х. Л. Д. обогнали противника. И этот момент, когда эскадра пройдет под ними, будет использован, по всей вероятности, для забрасывания ее мелкими бомбами.

Предположения капитана Уйтаса были отчасти верны. Бомбовозы Хенкель — 123, действительно должны были дождаться мелких бомб, весом от двухсот пятидесяти грамм до одного килограмма, — засыпать колонны англичан. Разрывы бомб во много раз действительнее пулеметного и пушечного огня.

Генерал Макгольм заметил то же, что и капитан, и немедленно приказал своим частям мнать курс. Хотя в этом был риск, что колонны могут потерпеть нападение истребителей Мессершмитт, но другого спасения от Хенкелей не было. Единственно, что могло спасти эскадру, это темнота.

АТАКА ХЕНКЕЛЕЙ И ЮНКЕРСОВ.

За бомбовозами Хенкель 123 Уйтас с трудом различал еще многочисленные слуги больших аэропланов. Это были монопланы Юнкерс — 90. Они полагали, что они должны будут продолжить работу Хенкелей по бомбар-

дированию эскадры. Но на Юнкерсов была возложена совершенно другая задача. Об этом догадался более осведомленный в секретах противника генерал Макгольм.

Эскадры сходились. Не успев вынудить приказание Макгольма, несколько эскадрильей белого флага попали под дождь бомб Хенкелей. Уйтас видел, как вышло испушкой цдаое море огня, и, словно огнистая лавина, молнией прошла по темному небу полоса горящих десятков аппаратов англичан. Но вот она становилась все меньше и наконец потонула в глазах. Эскадра прошла под Хенкелями. Впереди остались еще Юнкерсы.

Для плотным строем, Юнкерсы должны были бороться с англичанами на расстоянии, какое допустит их огонь, но не превышающее высоты метров. Германское командование совершенно сознательно шло на то, что потеря в рядах Юнкерсов будет очень велика, но пассажирская машина не представляла такой ценности, как боевая. Достигнув указанной дистанции, Юнкерсы выпустят тротил, к концу которых подымалась мина большой взрывчатой силы. Юнкерсы будут мнать свои курсы с таким расчетом, чтобы оставаться как можно дольше на пути идущей внизу эскадры.

Если Хенкелями темнота мешала работать, то Юнкерсам она была необходима. Их мины с тротилом были страшным оружием, как бы своего рода заградительным, антибомб баллоном.

Последняя часть сражения, а именно бой Хенкелей с Юнкерсами, проходила в значительно более замедленном темпе. В то время, как для трех атак истребителей секундобра капитана Уйтаса отсчитали пять минут пятидесяти секунд, обложенье с Хенкелями длилось сямь двадцать томинутных минут.

Когда вся масса Хенкелей осталась за хвостом и двинулись Юнкерсы, капитан насчитал всего не больше двадцати пяти разрывов мин. В темноте вышки были очень хорошо видны, хотя уже нельзя было разобрать машины, ставшие жертвой попадания. Небольшой процент погибших аппаратов трудно объяснить тем, что эскадра неармировала, зная курс.

Ночь уже вступила в свои права.

Земли не стало.

Взмогшая луна не в силах была помочь сражающимся. Они мчались навстречу друг другу, или сближались, или разрывались, не видя ни противника, ни своих.

Создавая на земле в ночном бою могут перевернуться, они чувствуют друг друга по открытому дыханию, по толпу ног, по пороку земли, а если есть хоть невозможно слыта, то созданы уже вылет друг друга. Скорость перебежки в восемь-девять километров в час является столь стремительной, что стрельба с врагом является внезапная, как столкновение.

А корабли в море? Несколько десятков кораблей, в

Правильный ухоть
за зубами

Это основа для здорового и крепкого организма!

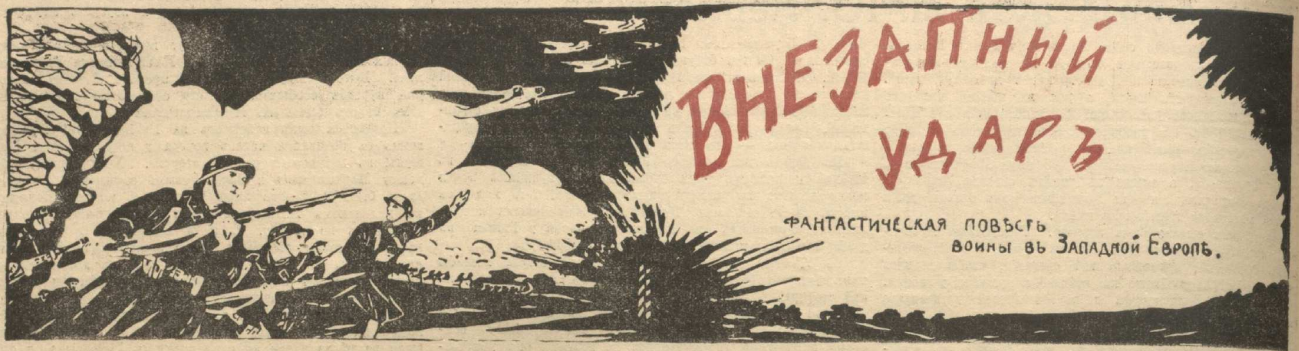
Поэтому начните еще сегодня употреблять зубную пасту NIVEA. Она очищает Ваши зубы и одновременно дезинфицирует полость рта. В особенности зубная паста NIVEA рекомендуется г. г. куращим.

Зубная паста NIVEA глает зубы особенно блыми и освежает дыхание.

NIVEA
ZOBUPASTA
ZOBUPASTA

лучше 2х в день

* Начало см. № 37, 38, 39 и 40.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ВОЙНЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

(5-е продолжение*).

Двигались на соединение съ Маккольмомъ, Спенсери дѣлалъ все не по тому пути, который казался наиболее вероятнымъ начальнику штаба. Его группа быстро уклонилась на юго-западъ, для того, чтобы черезъ полчаса измѣнить курсъ на строго южный, потомъ снова вынуть на западъ и, снова лечь на югъ. Спенсери ширяла, какъ лиса, несомнѣнными зигзагами. Теннота надежно укрывала его. Очень скоро начальникъ германскаго штаба увидѣлъ, что засѣлокъ, выставленный имъ для поимки Спенсери, безполезно тѣмнѣетъ время. И, чтобы спасти истребителей отъ бездѣйствія, начальникъ штаба отдалъ приказаніе немедленно ихъ перебросить въ районъ Нюрнберга, куда несомнѣнно двинулся Спенсери.

Среди свѣжихъ радиотранзъ офицеръ штаба подождалъ передъ начальникомъ штаба короткую сводку о потеряхъ, понесенныхъ германской авіаціей въ бою съ Маккольмомъ. Она гласила слѣдующее:

«По донесеніямъ отдѣльныхъ начальниковъ эскадрильи и эскадры, въ бою было потеряно истребителей Мессериммидтъ 65, получило поврежденій 160. Истребителей Арадо-Уэлтъ 83, получило поврежденій 7, бомбовозовъ Хенкеля 43, получило поврежденій 18. Первая бригада Юнкерса, въ результатъ ошибокъ штурмана, нацѣлилась въ темнотѣ на подфисная мины своей второй бригады и понесла тяжелыя потери. Точное число ихъ еще не установлено. Въслѣдствіе того, что аппараты дивизіи разсыпались на очень большомъ пространствѣ, пока обнаружено 47 машинъ.»

ПОСЛѢ ВОЗДУШНАГО БОЯ.

Съ приближеніемъ къ цѣли Маккольмъ обнаружилъ все болѣе оживленную дѣятельность нѣмецкаго радио. По той массѣ шифрованныхъ телеграммъ, которыми обмѣнивался большой генеральный штабъ германской арміи со штабомъ авіаціи, не могло быть сомнѣній, что для истребителей готовится рядъ ударовъ. Генералъ Маккольмъ не боялся новаго боя, справедливо считая, что въ ночныхъ условіяхъ на его сторонѣ имѣется значительное преимущество. Прежде всего, его нужно было найти въ пространствѣ! Даже четыреста аппаратовъ, если они захотятъ уйти отъ встрѣчи съ противникомъ, не такъ просто обнаружить! Пусть даже посты на землѣ съ полной точностью отмѣчаютъ его путь, уклониться отъ встрѣчи онъ сможетъ.

Чтобы принять дальнѣйшее рѣшеніе, генералъ Маккольмъ вызвалъ своего начальника штаба.

— Подполковникъ, сейчасъ необходимо рѣшить слѣдующій вопросъ: продолжать ли вести эскадру по прежнему курсу, или совершить обходное движеніе, съ тѣмъ, чтобы подойти къ цѣли съ тыла. Каково состояніе эскадры? ?

— Чтобы быть откровеннымъ, имѣю честь доложить, генералъ: въ первомъ бою нѣкоторые изъ эскадрильи сильно потрепаны. Мощности эскадры въ общемъ уменьшились на 25%. Среди экипажей есть раненые, но общее моральное состояніе несомнѣнно хорошо.

— Что же предпринять? — задумчиво спросилъ себя Маккольмъ.

Въ кабинетѣ наступило молчаніе. Только гдѣ-то слыда раздавалось шипѣніе беспроволочнаго телефона и равномерно гуляла моторы.

— Итакъ, — рѣшительно поднимъ голову проговорилъ генералъ, — Отдайте сейчасъ приказаніе по эскадрильи: подойдя на разстояніи двухсотъ пятидесяти километровъ, что составитъ сорокъ минутъ полета, переимѣнить курсъ сначала на западъ, а затѣмъ на югъ. Такимъ образомъ, мы обогнемъ Нюрнбергъ. По моему сигналу измѣнить курсъ на сѣверный, послѣ чего мы начнемъ бомбометаніе.

Капитанъ Уэлтъ принялъ этотъ приказъ флагомъ и передалъ всѣмъ штурманамъ колонны.

Со стороны Маккольма такой рѣзкій маневръ былъ большой смѣлостью. Уже въ теченіе четырехъ съ половиной часовъ эскадра летѣла безъ всякой земной ориентировки. Руководствуясь исключительно приборомъ, она должна была войти на цѣль съ такой точностью, чтобы имѣть возможность безошибочно сбросить бомбы на городъ и плотину. Цѣль къ моменту подхода колонны будетъ погружена во тьму и соестся съ окружающей мѣстностью. Въ лучшемъ случаѣ, если будетъ свѣтитъ луна, удастся произвести визуальную проверку съ контрольной аэронауки, который для этой цѣли спустится до полутора-двухъ тысячъ метровъ.

Уэлтъ отлично зналъ, что всѣ штурманы эскадры уже

въ теченіе долгаго времени съ крайней тщательностью, не отрываясь отъ таблицъ приборовъ, производятъ исчисленіе пути. Летчики со всей доступною имъ точностью стараются вести аппараты по заданному курсу. И вотъ, когда всеобщее вниманіе и силы сосредоточены на томъ, чтобы привести линію курса точно къ цѣли, генералъ своимъ приказомъ ломаетъ ее.

Полторы тысячи человекѣвъ, въ теченіе пяти часовъ, рискуя жизнью, бережно несли по воздуху пятьсотъ тысячъ килограммъ тротила и теперь, изъ-за самой незначительной ошибки, все можетъ полетѣть на вѣтеръ.

АТАКА МОСКИТНОЙ ДИВИЗИИ.

Получивъ донесеніе о приближеніи колонны англичанъ Маккольмъ, командиръ москитной дивизіи противовоздушной охраны Нюрнберга отдалъ распоряженіе о подготовкѣ къ вылету. У него осталось еще около получаса на то, чтобы проверить свою готовность, подняться въ воздухъ и на боевой высотѣ ожидать подхода англичанъ.

Подполковникъ Бельтъ съ волненіемъ сѣлалъ за сигналы радиостанцій, доносившихъ о движеніи Маккольма.

Вотъ англійскимъ колоннамъ осталось дѣлать семдесятъ километровъ до Нюрнберга...

260...

250...

Иными словами до зоны боя 100... 90... 80...

Вдругъ произошла страшная путаница.

Станція, расположенная по пути слѣдованія эскадры, донесла о томъ, что не слышатъ болѣе противника. Но его стали слышать посты, расположенные къ югу.

Когда же подполковникъ Бельтъ готовъ былъ уже измѣнить приказъ о направленіи вылета, въ сѣтъ станцій, расположенныхъ къ сѣверу, стала доносить, что опять слышатъ противника.

Но въ это время, какъ одинъ станція доносили о противникѣ, удалявшемся къ югу, другія сообщали о его приближеніи съ сѣвера: это было нелѣпо, почти невѣроятно.

Подполковникъ Бельтъ самъ бросился къ радиомачтѣ.

— Я требую немедленно, — обратился онъ первому къ начальнику радиотелеграфистовъ, — Я требую, лейтенантъ точной проверки. Что за чулуха. Одинъ уходитъ, другіе приближаются. Гдѣ правда? Немедленно требуйте проверки.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ лейтенантъ, — поспѣшно отдавая приказъ радиотелеграфистамъ.

Застучали телеграфные ключи. Въ эфирѣ понеслись повѣрочные запросы.

Но станція упорно твердила свое.

— «Противникъ уходитъ на югъ.»

«Противникъ приближается съ сѣвера.»

На лицѣ лейтенанта растерянность.

На югъ уходитъ.

Съ сѣвера — приближается.

Характеръ и численность приближающагося противника станція не могутъ опредѣлить.

Если бы подполковникъ Бельтъ зналъ о движеніи Спенсери, то ему стала бы понятна боевая обстановка его участка.

Съ сѣвера приближалась колонна генерала Спенсери. На максимальной скорости, доступной обогнаннымъ Х. Л. Д. Спенсери шелъ на соединеніе съ Маккольмомъ. Онъ стремился, какъ можно раньше, отвлечь на себя противовоздушную оборону Нюрнберга и облегчить Маккольму подходъ къ цѣли.

Когда Маккольмъ легъ на южный курсъ и сталъ удаляться отъ основной линіи полета, Спенсери входилъ въ зону слышимости москитнаго наблюденія съ сѣвера. Это произошло 18 сентября, ровно въ полночь по средне-европейскому времени.

Подполковникъ Бельтъ потерялъ спокойствіе. Ему нужно было торжественно встрѣтить неожиданнаго врага съ сѣвера, и, отогнавъ его, перебросить свою дивизію на южный секторъ обороны. Ушедшая на югъ колонна могла въ любую минуту измѣнить направленіе и вернуться къ Нюрнбергу.

Бельтъ вѣрилъ, что двѣ сотни аппаратовъ, появившихся съ сѣвера, будутъ остановлены его москитами.

Бельтъ приказалъ пустить въ ходъ проекторы противовоздушной обороны.

Ночь отодвинулась съ половиной небеснаго свода. Весь воздухъ, все небо, въ осеннюю казались пронизаны этими могучими потоками свѣта проекторовъ.

Москитныя части влетали одна за другою.

Машины срывались съ аэродрома стремительно вскакивали стартовые ракеты. Огненные хвосты отъ ра-

кетъ тянулись за скрытыми тѣлою аппаратами, какъ хвосты кометъ. Строго, на одной и той же высотѣ хвосты эти обрывались.

На нѣсколько минутъ все починило. въ черной бѣлѣ ночи, пока ворвавшись въ море свѣта, окружающее Х. Л. Д. москиты не устремились на нихъ стремительной лавиной.

Х. Л. Д. выпали блестящими выстрѣлами, какъ огненные дикобразы.

Это было бѣснованіе огня.

Чтобы дойти до противника, москитамъ нужно было прорваться сквозь смертельную завѣсу свѣта и рвущейся стали. Но многіе изъ нихъ все же прорвались къ колоннѣ цѣли невредимыми. Эскадрилью смѣнила эскадрилья.

Если бы англичане были способны въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, что длилась атака, проанализировать обстановку, они должны были бы прийти въ панической ужасъ отъ этого небывалаго натиска.

Вѣдь, какъ правило, истребитель, приближающійся къ атакуемому имъ бомбовозу на пятьсотъ-шестьсотъ метровъ, еще стремился отклониться съ его пути, избѣжать столкновенія. Ему оставалось еще достаточно времени, чтобы улетѣть аэропланы отъ неизбежной гибели.

А москиты, какъ обезумѣвшіе, продолжали атаку.

Точно ослѣпнувъ, они шли на брызжущіе имъ въ лицо огненные вихри.

Они не обращали вниманія на то, что многіе москиты уже падаютъ, дробя крыльями упругіе лучи проекторовъ, одинъ за другимъ, какъ котлеты, насочиншіе на пальца. Остальные продолжали атаку.

Первая эскадрилья москитовъ, добравшись до непрятеля, открыла бѣшеный огонь. Одинъ за другимъ сбывае англійскіе аппараты, поворачиваясь вокругъ оси, стремясь, не падая внизъ, освѣщенные лучами проектора.

Спенсери слишкомъ поздно понялъ, что имѣетъ дѣло съ необычайными истребителями. Разгадавъ стремленіе москитовъ, сблизиться съ его машинами, а можетъ быть и таранить ихъ, онъ только при приближеніи второй волны тѣхъ противника, отдалъ приказъ немедленно маневрировать для избѣжанія столкновенья. И это спасло остатки эскадры Спенсери. Но все же дѣлать машинъ стали жертвами таранных торпедъ, въ упоръ вышучившихъ летчиками москитовъ.

Но съ того момента, когда тактика нѣмцевъ была разбита, пробѣлѣнная ими въ пикированій чудовищная скорость стала работать противъ нихъ. Летчики уже не могли съ нужной быстротой реагировать на маневры уклончившихся Х. Л. Д. и съ водемъ неслись въ темную бѣду, проламывая за предѣлами свѣта проекторовъ.

Послѣдованіе съ атакѣй первой москитной бригады нападеніе второй бригады не произошло на Х. Л. Д. преславно вынуждѣны. Англичане подпустили нѣмцевъ на короткую дистанцію и, зная, что они имѣютъ только легкіе танкетки, неопасные для аппаратовъ, разстрѣливали ихъ. Летчики маневрировали, уклонялись отъ непосредственнаго движенія, необходимого москитамъ. Нѣмцы не были подготовлены къ такой подвижности англійскихъ бомбовозовъ. Они не знали, что имѣютъ дѣло съ машинами Спенсери, свободными отъ бомбъ и сохранившими огромную подвижность.

Однако, слѣдуетъ сказать, что потерявъ нежданнымъ въ первой атакѣ, офицеры пытались вывести свои машины для вторичнаго удара. Но Х. Л. Д. ушли уже пройтой зоной, освѣщенную проекторами подполковника Бельтъ.

Атаковать пришлось въ темнотѣ и скудности, сомнѣваемой присутствіемъ въ воздухѣ машинъ обѣихъ москитныхъ бригадъ.

Во тѣмъ сверхзвуку нѣсколько двойныхъ выстрѣловъ это столкнулось другъ съ другомъ москиты.

Командиры эскадрильи поняли значеніе этихъ стрѣльных зарывовъ и пошли на посылку. Это было все, что они могли сдѣлать при такихъ условіяхъ.

Правда, была еще возможность нескать въ темнотѣ столкновенья съ англійскими аэропланами, какъ это случалось произошло съ двумя изъ трехъ москитовъ. Но столько же шансовъ было насочинить и на своихъ.

Для наблюдающаго сназу подполковника Бельтъ прошла цѣлая вѣчность напряженнаго ожиданія. Только черезъ минуту послѣ начала боя, онъ отмѣтилъ характерный всплескъ торпеды. Наконецъ-то. Первому москиту удалось прорваться сквозь огневое кольцо Х. Л. Д. и таранить противника. Потомъ второй, третій, четвертый взрывы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) Начало см. №№ 37, 38, 39, 40 и 41.

(6-е продолжение*).

К удивлению полковника за барьером блеском торжественного парня не послышалось пламени и грохота разрыва бомбы противника. В следующие минуты Вельд считал еще четыре столкновения. Он видел, как обжигались пламенем, падали аэропланы.

Но бомбы алчливых по-прежнему не реалили. На земле в той стороне, куда падали горящие машины, тоже не слышно было взрывов.

Вельд не знал, что дерется со Спенсери, не имея ни малейшего понятия.

Сверх отблесков полковником девять взрывов, произошло еще три, во время атаки второй бригады. Это было ничтожно мало. Спенсери потерял лишь двенадцать машин, зато мог записать себе в актив около двадцати двух москитов.

Чрезвычайно высокая посадочная скорость москитов озадала для них большую трудность при возвращении с атаки.

Ночь, освещенная из-за осторожности аэродромная площадь, перебралась в воздух, — все это привело к многочисленным авариям. Несколько машин столкнулось, четыре москиты перевернулись при посадке, один съехал на собственные колеса, один воткнулся в землю, при чем произошел взрыв его торпеды. Из перевернувшихся безрассудными восьмидесяти москитов далеко не все были способны к продолжению боя. Утомленные боем порыв летчиков начали сдавать. Многие не могли покинуть кабинеты из-за утомления и полученных ран. Пули и снарядные осколки Х. Л. Д. сбили свое дело. Вспышки осмотров людей и машин показали, что не все сбитые аэропланы смогли после некоторого отдыха вылететь навстречу новому противнику, о приближении которого с юга никаких оповещений теперь не было.

Если не учесть в дело третий и четвертый москитов, дивизий, то для полковника Макгольма, ласчатым своей состав около четырехсот машин, действительно, атака восьмидесяти летчиков с разбитыми нервами будет похожа на москитный укус.

Но все же полковник Вельд отдал приказ пнуть и двум резервным бригадам о подготовке ко второму взлету и велел приготовить его собственную машину.

АВИАЦИОННАЯ ДИВИЗИЯ ПОЛУЧАЕТ НАЗНАЧЕНИЕ ВЫСАДИТЬ ДЕСАНТ.

Когда в штаб королевской авиации в Лондон получили радиоправку от полковника Гордона о том, что временные аэродромы, устроенные на севере Голландии, уничтожены его штурмовиками, а немногочисленные гарнизоны, охранявшие их, отходят в юго-западном направлении, начальник штаба решил использовать этот благоприятный момент и высадить воздушный десант в Голландию. Задачей его было занять северную, более пустынную часть страны и держаться до тех пор, пока флот не обеспечит нормальную высадку одного из английских экспедиционных корпусов, предназначенного открыть военные действия с севера и очистить Голландию от немецких войск.

Услышав этот боевой приказ, начальника воздушных десантов немедленно передал его в части, расположенные на аэродроме средней части Британского острова.

Генерал Холдей, командир 21 авиационного десантного полка, получил приказание своего генерала ровно в 19 часов 50 минут.

Хотя боевой приказ десанту не содержал ничего неожиданного, Холдей не мог скрыть своего волнения, объясняя задачу командирам частей своего полка.

Виде его солдаты должны были, в буквальном смысле этого слова, упасть на голову противнику.

Виде это будет первый случай в истории войны, когда проведенный раньше только во теории опыт будет осуществлен в жизни. Сумеет ли справиться его помощник? Виде, это будет не на парад, не на маневры с хвостами выстрелами и блеском полками холста, который отбрасывает усвоенно овладения границ. Их встретят не посредники офицеры генерального штаба с блеском поздравки на руках.

На земле будут немцы. Холдей понимал, что это значит.

Генерал внимательно разглядывал такие знакомые рожи лица сидящих перед ним людей. Он знал их

каждого по имени, любил их всех, их жен, их детей. Он знал все их дела, их маленькие, домашние заботы, отнимавшие у него, генерала, столько дорогого служебного времени.

Головной отряд, первый и второй производил высадку на парашютах близ города Снеек. — Генерал карандашом отбавил точку на карте. — Здесь расположено штаб генерала Шверера, командующего германской армейской группой северного района.

Задача: первому отряду: парализовать штаб, уничтожить связь, разрушить автомобильную дорогу, связывающую штаб с тылом и фронтом, взять в плен или уничтожить личный состав штаба.

Второму отряду — занять аэродромы, расположенные около штаба в восьми километрах к северу от города, и если они разбиты, то подготовить их к принятию пленных аэропланов. В 3 часа 30 м. на этом аэродроме сбитые мои аппараты и высадить там людей и средства зенитной обороны самого аэродрома и штаба десанта, имеющего прибыть туда в 3 ч. 50 м.

Третий головной отряд производить высадку у деревни Сармадан на берегу канала и, в зависимости от обстановки, занимать один из двух аэродромов, расположенных около этой точки. В 3 ч. 40 мин. на этот аэродром садятся аэропланы моего второго эскадрона с легкими танками и артиллерией.

Четвертый головной отряд выбрасывается с северной точки Сармадан и принимает все меры по охране неведомых беззащитных, расположенных у специальной ветки узкоколейки. В 3 ч. 30 мин. на этот аэродром прибывают наши эскадрильи истребителей, которые будут нести службу охраны дальнейших операций.

Первая десантная часть в состав двух механизированных подразделений производит высадку на аэродроме севернее Сармадана. Задача...

Он говорил. Командиры молча записывали в своих полевых блокнотах. По мере того, как задача той или иной части была записана, командиры поднимались. Передавая приказ и карты, Холдей порывисто обнял одного из близстоящих офицеров.

— До свидания, друзья. Я думаю, что вы будете храбро драться за короля и Англию. До свидания. Увидимся уже в Голландии. Я сплыву в Сармадан Буду там в 3 ч. 30 м. Если только...

Генерал не окончил и, желая скрыть свое волнение, поклявшись отпустить офицеров. Отдав последнее распоряжение своему штабу, начальник десантного отряда поехал на аэродром, откуда должен был стартовать первый головной отряд.

Там уже было все тихо. Приготовления закончены. Солдаты, готовые занять места, лежали на прохладной росистой траве у машин. В тишине было ясно слышно голоса пикаров. Спокойно и ярко мерцали звезды. Генерал, выйдя из машины, искал посмотреть на стоящий среди других аэропланов с красными крестом на фюзеляже и крыльях. Хотелось туда, но пошел в другую сторону.

Он обошел несколько машин и проверил материальную часть, поговорил с солдатами. В их отбавил была некоторая приподнятость, но генерал не замечал волнения, которое сам с трудом сдерживал. Он слышал несколько неровных шагов и, строго кивнув головой, как бы решив что-то, направившись большими шагами к санитарному аэроплану. Солдаты с блеском поздравки с красными крестом на рунах лежали под широкими крыльями. Собравшись в кружок, они о чем-то беседовали. Холдей услышал даже притупленные смехи. Они остановились. Тихо, но отчетливо раздавался вибрирующий движущий голос. Сердце генерала бешено застучало. Он узнал голос своей дочери Элен, которая, после долгих семейных сцен, уговорила его разрешить ей перейти из вспомогательного санитарного отряда в полковой лазарет сестры. После отдачи экзамена, Элен уже в течение двух недель, работала в лазарете и ее объяснением войны была назначена в летучий санитарный отряд при головной колонии десанта. Когда генерал сообщил ей об этом назначении, Элен обрадовалась. Ей было приятно участвовать в самой горячей операции, но отец боялся. И только теперь, подходя к санитарному аэроплану, он понял, что большую часть его теперешнего волнения и нервозности нужно отнести на счет Элен.

Громкий голос подошедшего офицера вывел генерала из раздумья.

— Часты готовы, генерал. Люди на местах. Аппараты подготовлены к старту.

— Хорошо. Сейчас, — и сдвигая несколько шагов, он подошел к дочери.

— Элен...

Лица девушки не было видно. Но генералу показалось, что губы ее радостно улыбаются.

— Все хорошо, папа, дай я тебя поцелую.

Взвизывая губы девушки приоткрылись к его губам. Генерал криво покачал головой и, круто повернувшись, пошел прочь. Сидя в автомобиле, Холдей пытался найти среди аппаратов тот, который был обозначен красным крестом на корпусе. Но все они в тени были похожи друг на друга. Прежде, чем он дошел до белой линейки старта, загудели заведенные моторы. Командир первого головного отряда вынырнул из вод самых фар автомобиля генерала.

— Разрешите стартовать, — спросил он, прикладывая руку к шлему с очками.

Холдей махнул рукой.

Придерживая неуловимый парашют, командир отряда быстро скрылся в темноте.

Генерал не выдержал и, сойдя с машины, усталая в темноте.

Вспыхивали дымные плашки сигналов. Первый аэроплан пошел на взлет.

НАД НЮРНБЕРГОМ И БОМБЕРГОМ.

По стеклянным крышам длинных заводских зданий сияли огромные надписи: «Дорнек». Сквозь матовые стекла светился ясный в ночное небо. В залитых электричеством пещерах царил разбренный ритм конвейера. Конвейер в повороте — третьем — филиал Дорнек подоступил к фирме; он получил первую премию инвентаря во время пробной мобилизации 1938 года.

Размерно дивились рядом с конвейером рабочие. Видны были только коротко остриженные затылки длинных голов. На холщевых комбинезонах ярким голубым росчерком написано: «Дорнек».

Равномерно шумели машины, изредка только слышался стук разводящего ключа о гайку и шорох конвейера.

Вдруг рыкая дробь тревожных звонков встрепенула цехи. Над конвейером, над которыми мастера, над столами инженера вспыхнули яркие надписи: «Воздушная тревога».

Свет, на секунду до того ослабительно яркий, померк. Емко и еще. Через полминуты, кроме тусклых сияний лампочек, у дверей в длинном здании цеха не было ни огонька. Рабочие не прекратили работы, так же шумели машины, так же шел конвейер, в приглушенном свете светились выходящие детали идущих безпрерывной вереницей частей машин.

Нужно было вспыхнуть яркий свет. Кто-то выключил главный рубильник. Но это продолжалось всего лишь несколько секунд. Свет вновь погас.

По радужным рабочим пробежал шепот: «взрыв».

Минутой конвейер шел вступую.

Вспыхнула была столь короткой, что капитан Уайлд не мог бы даже указать места, где она возникла. Но шум стало только одно — вину действительно был Нюрнберг. Остальные должны были сдаться врагу. Каждая бомба на счету. И когда капитан услышал приказ Макгольма:

«Вести бомбометания с пикирования» — он обреченно встал.

Это днасть бомбардировка была действительно, и можно было рассчитывать, что третья колония, которую вел сам генерал, разбьет тротилом намеченные объекты.

Положение второй колонии, которая в пятидесяти километрах от Нюрнберга повернула на запад с целью подвергнуть бомбардировку электрическую станцию, было значительно труднее. Из ее первоначального состава — шестидесяти Х-11 — осталось всего лишь тридцать семь машин. К тому же станция наверняка имеет свою собственную оборону и пикирование для сбрасывания бомб обречено колоний не дошло.

На центральной электрической станции уже знали о приближении колоний.

Ее высокий дворец из стекла, отбланный стальной гранитом, был погружен во мрак. Мелочески гудели турбины, из шестидесяти тысяч вылетали в небо посланцы только триста — то, что подготовил Вагберг, младший брат Нюрнберга. Остальное шло на заводы Дорнек. Но вот затрещал телефон.

(Продолжение следует).

* Начало см. №№ 37, 38, 39, 40, 41 и 42.

(i-се продолженіе*).

— Прекратить подачу энергіи. У насъ воздушная тревога. Заводы стали.

Теперь Нюрнбергу, пожирающему ливневую долю тока, не нужно было ни ватта. Стали станки. Потеряли нити фаварей. Сковаанный страхомъ Нюрнбергъ притаился. Впервые съ момента открытія станціи промышленный гигантъ отказался отъ электрической нити.

Изъ зеркальныхъ оконъ машинного зала была видна гладь напорного озера верхняго бьефа, подобнаго большому морскому заливу. Молодой инженеръ, помощникъ дежурнаго по заводу, старался сдерживать нервную дрожь, поглядывая въ темноту. Онъ пытался найти линію, отдѣляющую небо отъ воды. Гдѣ-то тамъ за этой линіей днѣ жутя англіискіе аэропланы. Инженеръ повернулъ лицо къ сидящему передъ пультами старому:

— А можетъ быть они летятъ не къ намъ? ?

Въ голосѣ его звучала надежда.

Но старикъ спокойно отвѣтилъ:

— Въ этомъ то, мой другъ, вы все можете сомнѣваться.

— Что-же будетъ?

— Вы такъ спрашиваете, какъ будто бы я всю жизнь просидѣлъ водѣ аэропланныхъ бомбъ.

— Но, вѣдь, вы были на войнѣ 1914 года...

— Тогда въ насѣ швыряли игрушками къ двадцати пятидесяти килограммамъ. Теперь къ этому нужно приписать ноль справа. Тогда летали для устрашенія, теперь летаютъ для уничтоженія. Дрянными хвостушкой сочили бы тогда летчика, который сказалъ бы, что онъ уничтожилъ ночью бомбами плотину.

— А теперь?

— Теперь, чортъ его знаетъ, что будетъ теперь. Мы съ вами объ этомъ сможемъ скоро судить.

— Перспектива, — сказала молодой инженеръ, нервно передергивая плечами.

— Я могу дать вамъ небольшой примѣръчикъ, — продолжалъ старикъ. — Однажды рѣка Колорадо, дающая энергію Санъ-Франциско, прорвала плотину. До берега моря массы воды осталось пройти всего восемьдесятъ километровъ, — три часа пути. Но на протяженіи этихъ трехъ часовъ вода причинила разрушеній на пятьсотъ милліоновъ долларовъ, т. е. на два милліарда нашихъ германскихъ марокъ... золотыхъ, конечно. Впрочемъ, вы не знаете, что такое золотая марка. Вы ее никогда не видѣли. Это штука, за которую по нынѣшнимъ цѣнамъ васъ можно кинуть со всеми потрохами на цѣлый день...

Старикъ инженеръ не договорилъ. Желтое зарево свернуло на мраморъ цитовъ. Мѣдная обводка кокушекъ турбинъ отбросила синіе къ дрогнувшему потоку. Выдавленная столбомъ воздуха стеклянная стѣна обручилась во внутренности машинного зала. Станушки въ гладкой поверхности уснувшего озера поднялись къ небу пѣнистый фонтанъ воды. Прохотъ взрыва дошелъ до зала позже, когда надъ озеромъ взметнулся уже сдѣлюющій гейзеръ. Онъ перебрелъ пѣнистую струю черезъ широкое подотто дамба — славая ее съ фонтаномъ бетона и стали, скинутой очередной бомбой. Точно обрадовавшись освобожденію вода бросилась въ прорывъ.

Плотина дрожала отъ напора пѣнящейся воды. Вода рвала надломленные глыбы бетонной стѣны.

За каждой бомбой, падавшей въ озеро, сдѣловать ослѣпительный фонтанъ камней и воды. Гидравлическое давленіе подводныхъ взрывовъ равно тридцатиметровую толщину бетона, какъ гнилую фавару.

Двѣсти шестьдесятъ милліоновъ тоннъ воды уничтожающимъ все на своемъ пути потокомъ обрушились на Фюртъ. Нюрнбергъ, которымъ она столько времени рабски отдавала свою губоубую энергію. Вода перебивалась черезъ гранитныя набережныя, залпала улицы, хлопотала на лавкахъ. Берега канала во мотли вѣстистъ грандіозную массу воды, отданную воздухоулавливателю. Она потокомъ стремилась въ Майнъ и поспѣла къ Бамбергу.

Аэропланы третьей колонны генерала Макколума, эшелонированные по частямъ, точно сдѣла въихающимъ у нихъ фотографическимъ пламенемъ воино — промышленныхъ районовъ Фюрта и Нюрнберга, методически, съ поразительной точностью сбрасывали бомбы.

То, что происходило, было далеко отъ представленія, какое могло представить человѣческое воображеніе. Надъ притихшимъ центромъ Нюрнберга было слышенъ въ интервалахъ между взрывами могучій шумъ сотенъ аэроплановъ.

Защитательныя бомбы, сброшенные первыми эшелонами Макколума, вызвали пожары. Температура въ 3200 градусовъ, развиваемая бомбами, была достаточна, чтобы воспламенить самое трудно возгорающееся матеріалы. Язвы пламени появлялись мгновенно на мѣстѣ паденія бомбы, а аэропланы англичанъ удалялись къ северу, чтобы сбросить слѣдующія бомбы надъ Бамбергомъ.

На сѣмьну первому эшелону подходили машины второго сбрасывавшія фугасныя бомбы. Ко времени ихъ паденія, половина заводовъ была уже объята пламенемъ. Красные столбы съ воетомъ устремились къ небу, вздымая тучи искры и окрашивая черныя куполы неба багровыми сполохами. О томъ, чтобы бороться съ разбушевавшимся океаномъ огня, не могло быть и рѣчи. Пламя было повсюду. Оно возмѣло все въ новыя и новыя мѣстахъ, вырывалось изъ новыхъ и новыхъ развалинъ. Стеклянная крыша цеховъ лопалась съ жалобнымъ стономъ. Въ жалкія дѣтскія игрушки спорахивались въ клубы стальные каркасы горящихъ аэроплановъ. Раскаленные коробки танковъ дѣлались прозрачными, ихъ никто не пытался осязать. Пожарные и охрана первое время пытались бороться съ разбушевавшейся стихіей, но затѣмъ бросились въ подземелья газовой убойничь, чтобы спастись себѣ.

Х. Л. Д. сбросили уже первую бомбу на корпусъ Фарбендустрии. Въ Бамбергѣ затворились склады сѣры, затопленные для производства шприта. Лопнули первый гигантскій газодержатель съ отравляющими веществами. Слезоточивые, удушающіе, вызывающіе нарывы газы: ипритъ, лугазитъ, фосгенъ — все то, о чемъ съ ужасомъ шептались въ мирное время и во что старались не вѣрить, какъ въ страшный призракъ ада, все это потекло по берегамъ Майна. Тяжелая пелена желтаго, сѣраго дыма застилала весь просторъ долины до Штейгервальда.

Еще черезъ нѣсколько минутъ въ оставшихся цѣлыми нюрнбергскихъ домахъ поглотились всѣ стекла. Волна страшнаго взрыва докатилась туда за шестьдесятъ километровъ. Въ Бамбергѣ влетѣли на воздухъ заводы взрывчатыхъ веществъ.

Небо пылало.

На десятки километровъ вокругъ поля — покрылись хлопьями и копотью. Толпа, обезумѣвшая отъ ужаса, стремилась въ убѣжища. У входовъ ихъ закопала водоворотъ потерявшихъ разсудокъ людей. Электричества не было. Лифты, набитые визжавшими отъ ужаса женщинами, стояли посреди темныхъ шахтъ. На глубинѣ тридцати метровъ нужно было опускаться по желѣзнымъ лѣстницамъ. Въ подлѣтъ, къ которой еще не привыкли глаза, люди оступались и падали, ихъ никто не поддерживалъ.

Но не успѣли наполниться еще и наполовину убѣжища, какъ надъ потерявшими разсудокъ толпами пронесся крикъ.

— Вода!

Вода появилась на улицахъ. Сначала ей не придали значенія. Но когда уровень ея въ теченіе трехъ минутъ повысился до полуметра, когда по главнымъ улицамъ уже можно было пройти только по поясу въ водѣ, когда вода потоками хлынула въ подвалы, когда вслѣдъ за стремящимся въ подземелья убѣжища съ прохотомъ ринулись водопады — всѣ поняли.

Плотина!

Можно было сохранить надежду на спасеніе отъ огня, такъ какъ пока еще не была сброшена ни одна бронбойная бомба, можно было надѣяться спастись въ газовыхъ убѣжищахъ.

Но куда было скрыться отъ воды? Черезъ восемь минутъ потоки ея поднялись до человѣческаго роста.

Сидя въ рубкѣ фугаснаго аэроплана, совершающаго третій заходъ для бомбометанія, Уйтлей чувствовалъ что задыхается. Воздухъ вокругъ машинъ былъ раскаленъ и насыщенъ густымъ тошнотворнымъ запахомъ гари. Колонны во время бомбардировки уменьшили высоту полета до трехъ тысячъ метровъ, но летчики снова вытаскивали кислородные респираторы, чтобы глотнуть воздуха.

Макколумъ отдалъ приказъ главному соединенію слѣдовать за нимъ и, еще уменьшая высоту, направился вверхъ по каналу въ сторону Дуная. Аппараты впервые прошли надъ центромъ города. Невольнo Уйтлей вспоминался Венеція. Выхотъ улицъ въ сѣрой предрассвѣтной мглѣ по блескалн потокомъ быстро текущей воды.

Аэропланы шли уже совсемъ низко. Можно было видѣть отдѣльные кварталы и убѣжища дома. Уйтлей съ удивленіемъ увидѣлъ на многихъ крышахъ людей. Это не были ищущіе спасенія отъ воды и огня. Это были люди, которые забралнсь на крыши, чтобы спастись отъ газовъ.

Макколумъ, раненый въ бою съ москитами, еще самъ

велъ эскадру надъ каналомъ, туда, гдѣ въ приторахъ раздѣленные его развѣтвленіями расположились по берегамъ казармы. Снова засверкали взрывы бомбъ, но въ сѣ земли отбѣлѣлъ уруганный огонь зенитныхъ батарей. Эскадра англичанъ, не ожидавшая такого отпора, вынуждена была летѣть наверхъ. Одинъ за другимъ залпала взрывалась въ воздухѣ аппараты. Макколумъ, будучи второй разъ раненъ, отдалъ приказъ набрать высоту и круто изменить курсъ на западъ. Изъ головного отряда, сильно пострадашаго, собрался вокругъ флагмана на высотѣ семи тысячъ метровъ, только десятокъ машинъ.

ВТОРОЙ УДАРЪ ПО БРИТАНСКИМЪ ОСТРОВАМЪ.

Бѣдный, осунувшійся, съ горько опустившимися губами рта, начальникъ германскихъ воздушныхъ силъ, въ порывѣ сухо, обращался къ собравшимся офицерамъ оперативной частн.

— Ночью англичанамъ, благодаря хитро проведеннымъ маневрамъ, удалось достигнуть важныхъ стратегическихъ и промышленныхъ центровъ нашей страны. Распленіе воздушныхъ силъ создало для нихъ благоприятную обстановку. По послѣднимъ свѣдѣніямъ промышленный районъ Немецкаго берега сильно пострадалъ. Правда, англіиская эскадра рюбита и не представляетъ большаго боевой угрозы. Разбиты также и объединенная франко-англійская эскадра, пытавшаяся слѣдовать налетѣ на Дессау, гдѣ сосредоточены важныя авіаціонная промышленность на заводѣ Кюниера, — устало передернувъ въ угру рта сигару, обратился начальникъ штаба къ высокому майору, котораго спросилъ:

— Въ какомъ состояніи наши стратосферные дирижабли?

— Они готовы, — отвѣтилъ хайоръ. — Ждутъ только приказанія.

Строго говоря, названіе «стратосферные», употребленное начальникомъ штаба, было нестроно. Воздушные дирижабли, о которыхъ онъ говорилъ, не являлись стратосферными. Достижимая ими высота была еще въ области обстратосферы, но терминъ «стратосферный» удержался въ равнѣ со столь же мало знакомымъ то время терминомъ «стратобаланъ». Однако самъ фактъ тѣснѣнныя въ воздушныхъ кораблѣхъ заслуживаетъ вниманія. О нихъ въ то время не писалось и строительство ихъ держалось въ строгой тайнѣ.

Опытные агенты германской развѣдки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собирали за границей всѣ матеріалы на изученіе стратосферы. Хорошо налаженная агентура въ всякая изъ сокровѣннѣйшихъ тайниковъ агента вошли тайны, считавшіяся доступными только ограниченному кругу специалистовъ.

Все, что было достигнуто американцами въ области техники изготовленія тончайшихъ газопереносимыхъ тканей, рецепты полученія ультра-легкихъ сплавовъ высокой крѣпости, способы дешевого добыванія большихъ массъ гелия, англійскіе скаффандры, французскіе герметическіе костюмы и т. д. — все это тщательно подбиралось, провѣрялось и прорабатывалось въ германскихъ лабораторіяхъ. Большой опытъ въ дѣлѣ строительства дирижаблей накопалъ нѣмцамъ. Одобренная воздушнымъ министерствомъ модель субстратосфернаго дирижабля поступила въ серийную постройку.

Германское командованіе возлагало большія надежды на созданную имъ стратосферную эскадру.

— Я рѣшилъ нанести такой же ударъ по Лондону, какой сдѣлала англичане по нашимъ промышленнымъ центрамъ, — сказалъ начальникъ штаба, смотря на офицеровъ. — Наша эскадра дирижаблей привлечетъ большія силы англичанъ. Грузить дирижабли сѣнами бомбъ.

Въ сотрудничествѣ съ бактериологическими лабораторіями артиллерійское вѣдомство выработало спеціальныя снаряды для забрасыванія бактерий въ непріятельское расположеніе. Эти бактериологическіе снаряды, отбрасываемыя арко-синей полосою, и получили названіе сенихъ. Въ наиболѣе эффектныхъ изъ бактерий — быстра и смертоносная — были недоступны пушкамъ. Онѣ бы очень скоро оказались залеженными въ собственную армію германцевъ. Единственно надежнымъ средствомъ залесенія людей въ глубокій тылъ противника являлась авіація. Авиационнымъ вѣдомствомъ было создано нѣсколько особовыхъ бактериологическихъ бомбъ примѣнительно къ разнотипамъ бактерий и случаямъ ихъ примѣненія. Эти бомбы, отбрасываемыя сенимъ кругомъ, и должны были разбрасывать дирижабли для налета на Лондонъ въслѣдъ съ разбитыми защитательными и фугасными страшной сени.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Начало см. №№ 37, 38, 39, 40, 41, 42 и 43.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

(8-е продолжение*).

ВЪ АНГЛИИ НА РАЗСВЕТЪ.

Миссис Мери, у которой жила Тедди О'Коннелл, с трудом заставляла себя открыть глаза. Оказывается, она так и заснула одетая в кресло. Со вчерашнего дня она — старшая сестра автомобильно-санитарного отряда. Отряд этот сформировался из женского добровольческого корпуса и работы было по горло. Миссис Мери пришла поздно домой, а потому еще долго сидела в ожидании звонка. Но телефон молчал. На душе было тревожно. Так и заснула в кресле одетой. Рядом, в комнате, когда она вошла в салон, проснулся Кетти и, растирая расклеванными кулачками заспанные глаза, громко сказала, зивал.

— Мама, ты разбуди меня завтра рано утром. Я тогу вбить войну.

Миссис Мери насильно привела себя в порядок, разбудила Кетти, одела ее еще полусонной. Вчера в страхе сказала, что если дитя нужно собрать в газовой бомбежки дитяного сада.

Решительно хлопнула дверь. Каблук туфли, как-то особенно пастороженно застучали по лестнице. Миссис Мери с неприятным раздражением осмотрела на спящую дочь. Девочка не спит, старательно переступала одной и той же ногой со ступеньки на ступеньку.

На улице было по осеннему светло. Рассвет пробивался сквозь туманы тучи, обложившие все небо. Они разорванными ватными одеялами мчались над притихшими городом.

Несколько крупных дождевых капель упало на асфальт пустынных улиц.

Войдя на переулочек, посмотрела вверх и развернула плащ. На черном простор простояла полицейская была неприятно одолев. Избрала проносился автомобиль. Проклятие, почти от женщины, но задержавшая или по прогулке. Простояла на ранней часе дитяного сада.

Над подъездом шелкала по лестнице женщина. На них перепрыгивали слова: «Задержите для отдаленных газет». «Хирургическое отделение глазного госпиталя». «Штаб противовоздушной обороны второго района». «Дитяний сад и лес для женщин добровольцев».

Широкая стемленная дверь дитяного сада открывалась почти непрерывно. Одна за другой выходили женщины, оставившие там детей.

Кетти с трудом поспевала за матерью. Она бережно прижимала к себе кулаки и подражала жестам матери. Кулаки сидела на доты прямо с деревянно вытанцовой силой и растопырившими руками.

Девочка особенно дернула мать за рукав и спросила.

— Мама, а куда-то съ дитяний сад беруть?

Мать не успела ответить. Кз подъезда шумно шагами подошел санитарный автомобиль. Женщины-врачи вышли из машины. Миссис Мери, глумившись, глумилась ей.

— И нечего задерживаться, — сказала она издалека. — Сейчас одеть Кетти и буду на мейте.

— Ничего, ничего, — добродушно сказала женщина-врач и присела перед Кетти. — Ты тоже дочку приноси?

— Да. А куда беруть для не беруть?

Миссис Мери выпустила ручонку Кетти.

Варил потрескавший язык. Подброшенный воздушный дитя утонул головой в двери. Она выбила тилькем стеною и упала во внутрь дома. Обладая кровью, она лежала на каменном полу. Одна рука беззастенчиво вытаскилась, другой она прижимала к себе кулаки. Мать адела на тротуар часто и невольно, судорожно перебирая руками. Паника была тилькем она пыталась освободить приваженные поревернутыми автомобилем ноги. Расширенные глаза искали исчезнувшую Кетти.

Заваливая черным простор асфальта, поспевала мать, обложки бронец, штукатурна. Вь воздух повисло белое облако пыли.

Несколько минут новый взрыв. Капиталь дома подтоплен полем похолодела улица и обрушилась вихрь с подтопленной колодой, карниз, описав в воздухе траекторию, с грохотом упала на миссис Мери. Из под обломков была видна бллая кисть руки.

АТАКА ГЕРМАНСКОГО ЦЕППЕЛИНА.

В дежурной комнате штаба эскадры истребителей, охраны города, возникла красная сигнальная лампа, и дробная трель звонка ризанула тишину.

— Слушаю, — коротко бросил в трубку дежурный лейтенант и рванул рубашонку. Одновременно он включил телефонный аппарат командира эскадры.

В казармах, в столовых, в мастерских, в автарах, на аэродроме взгляды становились сирены.

Начальник эскадры истребителей принимал сообщение штаба.

«Наш город подвергся воздушной бомбардировке германского дирижабля. Из-за низкой облачности посты противовоздушной обороны ничего не видят. Фонарическое наблюдение тоже ничего не замечает и не слышит. Из штаба противовоздушной обороны тмаа сообщают, что были обжаны попытки бомбардировать крупные промышленные центры, заводы, аэродромы. В некоторых местах дирижабль был во время бомбардировки. Безшумно дрейфует над облаками, они при помощи подвешенных стальных корзин пытались вести корректировку огня. Ни, которые из них уничтожены. Тим не менее они успели нанести большой вред...»

Уже сиди в машин, О'Коннелл принял приказ и сообщеие об обстановке. Выходящие истребители, реви моторами, дьла вверх почти вертикально. Настрочку им хлестал дождь. Капли перешли в струи, они стегали по кожаным каблукам как биты.

Оторвавшись от аэродрома О'Коннелл стал обдумывать задачу.

— Если всей эскадрой заняться поисками затерянной под облаками маленькой наблюдательной корзинки, то дирижабль, даже если он один, успеет сбросить еще много бомб, прежде чем удастся уничтожить его наблюдателя... — так думал лейтенант, и поэтому О'Коннелл раздал эскадрильи, передав приказ по радио: «Первому и второму звену искать голую наблюдателя под облаками. Третье и четвертое звено вылететь со мной пробовать облака и атаковать воздушный корабль».

Через пятьдесят секунд О'Коннелл вошел в ту стоем только дождевых облаков, пробил их, и скоро над его головой засияло голубизной осеннее небо. Пылая рыбка перешла разорванными циркусов. Каблук море дождевых облаков осталось внизу.

Алтиметр показывал дь в лишний тысяча, но ая возгуть, ни над головой попрежнему не было видно никакого дирижабля.

О'Коннелл отдавал полный круг над городом, и, только замывала его, замбтал вь лучах восходящего солнца, едва удавным блеск чего-то постороннего среди низких мостков перистых облаков. Пятидесят сиренуло и тотчас же исчезло. Лейтенант настойчиво, методически, рубя с рубомъ стал осматривать небо. Наконец, он нашел то, что искал, — полоска свернулася снова. На этот раз он не дал ей исчезнуть и старательно назвал оптический прицел. Сквозь линзы он ясно увидел сагору дирижабля.

О'Коннелл на глаз определял его высоту. Она была на дь тысяча метров выше его.

— Дирижабль на такой высоте. Не может быть, — удивленно подумал лейтенант и готов был протереть глаза, если бы они не были закрыты стеклами скафандра.

Высота около четырех тысяч, до дирижабля еще дь, много шест, — сообщал он, — дьла всего на дь минут, — продолжал думать лейтенант и двинулся сектор. Стрелка тахометра дрогнула и пошла вправо. О'Коннелл убрено дь в высоту.

В наушниках радиоба посылалась высь командира одного из оставленных звеньев под облаками:

«Наша корзинка».

О'Коннелл поднял глаза к дирижабю, чтобы следить за его высотой и едва не воскликнул от изумления: сгара, до

которой осталось уже не больше тысячи метров, быстро пошла вверх.

«Корзинка сбита» пропелась мысль, и О'Коннелл гильно двинулся сектор еще дальше. Мотор заревел, как оставший. Стрелки приборов пришли в движение. Увеличились обороты. Температура масла повышалась. Виты требовал все большего и большего угла.

Стрелка антиметра перешла уже за шесть тысяч, на которых только что шел дирижабль, а до него теперь было больше, чем прежде. О'Коннелл с трудом держал его в поле зрения. Дирижабль снова превратился в маленькую серебряную черточку на арко-голубом фоне неба.

Аппарат лейтенанта дь в дь в. До дирижабля было опять не больше двух тысяч. Алтиметр подошел к «12». Осталась одна тысяча до красного дьла «13» — потолка истребителей. О'Коннелл мог безошибочно сказать, что дирижабль находится за пределами этой красной черты.

На высоте дьла двести с половиной тысяч метров, один из спутников О'Коннелла доносил по радио, что его мотор заглохает.

Стрелка подошла к «13», когда и второй летчик сообщил, что его аппарат проваливается.

Что мог сделать командир. Его собственная машина с каждым метром высоты теряла устойчивость. О'Коннелл хорошо знал симптомы потолка.

Лейтенант сирялся с картой. Впечатание было ярким. Дирижабль летел на восток. Город остался позади. Внизу должно было быть Северное море.

Дьла аспо: ни О'Коннелл теперь же доберется до дирижабля, или тот успеет уйти к себе. Лейтенант не жалел, что в руках его не огниенная рука его товарища-аэрона, на котором он поставил рекорд. Дьла все на мейте, мало того: тут еще чепе подсчета в крылах и орудие на поу кабели.

До дирижабля больше тысячи метров, нужно преодолеть метров дьла, чтобы иметь возможность открыть огонь из пушки. Нужно значительно облегчить машину, но за счет чего? Дьла метров на такой высоте не шутка — мысленно ремень летя в голубой лейтенант.

Пришло в голову, что бонанг нужен только на дороге туда, — если удастся добраться до дирижабля, а вниз можно спланировать и с таким блком.

Потрянув рычажком беззастенчиво мранов, он пасторожено сократил за стрелкой беззастенчиво. Она уже была близка к нулю, когда О'Коннелл отпустил рычажок. Валь был почти нуль.

Машина легко преодолела пятидесять метров.

Следующие пятьдесят метров она легла через сир и дьла иди отказалась.

При дальнейшем движении ручки на себя, аэроназ проваливался. Стоило труда удерживать его на прежней высоте.

— Чорт, дьла, тысяча вьдм, — ругался О'Коннелл. — Веники дьла только сто метров, мало, но есть еще бачи с маслом. — Вь головь мысленно мысль вьдм бачи нельзя опорожнить во время полета. О'Коннелл оглянулся, ему на глаза повалился палец радио. До лес дотануться. Ее ничто не стоить сорвать, но лес передатчик — под сиденьем, его не вытаскишь. Кабина так тьла, что невозможно повернуть плечи.

Что есть еще лишнего, — мучительно думал лейтенант. — Пулемот. Они далеко. Ага, — О'Коннелл дьла улыбнулся. — При пулемотах есть тысячи беззастенчиво патроне.

Сквозь гул мотора отчетливо промчалась дробное тазание пулемотов. О'Коннелл не снимал палец с кнопки сирека до тьла поу, пока стечник не покажет, что пулемотов не осталось ни одного патрона.

Стрелка алтиметра дьла отбрыла дескентроном дьла.

Тысяча вьдм, — только два дьла. Мало, мало. — На глазах у О'Коннелла повалился слез обиды. — Чьм еще облегчить машину. Ва. Сгара. Ить что. Вьс сгара — сгара, грамм, значить, еще полсотни метров. Если оставить сьб дьла сгара, можно пойти на дистанцию прямого выстрела.

О'Коннелл решительно потянул сирека пушки. Четкий блый сдм надзод третьего сгара чертла вь вь траекторию и, во дойдя до него, уходя вь вь страсть. При воздушной стрелбе каждый третий сгара, оставший за собой стрел сдм, дающий возможность летчику прогнать наводку.

(Продолжение следует).

Дамское ателье
М. Лурье
теперь находится
Марстало йела № 25, кв. 5
Тел. 22689.
Принимает заказы

* Начала см. ММ 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44.

(10-е продолжение*).

АТАКА ГЛАВНЫХ ГЕРМАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ МЕЖДУ ДВУМЯ И ПЯТЬЮ ЧАСАМИ.

В тот момент, когда эскадры англичан соединились, раненый ген. Маккомб передал командование ген. Спенсери, его машина пошла за машиной нового флага. Маккомб лежал в рубке, лишенный сил, — внаде время от времени в забытьи. Но он заставлял себя одеть посмерть бейзовый плащ, нашивая на него. По приказанию Спенсери, он остался не пропустил из них ни слова.

Заключив составление сводки, капитан Уйтсей мог сидеть на переключенной флагманского корабля с колоннами и с кем-то.

Разведывательный штаб в Лондоне сообщал, что из перехваченной шифрованной передачи немцев. Повидимому, противник знает о намеченном маршруте обратного движения остатков эскадры и готовит отряды из них.

Приняв жалкие остатки когда-то могущественной армии, Спенсери сдвинулся еще осторожнее. Он знал, что экипажи кораблей находятся на предельном переутомлении. Путь десятичасовой полеты с рядом напряжений больше не казался даром. От эскадры остались лишь жалкие остатки. Мало было снарядов, что еще больше снижало ее боевые возможности.

Взвесив все обстоятельства, Спенсери решил сначала совершить обходное движение. Взяв на юг, он рассчитывал пройти под хвостом у броненосцев, которые перекрывали путь противника. Но проверка содержимого баков Х. Л. Д. показала, что не хватить горючего, чтобы долететь до Франции. Запасов топлива оставалось возможность возвращения домой лишь по кратчайшей линии — прямой.

Естественно была в таких условиях попытка обойти заслон сверху. Вода обогрелась от бомб бомбомоса, Спенсери решил мог рассчитывать на некоторые преграды.

Попытка массового аэропояса противника. Если отделить две эскадры и достануть его, то справиться с ними будет хотя и нелегко, но возможно.

Однако, старший инженер доложил, что и этот путь закрыт: расход горючего для набора нужной высоты превышает запасы эскадры.

Спенсери переключил ряд комбинаций, — все он унылся в одно и то же — топливо, топливо и топливо. Генерал продолжал упорно искать способ, который позволил бы достичь Франции без опасности встретиться с врагом, сохранив жизни внутренних ему людей, сохранив каждый Х. Л. Д. для будущей работы. Теперь, когда на кораблях нет ни одной бомбы, они бесцельно ведут врагу какой-нибудь ущерб, и было бы преступно пойти на столкновение в воздухе.

Но, повидимому, средств к тому, чтобы избежать этой встречи, не было.

Обдумывая еще раз свое положение, Спенсери, наконец отдал приказ: «Всем машинам перейти на следующий полет».

Плано, теряя высоту при криволинейных оборотах турбин, Х. Л. Д. приобрели скорость шестьсот километров. Это будет как раз та полоса, где противник намеревался встретить эскадру.

Но так как именно генеральный штаб рассчитывал на скорость Х. Л. Д. максимум пятьсот двадцать километров в час, то Спенсери с остатками эскадры пролетел зону намеченной встречи раньше, чем ожидалось.

Если этот расчет не оправдался и немцы будут уже на месте, остается еще шанс не быть замеченными инстинктивно на большой высоте истребителями. И, наконец, если немцы его все-таки заметят, то им придется вступить в бой с Х. Л. Д. идущими на высоте не больше двухсот метров. Никогда раньше истребители немцев не были лишены всякой возможности маневрировать по вертикали. Спенсери останется занимать только верхнюю полосу. Препятствием полосу аэропояса от противника будет мало, на броне не полетит. Повернувшись, это даст ему шанс неопределенности, во-вторых, генералы будут бесцельно ему поведать.

Осталось преодолеть одно последнее препятствие, — суметь провести эскадру низко над незнакомой гористой местностью.

Расчеты Спенсери оправдались лишь во второй части.

Появиться в намеченной зоне раньше противника ему не удалось.

Германские эскадрильи были уже стянуты к району столкновения.

Но предполагая встретить англичан на обычной для них высоте, семь тысяч, немцы старались держаться как можно выше и пролетали первые машины Спенсери. Только сигналы с земли постов наблюдения обратили, наконец, внимание истребителей на нацистскую вышку колонны Х. Л. Д.

Германские летчики бросились на обнаруженного врага. Они должны были во что бы то ни стало навязать англичанам бой, прежде, чем те уйдут в расположение зенитных орудий «линия Маккино», или под прикрытием высланных им навстречу эскадрильи французских истребителей. У немцев уже не было времени для вступления в бой на параллельных курсах. Нужно было использовать самую неожиданную атаку — из низа.

Наблюдая сверху, да еще при боковом утреннем освещении, очень трудно было определить высоту полета Х. Л. Д.

Немцы стремительно пикировали на отдельные отряды бомбовозов англичан. Скорость их снижения доходила до восьмисот километров в час. Инерция, приобретенная аппаратами, была огромная.

Самим поздно офицеры увидели свою ошибку. Англичане неслись в двухсот метрах от земли.

Атака их с огромными скоростями, немцы не имели возможности пройти мимо англичан. Они неизбежно врезались бы в землю. Нужно было выйти из низа, не доходя до противника. Такой маневр делал невозможным сколько-нибудь действительный огонь.

Германские командиры поняли, что, не было уже поздно. Остановить ниспадающую истребителя не было возможности. Командиры отдельных отрядов пытались во время вылета свои части из атаки. Разным маневром они вынуждали машины в горы. Положение не оставляло места для элементарной осторожности. Сбавляя на командира, летчики резко выходили из пики. У некоторых машин от такой перегрузки, превысившей все разумные запасы прочности, отваливались крылья. При внезапном переходе от скорости снижения в восемьсот километров к стремительному полету, тела летчиков оказывались прижатыми к машинам с такой силой, что вываливались металлы сиденья, у летчиков ломались позвонки столбы об кромки сиденья, кожа лопалась от чрезмерного давления крови, кровь хлестала из ушей. Внутренние органы в силу инерции сжимались вниз с такой силой, что у многих легкие были сжаты, люди теряли сознание.

Некоторые эскадрильи истребителей, как коршуны, сверху устремились к бомбовозам англичан и, сбившись, выскочили падали вниз горящими факелами. Центр английского расположения был быстро прорван. Десятки аппаратов сбиты. Напрасно огнетившийся бешеным огнем Х. Л. Д. отбивались от немцев.

Если первая атака могла считаться неудачной, то все же на стороне немцев было то преимущество, что англичане не могли переходить в преследование и вообще за ним следовать маневрированием. Они должны были спешить уйти из Германии.

Потому у немцев была возможность выйти из боя, переставшая и повести бой на параллельных курсах. Они окружили растерявшиеся колонны Х. Л. Д., и, не давая им ни на минуту опомниться, производили атаку за атакой.

Снаряды кончались у англичан, и их положение становилось все более и более критическим. Немцами истребителями уже удалось разбить эскадру полонеза, причем арсеналы англичан были уничтожены.

Эскадра Спенсери истекала кровью.

В своей флагманской кабине генерал напряженно слушал. Он знал, что вот-вот радио принесет ему известие о том, что уже близко истребители французов, что они идут спасать его эскадру. Но радио приносило только известия о гибели отдельных эскадрильи.

Волна... Волна... Волна... Здесь говорит генерал Декруа. Генерал Декруа. Укажите точно ваше местонахождение. С двадцатью эскадрильями истребителей яду на помощь. Предполагаю быть через двадцать минут. Декруа.

Генерал Спенсери облегченно вздохнул.

Капитан Уйтсей, раненый в руку, слышал как генерал отдал приказ.

Говорить волна... Говорить волна... Всем эскадрильям набирать высоту. Направление курса запад. По мере возможности уклоняться от боя с истребителями. Малевия. ровать. С запада на помощь идут французские истребители под командой Декруа. Место встречи на французском аэродроме Дижон. Спенсери.

За этой телеграммой немедленно последовала вторая. Говорить волна... Говорить волна... Декруа. Иду курсом на Дижон. Набираю высоту. Противник преследует. Жду вашей немедленной помощи. Спенсери.

Флагманский самолет рухнул вверх и пошел на подъем. Капитан Уйтсей выскочил из кабины и пошел в какую-то большую рубку. В его ушах проносилась мысль «неужели это Рейтль». Страшный разрыв качнул флагманский корабль. Капитану больно ударила головой и потерял сознание.

Германское командование настаивало на помощи уничтожить эскадры Спенсери. Оно не могло ждать, так как германские эскадрильи истребителей были крайне нужны в другом месте. Только что в главный штаб была получена тревожная телеграмма из штаба оккупационных войск Голландии, которая сообщила, что патрули мимо носов из Северного моря доносили, что прошедшей ночью захватили эскадры тяжелых десантных английских аэропланов, направление которых не удалось выяснить.

А через несколько минут пришла вторая телеграмма с чрезвычайно тревожными вестями, что английскому десанту удалось высадиться около голландского города Шнейк, и начальник округа генерал Шверер требует срочно помощи.

В Голландии.

Генерал Шверер, сухой старческой рукой сжимая радиотелефонную трубку так, что скорострельные пальцы на его руке дрыгали. Он доказывал, требовал и просил, но командование оккупационных корпусов ему отказывало, так как не было средств для генерала резервы в срок, который он считал решающим — два часа.

Шверер прервал разговор на полуслове и не гадая, швырнул трубку. Осколки металла разлетелись по столу. Это было выходом для старческого раздражения, но не для частей его войск. Появление десанта ставило под угрозу полного окружения северной группы оккупационного корпуса.

В дверь кабинета генерала вошел запыхавшийся мотоциклист и передал срочное донесение:

«На расстоянии в двадцать километров от Шнейк эскадрильи тяжелых десантных аппаратов англичан вновь появились под охраной истребителей. Веду бой с легкими частями десанта англичан, высадившегося ночью. Подполковник Вилмунд».

Шверер распорядился позвать машину и перенести штаб на фюзеляж в восемь километров от разбитой английской подрывными командами железной дороги.

Выйдя на крыльцо, он нервно пощипывал голову и услышал шум авиационных моторов. Шверер знал, что в его распоряжении не имеется ни одного аппарата. Значит, это были англичане. Он видел как от аппаратов отделились черные точки парашютистов. Во мгновение ока были сотни точек. Он стремительно встал. Ни одного раскрытого парашюта. Точно люди ринулись разбиться о поверхность земли. Но вот как по команде на одном и том же расстоянии от поверхности земли падали точки раскрылись парашюты. Их стремительное падение перешло в плавный полет. Противник спускался уверенно выбрав направление.

Генерал приказал бросить в места приземления парашютистов кавалерийский полк собственной охраны и эскадру охоты.

За opinion генерала началась суета. Никто не мог определить расстояние до места высадки. Указывались самые различные дистанции, которые колебались от десяти километров до одного.

Генерал презрительно пожал плечами: офицер без газометра, а не офицер.

Он взял протянутую карту из рук адъютанта. Выпуклый старческий нос ввалился на ней три черных креста — места предполагаемой высадки трех главных десантов, отрядов генерала Холдей. К крыльцу подошел бровнштейн и генерал ушел в сопровождении адъютанта.

(Продолжение следует)

* Начало см. №№ 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 46.

(это продолжение*)

Шоссе сжималось проселочной дорогой, потому пошли дуга, потом пахоты, затем маленький лес. Лавируя между деревьями, броневик шел дрыгавыми прогалинами. Генерал приказал ехать к поручу расположению своего штаба кратчайшим путем.

— Мы рискуем попасть в руки десанта, — сказала адъютант перепуганно.

Шверер упрямо приказал ехать через названные им дуги. Броневик пробирался сквозь кусты, перебрался через ручьи. От неожиданного грохота машина, вдруг, заглохла. Шофер поспешно опустил заслонку перед глазами. Сербской заложившей верхний люк. По броне пробежала вторая пулеметная очередь.

Броневик остановился. Командир машины, беззастенчивый офицер, внимательно присмотрелся и показал генералу на очутившегося в кустарнике шевелящегося. Кусты двинулись вправо. Броневик. По броне опять застучали пули. Машина заложала, от выстрелов своих пулеметов. Огустивший Шверер схватился за голову. Грохот был нестерпим.

Стараясь переключить шум, генерал приказал двинуться вперед стрельбой из десанта.

Если у них есть броневый пули, вы рискуете жизнью, вы превосходите, — крикнул командир.

Шверер упрямо крикнул, стараясь переключить гул. Я приказываю вдоль цепи.

Броневик двинулся. Командир коснулся плеча, генерал и приказавший перебежал к его газам: перископ медленно повернулся. Спереди и сзади броневика поулзиде кусты поворачивались. Еще через секунду кусты поднялись. Англические солдаты облепили машину. Командир, не спрашивая больше, с молниеносной быстротой, направила броневик в еще не сконструированный интервал. Коляска. Наперерыв брала солдат в своем комбинезоне. Броневик мчался прямо на него. Человек не останавливался. Командир броневика на ходу дал по нему очередь из пулемета. Солдат упал на землю. Он поднял из головы орудия и выстрелил впереворот машинку связку гранат. Шофер панически заперт в колесо руля.

Нам разрыва метнулось сбоку. Осколки загрохотали по броне. Генерал нервно стиснул голову в плечи. Командир в башню продолжал стрелять из пулемета.

Броневик мчался вперед. Он выскочил из интервала окружения и быстро пошел вперед. Пути были как будто чисты.

Шофер приблизил газ, намереваясь выехать на напавшиеся ближе шоссе, когда командир внезапно крикнул:

— Стоп.

От резкого торможения генерал ударился лицом о переднюю створку.

Из придорожной канавы матово поблескивали стальные иеземы. Когда броневик остановился, из канавы раскатились люди. На них были старые комбинезоны и стальные иеземы тарелками.

— Англичане, — ухмыльнулся командир.

Мелькнула граната. Около самого броневика грянули разрывы. Острый запах порохомых газов ворвался в узкую бойницу. Командир закрыл лицо руками и молча, как мимолет, свалился на сиденье.

Броневик задвигая ходом отодвинулся к лужайке. Там он развернулся и пошел в просвет между двумя парашютистами и этих вышек, как из под земли вырвались англичане. Но ему удалось пробраться до большого километра, — путь преградили пулеметы. Пули стучали по броне, как молотки. Забывший убитого командира утер-офицер больше не хотел вступать с гранатами. Он сразу повернул машину и поехал в поворот направо.

Назад куста вдали машин выстрелила граната, за ней вторая. Броневик, накренился, и генерал почувствовал, как гонимая трюка. Он вопрошательно посмотрел на утер-офицера.

— Наверно сорвало шину. Едем на обод.

— Держитесь за аэродром, — крикнул Шверер. — Это было всего.

Машина выехала из поворота. Вдали показались аэродромы.

Машину трясло и бросало так, что генерал несколько раз сильно ударился головой.

Вдруг командир снова закричал:

— Стоп.

По краю аэродрома пьющая брала люди в синих комбинезонах. Вокруг них земля выкапывалась широкими выемками и пучками выкопанных. Они все бегали, когда падал англичане выметались столб пламени и вылетал густой черный дым.

Командир броневика проткнул бойницу.

— Новичку и так противник.

— Новичку, — невозмутимо ответил Шверер.

— Куда прикажете ехать?

Шверер молчал. Напряженный броневик также брала по проселочной дороге.

В ШТАБ АНГЛИЙСКОГО ДЕСАНТА.

Элен возмущался с устройством своего маленького рабочего кабинета в комнате лазарета штаба Шверера, когда ее suddenly вывели на аэродром к отцу.

Перед генералом Холлидей, между двумя солдатами десанта, стоял голландец. Рядом с ним высокий, красочный офицер-переводчик. К этой группе не спеша подошла Элен, желая сорваться отсюда, где ей будет отведена комната для лазарета.

— Этого жалко, — сказала генерал Элен, — по-сестрински оруду, но очень похочу на правду. Будет окошко его фольварка слав английской парашютист и сломал ногу.

Элен подостаточно посмотрела на голландца.

— Этого не может быть. В нашем десанте нет ни одного человека с переломом, а по произведенной переключке врачам все жалко.

— По парашютист, — недоумительно развела руками, ответил генерал Холлидей, — совершенно точно сказала, что если это английский десант, то лучше всего, если дождут генерал и назавтра мои фамилия.

— Странно... Кто-бы это мог быть?

— Кто-бы из был, мы должны ему помочь. Был сейчас, Элен, к врачу Гарди и вместе с ним в сопровождении вот этого голландца пожай на взлет у имени машин. Да, не забудь взять конюю.

— Зачем конюю?

— Мало-ли, что здесь может быть...

Элен махнула рукой и, повернувшись к голландцу, сказала, обращаясь к переводчику.

— Спросите, перелом ли ноги у парашютиста.

Офицер быстро перевел голландцу вопрос Элен и начал переводить ответ.

— У парашютиста не только перелом ноги, но еще перелом и обгорел.

Элен переглянулась с отцом.

— Странно, обгорел?!

Голландец продолжал что-то говорить. Офицер переводил.

— Он потому обгорел, что падал с горящего аэродром.

Генерал разсердился.

— Что-же он раньше, никто, не говорил.

— Отец, — испуганно воскликнула Элен, — тогда это может быть только Макдональд.

— Ну, кто-бы там ни был, доставить сюда.

Послав санитаров за врачом, Элен приблизилась к машин, стоявшей за углом на шоссе. Мысли захлестли ее: Элен в голове: ухватил с горящего аэродром, назвала фамилию отца. Она боялась думать.

Голландца посылал к шоферу, чтобы показывал дорогу. Машина поехала. Но слова крестьянина, упавшего летчик спрыгнул в кустах близ дороги, до него не было ни километра.

Многие машины замесились на нем. Начался рывок. Элен с шоссе, выехала маленькая рывка деревни. Крестьянин уверенно показывал направление.

Элен не забывала пути. Она читала в догадках:

— Кто же? Кто, наконец?!

Кругом шофер рывко заворачивал и повернул в кусты. Стуча и вылетая захватили по лямке сиденья.

Всередине по дороге налетел автомобиль модели 1935 года. Он быстро останавливался, точно прислушиваясь.

Прежде чем кто-либо мог подумать, голландец машина выскочил из машины и выстрелил в воздух.

— Довушка, — мелькнула мысль у Элен.

Шофер неслась глазами вправо, как можно было повернуть машину. Элен выскочила ему в плечо.

— А рывок?

Она выскочила из автомобиля. Шофер коротко бросил пошопу.

— Пулемет.

Создать выстрелить ручной пулемет и поставил его на треножник. Лежа в кустах шофер поронил о своем гранатную сумку. Элен протянула руку.

— Дайте.

Создать упорно не поначал головой.

— Видь вы же сестра, колес, — И, повернувшись к помощнику, бросил: — Притоготви связку из трех гранат. Бросай помет мени.

Броневик подошел. Он двинулся к большому кусту. Воздух рвануло взрывом. Через долю секунды разорвалась граната помощника. Их выстрел подождал переднюю часть неслаженного броневика. Колеса разлетелись в стороны, как лопи разбитого зыбры. Концы передних осей уперлись в землю. Башня броневика загрохотала выстрелами. Видно было, как от стрельбы пулеметов дрожала разорвавшаяся ласты броне.

Огонь велся паузая. Чувствовалось, что вышки приподнялись, что противник замахнул где-то совсем близко, за линиями англичан с деревней клочьями дельта кора. Високое дерево качнулось и упало, срываясь с плеча.

Броневик криво выскочил. Дуга пулемета вылетела медленно поворачивалась, шаря по лесу, даю несколько коротких очередей и смолкло. Пронюла несколько минут. Тинину леса снова разорвал пулемет, броневик открыл огонь.

Приткнувшись к земле, шофер бросил гранату, встал в башню.

Пулемет на миг умолк. Потом переключил переключатель и, излучивая задегнит, в кустах англичан, стал давать короткую очередь. Пули долбили ближе. Рывок задержал ручной пулемет помощника шофера. Свинины в один миг, выстрелив треском до боли в ушах.

Шофер вновь притоготвил гранату и, тискаясь в дельта, бросил. Взрыв получился какой-то особенно глухой, точно ударил по большому мялкому баку.

Когда прошел взрыв в ушах, Элен замкнула, что строчить только один пулемет совсем близко к ухому. За желтым облачком гранатного разрыва, она увидела спорочный в сторону ствол пулемета на броневик. Дать несколько очередей, ручной пулемет умолк. Шофер еще бросил одну гранату и выскочил из кустов, на ходу вынимая из кобуры револьвер.

Броневик молчал. Когда с трудом англичане открыли бронированную дверь, из нее вывалился утер-офицер. Быстро осмотрев, доктор и Элен убедились, что он убит осколком гранаты. В башню встал в странной позе лейтенант, у шофера броневика была рывка шен и кровь хлестала ручьем на воротник эшадра. В глубине на полу стояла еще одна женщина. Элен наклонилась, чтобы посмотреть. Подняв пол, она ба ног в беззастенчиво перебрала ладьями руки, делая старика с седыми усами и богатыми серебряными шнуром на воротник.

— Нужно вывести на воздух, там еще есть один лавон, — сказала Элен, обращаясь к доктору.

С большими предосторожностями вынесла раненого офицера из броневика и положил рядом с ним. Все эти минуты под раскатистой шипящей темнотой от крови. Судорожно сжимая ладьями себя, офицер бормотал. Среди ворзоборных фраз Элен разобраза.

— В чем-то мы просчитались, здорово просчитались. Доктор, распустил мушкет, дельта переключил.

Из кустов выскочил замахивавшийся крестьянин. Рывок ушибался, от что-то говорил по голландски, клочья ладьями на ног и все время выстрелил ладьями через шофером, говоря: километр, километр. Положив раненого на заднее сиденье, автомобиль рывнул по указанному крестьянином направлению.

(Продолжение следует)

(2-е продолжение*)

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ ПЛЕНЬ.

Когда голландцы ушли, лейтенант О'Коннелл лежал в это время неподвижно. Боль утихла, хотя нога сильно распухла.

Лежать было удобно. Крестьяне спустились О'Коннелл под голову кучу мягких листьев. От них пахло свежестю и сыростью. Около лица колыбалась жужжащая трава. Время от времени по вершинам деревьев пробегали ветры. Она шумела ласково, не заглушая хлопотливых пчелиных голосов. Лист жалея своей второпливой жизнью, как когда-то уже сотни и тысячи лет тому назад. Жизнь эта была спокойной и уютной.

Словно пухом ласки доносились звуки отдаленного боя. Сухое, отрывистое рваное гудение, строчили пулеметы. Своим присоединившимся разрывам артиллерийских снарядов. Сначала это было широкое бархатистое пшле протиски, его сбитый пронзительный визг бризантных гранат. И вдруг все стихло. Словно настороженную тишину О'Коннелл услышал гудение аэропланов. Их не было видно, но прошли они совсем где-то близко. И точно так же совсем рядом заукало, завыло. Это было знакомо. Авиационная бомба. Недалеко. Совсем недалеко. Прислушался. Между разрывами трепетали равномерные, такие теплые голоса тяжелых зенитных пулеметов, и тоже совсем близко.

Усталость и первая реакция брали свое. Под пшле пшле, перемещающиеся с таратинным пулемета, О'Коннелл задремал.

Но слова рванули воздух бомбы.

Лейтенант оторвался дрему и приподнялся на локтях. За ошущим разлел. Звесь ему ничего не грозило. Он лежал как в бандиже. Именно от этого вдруг стало тошно. Хотелся туда. Вот так лечь на живот, встать за рукоятку пулемета, и тогда не будет мягкого покоя смыш листьев. Будет бой.

Не случилось боли, которая дшпо тпнула за ногу, О'Коннелл позволил между деревьями в сторону, противоположную той, с которой его принесли крестьяне. Онуша была недалеко.

Лейтенант видял сквозь рдья дерева небо и клубы черного дыма, но приблизиться к носатым столпам было нелегко. Каждое движение заставляло сиринуть зубами.

Приложившись к молодому деревцу, О'Коннелл смотрел в поле. Но краю, укрытому лтоком, стояли легкие полевые агтары. Большинство их горело. Несколько аэропланов в самых необычных позах висели далеко на аэродроме, на крыль, вверх косяками или утихнувшись мотором, высоко задрав хвост. Кое-где висели груды скрюченного металла. Он еще дымился. Из двух убитых агтаров солдаты в зелено-серых мундирах выводили машины. Это были небольшие аэропланы-истребители.

Внезапно черное облако земли и дыма мощным фонтаном взметнулось посреди поля и закрыло от О'Коннелла аэродром. Лейтенант понял, что это разорвалась бомба замедленного действия.

Когда дым рассеялся, он увидел, что еще несколько аэропланов лежат в беспорядке на аэродроме. Два из них прямо пылают. Расстегив мочется санитары.

Совсем недалеко от О'Коннелла два солдата торопились тащить аэроплан. К нему, застывшая на ходу крошечная парашюта, бжались офицеры. О'Коннелл ясно услышал слова приказа. Говорили по шпекти. Офицеры влезли в машину и подняли руку. Солдаты отбжались. Провелась быстрая закуртка, но успев сбжать только несколько десятков оборотов, как новый страшный взрыв потряс воздух. Над головой взрывнулись осколки. О'Коннелл испуганно пригнулся.

Когда он поднялся, в ушах стоял туманный гул. Один из солдат пшжом лежал у аэроплана, другой, с трудом поднявшись, придерживая правой рукой окровавленную левую, сползал к антарам. Летчика не было видно. Аэроплан стоял, работая в холоду, О'Коннелл смотрел на него как на заговорщика.

Лейтенант извивался полз на живот. Он старался вникнуть в землю, чтобы остаться незамеченным в откритом поле.

Испуганный аэроплан — полетел к своим, к себе, к старой Англии, домой, — мелькала одна за другой мысли в голове О'Коннелла.

Лейтенант подполз из-под крыла и, ухватившись за скобы, подтянулся на руках. Струи воздуха от пропеллера рвали одежду. Дыла уносились, невольно оперся на обшюги. Перед глазами замелькали звзды, все пошло кругом, О'Коннелл разжал руки и упал. Боль от падения была нестерпимой. Стоило нечеловеческих усилий и большого труда заставить себя начать все сынова. На этот раз удалось подняться настолько, что можно было достать вырвз ступеньки из фюзеляжа. Но как на зло он пришлось против раненой ноги. Сказать зубы до боли, О'Коннелл оттолкнул мшающую ногу здоровой и вступил в вырвз.

Из пилотской кабины на него уставились расширенные от боя и удивления глаза. Офицер вытянул руку с револьвером настрчу О'Коннелла.

Произошла короткая борьба. О'Коннелл потерял сознание.

Когда он очнулся, то почувствовал, что глаза слились в кривы. Съе усилем подняв вкы, увидел, что лежит внутри аэроплана, рядом с мертвым офицером.

Лейтенанту казалось, что прошла дшпа вчность пока он взгромоздился на сиденье. Отдохнувший труп в сторону, он взял руками раненую ногу ниже колена и сунул на шею.

Повеселился штурвал: аэропланы в порядке. В лицо через передний козырек план сфжия струи воздуха от пропеллера. Повернув голову, лейтенант увидел на опушке, из которой он только что выполз, людей. Раздающая рукояти они бжались к аэроплану.

Слезы забегали на защищенные очки глаза О'Коннелла. Он дшнул сектор и оторвал хвост от земли. Аэроплан бжжал.

Внезапно впереди, там, куда бжжала машина, поднялась черная стна земли и, расходясь кудрявыми краями взрыва, закрыла все поле агтары, небо. Очередная бомба с замедлением. Дав сектор до отказа, О'Коннелл вжал на себя штурвал. Почувствовал как подинуло варпом правое крыло, но земли, антары, самые клубы дыма — все было уже внизу. Машина послушно оляла крутой горкой. Уверенно гудела мотор. О'Коннелл огляделся. Он вывел машину так, чтобы солнце, лшжно поднимавшееся над ровными горизонтом, было за спиной.

Проводив аэроплан глазами Эленс спросила у крестьянина.

— Он.

Взбего ответа голландец протянул пшлом летчика. Эленс взглянула на протянутый рванный кусок кожи. Да, это были остатки шлема английского летчика. И снова повернула голову туда, где скрылся аэроплан.

А в лбу на проглотил, в автомашине, лежал пришедший в себя высокий сфдой старик с серебристыми шптем на воротник. Он нервно ловил нижней губой прокурную сбду шетну уось и сосал ее.

К четырем часам 19 августа судьба боя в Голландии на северном участке, где англичанами вымчел был удар во фланг, была ршена. Лишенные оперативного руководства и поддержки главных сил, германские части отходили съ боем. У них на паче, не давая опомниться, дшались английские танки, переброшенные транспортными аэропланами из Англии.

Десятая группа англичан, столь малочисленная вначале, к вечеру дошла до десяти дивизий, большинство которых опять-таки было переброшено по воздуху.

Столь неожиданный и внезапный удар съ севра не ожидало германское командование, которое направало все усилия своих сухопутных армий в стик между франко-бельгийской границей и подготавливало удар вдоль швейцарско-французской границы.

НА АЭРОДРОМЕ В ДИКОНО.

К девяти часам на большом военном аэродроме Дижона было зафиксировано движение. Вдоль агтаров, крпши которых выдвинулись над землей, длинной цшью стали вереницы санитарных автомобилей. В штаб безпрерывно шла переписка по радиотелефону съ возвращающейся съ палета на Норберт английской эскадры.

Генерал Спенсери, собравший остатки когда-то могущественной воздушной армии, вел ее под прикрытием французских эскадр — истребителей в Дижон. За ним, как гонимый ошак, словно за уходящим раненым звзрел, гнались немецкие штурмовики и быстроходные истребители.

Генерал Деркуа, принявший за собой тыл разбитых англичан, ежеминутно бжлся в атаку на наступающего противника. Но благодаря быстротности шмекших а-

паратив, из удавалось прорвать завесу французов и, налетая как коршуны на английские тяжелые бомбовозы, отрывали концевые аппараты, которые, подбитые выстрелами, летя вкз, порбали под своими обломками кми. Только тогда, когда была пройдена линия Мажно, зенитная артиллерия которой, не считаясь съ тм, что может нанести потери в эскадриль истребителей французов, открыла заградительный огонь, остатки английской воздушной эскадры спокойно снижались на дижонский аэродром.

Медленно, как подраненные птицы, один за другим садялись на мягкую асфальтовую мурзу аэродрома Х. Л. Д. Они имели очень непрезабельный вид. Обшюга во многих мстах была содрана ошолками снарядов, острые края пробиты торчал, как ключи поврванной бумаги. На ошюге Х. Л. Д. досовая пупка, лшпенная экран, печально склонялась к башн, готовая вот-вот оторваться.

Из школьких сотен аппаратов, вылетевших съ Британских островов, на дижонский аэродром оло по болше двадцати.

По обрешенной съ аэроплана лштинцы сошли генерал Спенсери и его адютант в разорванных и закопченных кожаных комбинезонах.

Из встретили командант аэродрома, английский военный аташе и помощник начальника штаба французской воздушной силы.

Посл приветствий генерал Спенсери, повернувшись к команданту, хриплым голосом спросил:

— Есть врачи? У меня въ эскадре половина людей ранено, нужно немедленно эвакуировать их. Может быть, нужны будут шпшны операции. Генерал Макколм ранен, я и бжусь за его жизнь.

— Все готово для приема раненых вашей эскадры, генерал. Лазареты и санитарные автомобили ожидают. Если вы прикажете, немедленно будет приступлено въ эвакуации, — ответил командант дижонского аэродрома, прикладывая руку къ кепи.

— Прощу вас, — ответил Спенсери, и обшюга къ лшжнику, помощнику начальника штаба французских военных сил, продолжал:

— Я-бы хотел съ вашего разрешения немедленно състис съ английским штабом и дать ему полный отчет о возвращении эскадры генерала Макколма.

Через школько дней офицерскую палату лазарета въ Лимож посетил генерал Спенсери въ сопровождении английского военного аташе. Въ ней лежали ранено офицеры эскадры Макколма вмст со своими командирами. Раненых их, въ большинстве случаев, не представляли ошастей для жизни, и были легкими. Канитант Утлей, раненый въ руку и голову, проводил долгие часы на сонечной веранде лазарета. Ему казалось, что весь полет над Германией, гибель Мак-Скотта, бомбардировка Норберта, воздушные бои, — всего лишь сон, кошмар. Но рука на перензке и забинтованная голова говорили об обратном.

Из два часа для санитаров доложили канитанту о том, что его желает видеть прибывший генерал Спенсери. Запахнув халат, Утлей пошел въ приемную.

— Здравствуйте, канитант, — встретил его возмсом генерал Спенсери, поднявшись съ кресла.

— Ваше превосходительство, я благодарен за ваше посещение, — ответил канитант, вытянувшись во фронт.

— Преске всего разрешения вам, канитант Утлей, передать монаршую милость. Вы гражданин крестом Виктории и проведены въ зпп майора. Ваше участие въ полет и точность работы как офицера связи принесла огромную пользу командованию и отечеству. Лично я от души поздравляю вас, майор, и по выдворению из дшюс вновь вас вдрит под мои командования. Военный министр назначил меня командующим корпусом воздушными силами, и я не сомневаюсь, что майор Утлей не откажется быть моим начальником службы связи.

— Служаюсь, генерал, — ответил растрепанный лшжом майор Утлей. — У меня не находится слов, чтобы выразить вам свою благодарность. Я буду вновь рад служить его величеству королю и моей родии.

— Теперь официальная часть окончена, дорогой майор, садитесь, — сказал генерал Спенсери. — Вам вдрнее будет не безынтересно узнать новости?

— Генерал, вы меня обшете! — ответил канитант, усаживаясь въ кресло.

(Продолжение следует).

*) Начало см. № 37 — 48

(3-е продолжение*)

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТАХ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ВОЗДУШНОЙ ЭСКАДРЫ В ДИЖОНЬ

— Итак, рейд нашей эскадры, — начал генерал Спенсери, закурил трубку, — был внезапным ударом для германского командования. Нам удалось больно укусить горло тевтона во одно из самых чувствительных его мест. По доносениям разведывательной службы, бомбардировка платины и военных заводов около Нюрнберга удалась. Как то, так и другое взлетело на воздух. Конечно, эскадра, как вам известно, потеряла значительный урон. Вернулось всего лишь десять бомбовозов, большинство из которых требуют ремонта и обслуживания их, вновь в строй сейчас нельзя говорить. Наша десантная операция в Голландии развивается успешно. Благодаря умелой агитации, голландцы формируют партизанские отряды, которые сильно вредят оккупационным частям. Иначе. По плану нашего командования, север Голландии будет служить плацдармом, откуда будут нанесены удары в германский фронт. На укрепленных линиях Мажино в настоящее время идет артиллерийский бой. О каких-либо наступательных операциях, конечно, сейчас рано думать.

Как видите, майор, Европа заполыхала грозными зарницами. Напрасно говорили наши военные специалисты, да и сам я к тому же в их числе, о том, что воздушный флот будет главным оружием в руках военачальников во время войны. Оказалось, что это не так. Ну мы нанесли удар, но не разбили мощи. Ничего тоже сделали несколько палаток на Британские острова и на французские промышленные центры, и тогда без большого опустошительного ущерба. Снова, как во время последней великой войны, армия зарылась в землю, и хотя многие военные специалисты утверждали то, что салютная война будет продолжением бывшей и, пожалуй, они правы. Опять, как и в 1918 году, противники с севера по югу безпрерывными линиями окопов, прада, не примитивных, как раньше, а защищенных многоточными железобетонными покрытиями. Мечта о быстром окончании войны посредством внезапного удара оказалась только мечтой.

Одно только могу сказать, дорогой майор, что первая военная действительность не оправдала тех надежд, которые возлагали на них как франко-английское командование, так и германский большой генеральный штаб.

СОВЕЩАНИЕ НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ

Полдень. Солнце падает иссядая. Почернели поля, искаженные дыма, пламени, жидкой пахав разложения. О фронте доносили протяжные разрывы снарядов и бомб. Земля вздрагивала. По ее поверхности пробегали волны чиряков, достигая также небольшого аэродрома при главной квартире. Много французских союзных войск. Сразу, непосредственно, за зеленой муравой летного поля, в ближайшем пригорке, раскинулись, как зияющее чудовищное животное, огромные, укрепленные железобетонные, темная арка дери. С правой стороны тянется, поблескивая слепатыми отливом в лучах солнца, узкоколейная железная дорожная линия, которая, отбывая большой круг, обходит аэродром и скрывается в хмычках. Над ней — черная лента асфальтового шоссе. По нему безпрерывно мчатся автомобили, с ревом проносится мотоциклеты.

Майор Уйтлей только что спустился на одноэтажном истребителе на аэродром главной квартиры. Сзади машины, по приближавшимся механизмам, он на ходу отстегивает ремни парашюта и быстрым шагом направляется к ари.

У входа его встречает французский офицер.

— Здравствуйте, майор, — обращается офицер красноречиво, — и вас здесь ожидают всего лишь десять минут. Вы только, как истинный джентльмен. Походите к нам в протное жилище, где вам уже отвели комнату, а люди скоро придут еще вчера.

Майор Уйтлей знает давно капитана французской службы Лиде. Выходя с ним он копил французскую Академию генерального штаба и проходил стаж дetchна во вспомогательной эскадре бомбовозов французской авиации.

В туннеле, имевшем маленький наклон, было тихо. Завсегдатаи сразу назвали майора и капитана оставили главную дорогу, выйдя с рюкзаками и шоссю. Электрические лампы ярко освещали туннель, по которой они стали опускаться вниз. Француз, идя впереди, все время бол-

тал, жестикулировал, часто останавливаясь. Из его разговоров майор узнал, что сегодня состоится совещание начальников штабов, а также доклад экономической комиссии и начальника союзной разведки.

Железные ступени, казалось, были бесконечны. Лестница уходила глубоко в землю. Порой были площадки, от которых направо и налево шли новые туннели, освещенные электричеством. По ним безшумно передвигались электрические тележки, груженные чем-то и закрытые брезентом. Солдаты молча отдавали честь. Только иногда типично изрешачивали туннели. Лампочки вздрагивали, электрический свет мигал.

— Сегодня на фронте жарко, — сказала Лиде. — Ничего доброго с самого утра. В оперативном штабе мы говорили о том, что разведка доносит о чрезвычайной активности на левом участке. Мне кажется, что можно ожидать сюрприза.

Лестница кончилась. Подойдя к телефонному аппарату, изданному в стипу, капитан Диде вызвал центральную станцию, приказав соединить себя с отделом транспорта.

— Алло. Отдел транспорта. Немедленно выйдите в гараж № 8 электрова. Здесь говорит капитан Диде, адъютант начальника штаба.

— Сейчас, — отвечают ему.

Капитан повисел трубку и, обернувшись к майору Уйтлей, сказал:

— Нам придется подождать. Я заказал электрова, которое доставит нас в начальнику штаба. Можно было бы пройти этого кусок пешком, но это заняло бы время, а у нас его в обрез, так как совещание назначено ровно в два часа, а до этого вам еще нужно познакомиться с вашим «хозяйством» и с планом главной квартиры. Правда, солдаты и вы все равно знаете хорошо свой сектор, но, так как там «короветы» убавляло представлять из себя целый подземный город с десятками туннелей, коридоров, с небольшими квартирами для штаба. Офицеры, с безличными количеством канцелярий, то, к моему, запоздало займет некоторое время. В ваше распоряжение, майор, команданто штаба отвела комната с ванной. Она примыкает к инфроранжю, от отделенной и в вашей канцелярии офицера связи морской английской авиации. А вот и наша комната, — поворачиваясь в глубину туннеля, — закончил Диде.

Через несколько секунд, к тому месту, где стоял Уйтлей с французом, мягко шумя резиновыми шипами, подкатывал окантас, напоминающий автомобиль. Создать шофер открыл дверцу.

— Пожалуйста, — сказал француз, дядя рукой пригласительный жест. — Туннель 41 д. — Бросьте свой багаж в пофору.

Электрова безшумно двинулось с места. Перед майором замаячила желанная дери с лампочками. По бокам узкой дорожки шли солдаты с бумажками. Если бы не электрический свет, можно было подумать, что майор находится в большом штабе где-нибудь в Париже или Лондоне. Только электрова и попадающиеся наскриву электрические лампы со штабными офицерами разрушали это впечатление. Через минут пять, после нескольких поворотов, электрова остановилось перед стальной дверью. На белой дощечке майор прочел «Отделение связи главной квартиры».

— Ну, вот, мы прибыли. Еще несколько минут, и вы будете у себя, дорогой майор, — сказал капитан, открыв дери и жестом отпуская электрова.

Пройдя большую залу, установленную столами, за которыми безшумно работали несколько десятков писарей, солдат, они вновь попали в коридор. Направо и налево за стальными дверями слышались шум пишущих машинок и характерный звук работающих радио-аппаратов. В самом конце коридора капитан открыл новую стальную дери. В канцелярий комнате за ней майор увидел несколько солдат, одетых в английский форму.

— Вот здесь начинается ваша вахдига, майор, — сказал Диде. — Если вы разберитесь, то лейтенант Смит, ваш адъютант, должен провести вас. Мне нужно торопиться. Честь вашей канцелярии.

— Здравствуйте, майор, — услышал Уйтлей голос прямо от него. Он повернул голову и увидел улыбающегося физиономию лейтенанта Смита, которого оставал три дня тому назад в Лондоне.

— Здравствуйте, — ответил майор, протягивая руку.

— Ну, как устроились?

— Безнадежно. Жаль только, что здесь мужской мистры. За два дня я не ладаю ни одной юбки, кроме английской нашей связистов. А так великолепно устроили. Чувная кухня, великолепная комната. Связь с фронтом, Лондонские поставлены были позвал. В нашем распоряжении прямые провода, присоединенные к штабу связи главнокомандующего. Работы делаю уйма. Люди устроятся тоже хорошо. Если вы разберитесь, майор, то я сразу сейчас вам мое хозяйство.

Уйтлей улыбнулся. Он хорошо знал лейтенанта Смита, про которого в обществе говорили, что если бы он был лейтенант без женского общества в тесноте туннеля, то через четыре часа, то он нагнорно бы умер. Потом Уйтлей несколько не удивился тому, что лейтенант сразу, чем доложить о ходе службы, упомянул о женщинах.

— Ведите, лейтенант. Нужно поскорее познакомиться, а потом нам необходимо опшиться на совещание начальников штабов. Генерал Спенсери будет моим опшником в половине третьего.

— Итак, майор, эта комната, где мы сейчас находимся, наша канцелярия, где которую поступают все шифровальные телеграммы. Затым, направо дери ведет в отделение радио-аппаратов. Направо — наша с вами кабинет. Прямую дери — казармы солдат.

Все что лейтенант сказал скороговоркой, пролом из дери правдо и открывая ее.

— Мой стол здесь справа, ваш — напротив.

Подписав несколько бумаг и познакомившись с работой отделения связи, майор Уйтлей, в сопровождении лейтенанта Смита, на лифт спустился в залы главной квартиры союзников. Это помещенье занимало на пятидесяти метрах под землей. В большом зале за длинными столами, покрытыми картоном, сидели опытные руководители французской и английской армий. Офицеры связи за отдельными столами готовили блокноты, чтобы делять заметки на докладов.

Ровно в два часа вошел начальник союзных войск в сопровождении английского министра обороны, начальника штаба экспедиционного корпуса и командующего экспедиционных корпусом.

ЧТО ДАЛИ ТРИ МЕСЯЦА ВОЙНЫ.

Совещание началось с доклада начальника штаба союзных войск.

Еще дозволенья на вид начальника штаба союзных армий, много поработал для Франции и считается сейчас одним из лучших стратегов в мире. Его глубокий инстинкт, огромный боевой опыт, полученный во время кампаний великих войн, после Великой войны, несмотря на малые годы, — всего лишь сорок восемь лет, — выдвинули генерала на один из отыстешнейших постов.

— Чтобы образовал общее положение, — начал он, — докладать, — я должен доложить высшему собранию, что за три месяца войны она вылилась из ряда воздушных палаток и безопасную подготовку кампаний в Атлантическом океане. В секторальном лагере Мажино секторальное наблюдается лишь усиленная работа мелких военных партий. Ожидать каких-либо наступлений на восточный фронт сейчас не приходится. На северном фронте, в Голландии, занятой еще в первые дни войны немскими войсками, идут бои с переменными успехами. Весь север страны оккупирован 18 и 144 германскими корпусами. Десанты, высаженный английскими войсками, успели распространить свое влияние на северозападную часть страны. Наши войска, вместе с союзной пави Бельгией, в настоящее время ведут наступление вдоль северных границ Голландии. О каких-либо крупных боях мфронтальных и не лично чести доложить высшему собранию, так как в настоящее время проявляются некоторые оля на северном участке фронта вдоль голландской границы. По выработанному нами плану, прежде всего, нам нужно достигнуть прочной связи с десантом английских войск. И в тот момент, когда эта связь будет прочно установлена, будут предприняты меры для полного отщепления голландской территории от немецких войск, а затем удар будет направлен на северозапад, к северу Олденбург. — Министры, где наша войска будут дуть германскую границу. По полученным мною отчетным свідченням, этот участок фронта очень слабо защищен и географически дает много преимуществ для наступления. Единственным затруднением, после отщепления голландской территории, для нас является переброска наших механизированных армейских соединений на этот

(Продолжение на 25-й стр.)

БРИДЖЪ и ШАХМАТЫ

ОТГРЫВАНИЕ МАСТИ.

При выполнении контракта очень важно уметь выбрать и сыграть на одной из рук (у разыгрывающего или на стол) какую-нибудь масть, чтобы в дальнейшем снести на нее отдаваемые карты какой-нибудь другой масти с другой руки. Конечно, пытаться отыгрывать следует длящую и сильную масть. Естественно, что необходимо своевременно выбить у противников козырей.

Рассмотрим для простейших примера:

♠ 7 4 2
♥ Д 8 4
♦ 8 4
♣ Т К 6 3 2

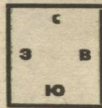
♠ Т Д 6
♥ 10 7 3
♦ 7 5 3 2
♣ Д 9 5

♠ 10 9 3
♥ Т К В 6 2
♦ Т 10 6
♣ 8 4

♠ К В 8 5
♥ 9 5
♦ К Д В 9
♣ В 10 7

♠ К Д 9 6
♥ Д В 4
♦ В 9 8 6
♣ К В

Т
♠ К 10 8 7 2
♥ Т К 5 2
♦ 8 7 4

♠ В 10 8 7 5 3
♥ Т
♦ Д 4
♣ Т 6 5 2

Переговоры:

Сквер: 1 черта

Восток: 2 бейт коз.

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

Запад: 2 пики

Юг: 2 пики

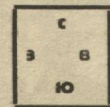
Запад: 2 пики

Юг: 2 пики. На (4) и (5) Юг сыграть с руки Тр.—2 и 5. Теперь с руки следует выйти П—3; стол П—Т и отсюда выйти—отыграв П—10. Запад бьет с П—4 и Юг сыграть с руки третью отдаваемую трэфу Тр.—6. Теперь Юг отдаст Западу лишь 2 пики и контракт выполнен.

ЗАДАЧА № 267.

(Шаффон.)

♠ 10 X X
♥ К Д В X
♦ К X X
♣ Д X X

♠ Д 8 7 X
♥ X X X
♦ Р 1 X X
♣ 1 X X

♠ К В X
♥ Т X X
♦ 10 X X X
♣ Т К X

♠ Т 9 X
♥ X X X X
♦ В X
♣ В 9 X X

1. Каковы должны быть назначения?
2. Как может Юг выполнить контракт «3 без козырей» при атаке Запада Тр.—Х?

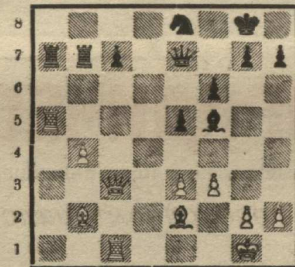
В. КАТЕНЕВ.

Решение задачи № 267 см. на стр. № 26

Замаскированное нападение.

Партия была сыграна на международном турнире в Гарбург 1939 г.

Черные (Земинь): Крg8, Фe7, Лa7, б7, с5, Кe8, Пd1, е3, f6, g7, h7 (11)

Белые: Крg1, Фc3, Лa5, c1, Сb2, e2, Пb4, e3, f3, g4, h1 (11).

Как играть белым?

Решение.

1. Сa6! Этим ходом белые добиваются разрыва обеих черных ладей.

- 1... Аб6. Сравнительно лучше было бы Лa6: 2. Сd4—! Решительный удар. Лa7 потеряна

Решение задачи № 398.

1. f2—f4 e4:f3 (ef) 2. Фh3+ и 3. Кg1—f3 мат
1. (угроза) g4—g3 2. Фe1, и 3. Фg3 мат

Решение задачи № 399.

1. Фg7 и на втором ходу мат

Начальник штаба внимательно прочел ее, затмил полагая на столь и под воздействием взглядами час, поощрения сказал:

— Много тогда, что получено сообщение с юго-восточного участка фронта, что на нем, после долгого затишья, началось большое наступление. По агентурным сведениям, нами уже давно было отмечено факторная опасность на этом участке. Во что вылилось это наступление, еще сейчас трудно определить. Во всяком случае на стыке границ Швейцарии, Франции и Германии у нас возникла возможность германского командования ринуло вперед нас и произвести удар на линии Кольмар, Мюнгаузен и Вельфорт, то оно встретит там соответствующее сопротивление.

(Продолжение следует)

Журнал „Для Вас“
насушенная необходимость
каждой семьи

Внезапный удар

(Продолжение с 22-й стр.)

установки фронта, так как, защищая свою страну, голландское командование открыло шлюзы и затопило низменности. Эта мера в значительной мере способствовала задержке наступления, но в то же время явилась серьезной помехой для наших частей, продвигавшихся на север к Рейну, все время задерживавшихся из-за ужаснейшего состояния путей сообщения. Но и я надюсь, что предприятия нами совместно с голландскими властями в отношении путей сообщения Голландии от германских войск, дадут нам возможность успешно произвести фланговый удар с севера. К тому же, а повторю, единственным препятствием на пути этого наступления будет служить затопление по форсировке реки Эмсе, носят кое, лишь сдерживающей целью города Бреме, перед войсками разбитыся истребители. При удаче наступления крупными войсковыми соединениями возможен обход линии Зигфрида. Если же голландское командование предпримет контр-удар против линии Мажино, то сила этого удара все же будет смягчена из-за угрозы нашего флангового движения. Вот почему наши планы на будущее шесть месяцев.

Я подчеркиваю, на будущее шесть месяцев так как, насколько известно у меня сведения, германское командование не думает предпринимать никаких агрессивных действий на среднем участке фронта.

Если действительно желаете освободиться от похоти преждевременной старости, — от сырых седых волос, то при покупке строго следите за тем, чтобы популярный

NEO SIRMOL

был бы Вам познать гонимую в оригинальной упаковке с защитной эмалью фирмы П. Путиной.

NEO SIRMOL вернет Вам седым волосам только живую окраску, но и выносливость.

Способ употребления при каждом флаконе.

Гарантируем!

(14-е продолжение*)

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА ФУНСА.

Ужасная программа все время ползет, зыбкой перекладываясь глазами из аппарата. Букашки летаю кругами дождя на полу у моих ног. За синей волье уже час стоит новый командующий воздушными силами генерал фон Ритенфельд. Он сменил старика фон Беткова, который после нападения англичан на Форт-Нюрнберг, ушел. Жаль старика, он был совсем не похож на чальничков. Правда, требовательным, заставляющим работать иногда больше, чем следовало, но что делать. Теперь его убрал куда-то в тыл, в главную квартиру, заведывать всей военно-авиационной промышленностью. Я знаю характер фон Беткова. Эта работа не по нему, но старик смирился. Старая школа. Недаром он на службе уже сорок лет, и навроде, авиацию любить больше, чем свою семью и дом. Новый командующий — боевой генерал. Он еще в конце прошлой войны заслужил название «Аса», хотя был совсем еще мальчишкой. По словам его сослуживцев, у генерала приходят иногда в голову замечательные идеи, но почти всегда они связаны с большими рисками. Фон Ритенфельд, же наоборот, не отличается, как и замечать, тем широким кругозором, каким обладал старик Бетков. Он входит во все детали, и мне жаль начальни штаба, обнимающего с ног. Новый командующий требует от него докладов не только о работ отдаленных эскадр, но даже о полетах отдаленных эскадриль. Он сам теперь читает шифрованные телеграммы с участков фронта. Для меня, правда, он легче, не нужно возиться, составляя ежедневные докладные записки, не нужно выуживать из массы деталей главное.

Вот хотя-бы сегодня: целый час генерал стоит за моей спиной, слушая как я с лентой перевожу ему утренний рапорт начальников отдаленных эскадр и доклады авиации забвующих горючим. По временам и слышу за спиной недовольное бурчание, а иногда даже крикливо слово, когда какой-нибудь из полковников не имеет ясно тактическую ошибку или глупость.

Аппарат продолжает выстукивать:

«...командующий южным сектором авиационной группой доносит, что сегодня утром пятьдесят девятого девятая эскадрилья, получившая задание уничтожить прифронтовой аэродром противника, удалось во время воздушного боя заставить сбиться один тяжелый бомбовоз противника. Точка. Взлетев пятнадцать: одного штаб-бонбейра, двух лейтенантов, четырех механиков и радиотелефониста, — переслава в штаб. Точка. Бомбовоз в полном порядке. Точка. Допомо о состоянии горючего...»

— Вот это прекрасно, — услышал я за спиной голос генерала, — великолепно. Майоры, что вы скажете? Видею первый случай, когда летчики заставляют сбиться неприятельский бомбовоз. Это большое достижение. Телефонируйте срочно командующему южным сектором, чтобы он отправил немедленно в распоряжение главного штаба воздушных сил командира эскадрильи, отбавляющего этот подвиг. Я хочу его лично допросить. Интересно. Очень интересно...

Через четыре часа мне пришлось присутствовать при рапорте командира 509 эскадрильи. Так как это был один из самых замечательных за последнее время полетов, а его аэстографировал почти с точностью.

«...В шесть часов утра я получил приказание от командующего южным сектором подняться. Выйдя на поле, я увидел, что под деревьями бомбовоз сбито грузными бомбами и патронами, а экипажи быстро скрывались в рубках машин. Через несколько минут, обходя по аэродрому машинирование сбитых и целых, мы оставили аэродром, взяв направление на барго-срый горизонт фронта. Полет протекал в почти нормальной обстановке. Набрал высоту до сорока тысяч метров, мы пролетели линию фронта в тот момент, когда на горизонте показалось солнце. Бомбардировка пятидесяти аэродромов № 3 и № 4 не дала положительных результатов, так как бомбы среднюю казирку не поразил, так как поражения таких целей. Они не имеют той разрушительной силы, которая бы сметала батареи зенитной артиллерии, защищенной, по моему наблюдению, стальными колпаками. После перелета же позадний лав на встречу поднялись эскадрильи французских средних бомбовозов и истребителей. Во время боя и потерял три

машин. После этого моя эскадрилья полетела несколько назад, и французские бомбовозы опустились над нашей территорией. Во глав флагманского звена нам удалось отбить одну оторвавшуюся машину французскую. Во время одной из атак на ней были подбиты хвостовые и расположенные в крыльях пулеметы. Бомбовоз оказался обездвиженным, и на свой страх и риск предложил командующему воздушным силам по радио сдать и следовать курсом на восток. Чтобы сильнее воздействовать, двинувшись вперед, стали приближаться французские самолеты. Должно быть, видя, что у него не остается другого выхода, французский бомбовоз послушно взял указанный мной курс и под охраной моего звена благополучно спустился на аэродром № 804 в южном секторе фронта».

— Великолепно, капитан, — подымаюсь с кресла и протягивая руку, сказал улыбаясь Ритенфельд. — Вы знаете, взятый в плен бомбовоз дал мне одну замечательную идею, а вы сказали прекрасную идею. Ее только следует разработать, детально разработать. Вы свободны, капитан, можете воспользоваться трехдневным отпуском.

Во время обеда мне удалось слышать разговор между начальником штаба и командующим. Когда было подано кофе и закупили сигары, командующий обратился к начальнику штаба со следующим предложением:

— Генерал, какого вы мнения относительно следующего маленького сюрприза для французского командования. Взятый сегодня в плен бомбовоз является последней моделью. Если мы закажем нашей авиационной промышленности, — ну скажем эскадрилье в двадцать четыре машины подобного типа, снабдив их бомбами и радио-аппаратурой автоматического управления на расстоянии и отправив их в гости к французам.

— Идея не плоха, ваше превосходительство, — ответил начальник штаба, затрясавшись сигарой. — Совсем неплоха. Если бы еще можно было незаметно пропустить ее в тыл и дать ей спикировать над каким-нибудь заводом, который работает над снабжением армии. Получалось бы куда более страшная картина, чем бомбардировка с высоты сорока тысяч метров.

Командующий ничего не ответил, задумчиво смотря в угол.

— Мысль совсем неплоха, — сказал он через несколько минут.

Этот разговор глубоко занял меня в голову. Действительно, идея, поданная генералом, была совсем недурна. В течение нескольких дней я детально разработал эту мысль, и, когда она совсем созрела, то мое решение подтолкнула одна из телеграмм, полученная из главной квартиры.

«...Срочно довести, какие имеются возможности для участия авиации в прорыве, намеченном на 6-ое сентября...»

Выбрав свободное время, я явился с докладом к командующему воздушными силами. Передавая телеграмму штаба, я разрешил себе доложить генералу фон Ритенфельду.

— Ваше превосходительство, я имею смелость доложить вам о зародившейся идее помощи авиации войскам в будущем прорыве.

Командующий поднял на меня удивленные глаза.

— Ваше превосходительство, эта мысль была навеяна мне вами же, а именно, путем создания эскадры бомбовозов, управляемых по радио, которая должна спикировать на вражеской территории. Я несколько уточнил и разработал эту идею, и, если вы пожелаете, ваше превосходительство, по разрешению вручить вам докладную записку.

— Интересно. С удовольствием прочту ее, но сейчас было бы желательно, чтобы в кратких словах вы доложили мне об этом плане.

— Дело в следующем, ваше превосходительство, авиационные заводы изготавливают эскадрильи в двадцать четыре машины, которые являются копиями захваченного нами французского бомбовоза. Он грузится за счет от существующего экипажа бомба не только разрушения, но и глубинными.

— Завязать глубинными? — удивленно спросил генерал.

— Мысль моя, ваше превосходительство, следующая: командующий этой эскадрой, управляемой с аппарата, а не с земли, поднимается вместе с ней и направляет бомбовоз на участок фронта, названный для прорыва. Вместо того, чтобы направить эскадру над какими-ли

будь заводом или аэродромом, командир эскадрильи бросает ее на бетонные форты укреплённой линии противника. Бомбы глубинными и разрывными летят вниз. Разрыв воды делают воронку, в которую рвется глубинная, выводя из строя все подземные укрепления противника. Вот краткий мой мысль.

По мере того, как я говорил, лицо командующего становилось все серьезнее и серьезнее.

— Благодаря вам, майор, от моего имени и имени родины. Ваша идея заслуживает сугубого внимания, и немедленно передаю главной квартире ваш план, который открывает новые возможности для авиации.

— Ваше превосходительство, если вы разрешите, то я прошу бы вас назначить меня командиром будущей ударной эскадрильи.

— Я подумаю, майор. Потрудитесь позвать ко мне начальника штаба.

Через час меня вновь вызвали в кабинет командующего.

— Майор Фунс, мы обсудили вашу докладную записку и нашли, что проведение в жизнь плана, предложенного вами, вполне возможно. Высказанные вами желание стать во глав эскадрильи мною тоже одобрено. Сегодня же без промедления вы откомандировываетесь для подробного доклада главной квартире. Вы принцип она согласна с нашими доводами. Остаются только детали. Начальник штаба вам даст указания и срочный заказ военным. Долой промедленности. Пакет будет заготовлен и послан доклада в главную квартиру вы передаете его непосредственно фон Беткову. Желаю вам удачи. Досвидания.

ЭСКАДРА ВОТАНА.

Мой доклад был внимательно выслушан начальником штаба главной квартиры и вызвал только некоторые сомнения в возможности незамедлительно перелета эскадры бомбовозов под своим управлением через линию фронта. Вероятно, приближения к линии фронта, так как французское командование вело непрерывное наблюдение за полетом и находившимся воздушными силами. На помощь пришел начальник разведывательного отделения штаба армии. Из его слов я понял, что к назначенному дню будут предприняты некоторые шаги. Для этого начальник разведки общался с находящимся в его распоряжении один из французских секретных войск. Когда и это препятствие было уничтожено, я явился к моему бывшему командующему генералу фон Беткову, встретившему меня с большой сердечностью. Передал ему пакет и объяснил на словах цель моего посещения, и долго беседовал с генералом о теоретической работ штаба воздушных сил. Меня удивило бесстрастное мнение генерала относительно моего захватчика; не было ни злобы и ни зависти. Иногда просясь кавалерия. Некоторый из его фраз ублажал меня, что главной виной отстранения фон Беткова от должности командующего воздушными силами были интриги начальника штаба. Разговоры об этом и слышал и раньше, но я придавал им значения, так как работа этих двух генералов проходила у меня на глазах. Но теперь я убедился, что начальник штаба во многих распоряжениях не только вносил много своих поправок, иногда даже отменял их для себя.

Вечером в тот же день и выехал в Майнбург нагруженный пакетами от главного штаба и от генерала фон Беткова. Так как в телеграфный запрос о срочном исполнении заказа, заводу отбытия, что они могут вымогать не раньше пятнадцати дней, то наступление, назначенное на 6-ое сентября, было отложено на 20-е.

Прелесть какой-то древней философии, сказавший: «Иногда случайно брошенное зернышко на хорошую почву дает богатый урожай». Так и идея, случайно слышанная мною за кофе в казино, кажется мне принесет много. Теперь мне часто снится видение погони между офицерами.

Как хорошо несколько летать отдохнуть, забыть фронт. Отдых — чудная полезная вещь.

Первые дни войны почти совсем не отразились на страсти. Развее прибавилось только еще больше военных форм и чувствуется некоторое напряжение в людях, живущих на платформах, в развозах. В куте я внимательно прислушивался к разговорам, — было интересно знать, как относится тыл к реальной борьбе, принятой Германией, и к радости своей а не слышал ли же намека недовольства или неопределенности войны. Слышал напротив меня для, в форм начальника коммунальных жонглировать войска, была полна уверенности.

(Продолжение на 23-й стр.)

*) Начало см. № 37 — 50.

Поэт и поэтесса

(Окончание ст 15-й стр.).

— Баринь, — мнѣ жъ теперь какъ, — можно садиться — сообразительно говорить ямщикъ.
— Теперь садись, — киваетъ на облучокъ Лермонтовъ.

Ямщикъ садится, поспѣшно подбирая вожжи, и понимающе киваетъ Лермонтову головою:

— Сигайте, ваше благородіе, отъ грѣха!

Консулъ Одессы беретъ подъ руку жену, и видъ у него очень суровый и напыщенный, когда онъ говоритъ Лермонтову, не протягивая ему руки:

— Проходите, г-нъ Лермонтовъ!

— До свиданья, м-мъ Адель!.. До свиданья! — грустно глядя на поэтессу поэтъ и, вспоминая о де-Гелль, добавляетъ отчетливо:

— Я къ вашимъ услугамъ, г-нъ Гоммеръ! До свиданья!

И онъ садится въ коляску, и ямщикъ, разомъ перебарывая вожжи, восклицаетъ:

— Но-но!.. Трогай съ Богомъ!

Звякаютъ дѣловитыя бубенчики, лязгаютъ о булыжники подковы... Трогается коляска въ тысячечерный путь!

— Вы ведете себя совершенно неприлично, — долженъ я сказать! — яростно глядя на Адель блѣдный, съ дрожащей челестью, мужъ. — неприлично, да, да!..

— До свиданья, мой поэтъ, до свиданья! — не слушая его, кричитъ вслѣдъ коляскѣ Адель и машетъ платкомъ.

— Яликъ намъ поданъ уже... онъ ждетъ! — хватается е за руку Гоммеръ. — Идемте!

— А какую тамъ контрабанду везетъ Тэтъ-Бу? — зло спрашиваетъ она.

— Никакой!

— Я слышала!

— Тамъ пьютъ какіе-то русскіе полицейскіе чиновники, на берегу... но яхта отъ нихъ безопасна... Идемте!

— А-а!.. Я вспоминала!.. Это — двѣ горныхъ

пушки и двѣсти карабиновъ для адигейцевъ?.. Мнѣ какъ - то говорилъ объ этомъ самъ Тэтъ-Бу!..

— Но вѣдь они подъ англійскими клѣймами... Идите же!

— Пойдите!.. Вотъ тамъ улица подымается въ гору!.. Я еще разъ увижу его!

— Вы ведете себя отвратительно!.. Да, да!.. И онъ... онъ... этотъ мальчишка, — онъ дурно кончитъ!.. Къ чему онъ сказалъ мнѣ: — Я къ вашимъ услугамъ?.. Я вовсе не намѣренъ его вызывать!.. Но онъ... дурно кончитъ, повѣрьте!

— Онъ дурно кончитъ... и... скоро кончитъ! — говоритъ Адель и въ голосъ ея слезы. — Я чувствую... Я чувствую это!.. Онъ гениаленъ, но не для Россіи рожденъ!.. Я чувствую это, какъ женщина и какъ поэтъ!.. Онъ и самъ это знаетъ... онъ такъ и говорилъ мнѣ, что скоро кончитъ... Но вѣдь мы веземъ карабины и пушки его врагамъ! — вдругъ вспоминаетъ она въ ужасѣ. — Вѣдь адигейцы — враги моего поета!.. И мы сами позво-
вемъ ихъ!.. И я, я, значитъ, тоже!.. Если онъ будетъ убитъ на Кавказѣ изъ нашей пушки, — о-о... о-о!.. Тогда я... я уйду отъ васъ навсегда, г-нъ Гоммеръ!

Около нихъ, громко говорящихъ посреди улицы, останавливаются нѣсколько зѣвакъ, и, замѣтивъ это, дергается ея за руку Гоммеръ:

— Хорошо... Только не собирайте же вы толпу своей экзальтацией.

Но видитъ Адель коляску Лермонтова на вагонъ и машетъ платкомъ:

— Вонъ онъ!.. Прощайте! Прощайте! Прощайте!.. Онъ меня замѣтилъ!.. Онъ снялъ фуражку!.. И все!.. Теперь я больше его не увижу!.. Конечно!..

Въ это время раздается третій пушечный выстрѣлъ, и она, потупясь, чтобы скрыть слезы, тихо говоритъ мужу:

— Теперь идемте, г-нъ Гоммеръ!

КОНЕЦЪ.

Внезапный ударъ

(Окончание ст 20-ой стр.).

въ томъ, что въ конечномъ счетѣ Германія выйдетъ побѣдительницей войны. Ея энтузіазмъ и вѣра въ силу нашей арміи невольно вызвала симпатію. Это была настоящая германская женщина, вѣрная долгу и отечеству. Воспользовавшись какою-то ея замчаніемъ, я вступилъ въ разгово-

возьмите на память женщину красивую. А онъ, этотъ наглый и глупый провинціалъ, посмотрѣвъ, что онъ надѣлалъ: принявъ безобразную, отвратительную Корсакову за меня... Взялъ съ собой ея портретъ, увѣренный, что это графиня Кастиліоне!.. Портретъ этой гадины, которую весь дворъ называлъ la femme laide... Да, Клавдія, надо быть мужчиной, чтобы не смѣсшить ничего въ женской красотѣ... Женщина бы не спутала — у женщины есть чутъе и глаза... А мужчины... чего они достойны послѣ этого?.. Я задыхаюсь... Клавдія, дай мнѣ воды... скорѣе, скорѣе...

Я быстро обѣжалъ съ лѣстницы и побрѣлъ къ Оперной площади. Мнѣ жалъ было старушку, и чувствовалъ себя виноватымъ.

«Какъ же я все-таки спуталъ? Неужели у меня такой ужасный вкусъ?» — спрашивалъ я себя съ удивленіемъ. Затѣмъ успокоившись рѣшилъ: воспоминаніе о томъ, что двадцать королей міра, посѣтившихъ всемірную парижскую выставку, предпочли ея, на портретѣ, любой другой женщины, поможетъ графинѣ Кастиліоне забыть наглого журналиста, не сумѣвшего отличить ея, красивую, отъ безобразной Корсаковой!..»

ПЕТРЪ ИНАГРАМЪ.

Музык. инструменты, струны, музык. принадлежности, граммоф. пластинки
Ф-мъ А. Ludzins

Рига, Элизабетскъ іела 77
Почта Рига латвискъ 12

воръ. Оказалось, что мы вѣсѣмъ ѣдемъ въ Магдебургу. Это было, не сиромъ, для меня чрезвычайно приятно. Далеко, оказалось, что фрау Айзеншмидтъ, — вдова, имѣетъ маленькую квартиру и живетъ на пенсію, оставленную мужемъ послѣ смерти и которую выплачиваетъ ей правительство! Кроме того, она начальница вспомогательнаго женскаго отряда противовоздушной обороны, имѣетъ жалованіе и военный паекъ.

Такъ незамѣтно болтая, мы доѣхали до Магдебурга. Два часа, проведенные въ обществѣ этой симпатичной женщины, пролетѣли незаметно. Я былъ удивленъ самъ собой, своему краснорѣчію. Мои рассказы о работѣ штаба, о со- служиванствѣ — были яркими, красочными. Когда мы разсѣивались на перронѣ, я попросилъ разрѣшенія у фрау Айзеншмидтъ навѣстить ее. Она дада согласие. Теперь мнѣ не придется скучать.

Наставивъ же коммандуру и получивъ ордеръ на гос- тиницу, я въ тотъ же вечеръ былъ на заводѣхъ. Сдавъ пакеты и разсказавъ въ общихъ чертахъ заданіе директору заводовъ, я, често голору, первую ночь послѣ открытій военныхъ дѣйствій, спокойно заснулъ.

Потрянувшись дин. Утромъ на заводѣ въ оборонныхъ ма- стерскихъ, въ бѣсѣдахъ съ инженерами, а вечеромъ въ об- ществѣ милой и любезной фрау Айзеншмидтъ. Я начинаю самъ себя все болѣе и болѣе удивляться. Эта женщина съ первой же встрѣчи произвела на меня огромное впе- чатлѣніе. И каждый вечеръ, проведенный съ ней, укрѣп- лялъ во мнѣ это убѣжденіе. Ея квартира — маленькій, уют- ный, пропѣтанный заботой, уютный. Каждая вещь, — са- феточка, коврики, — говорили о любви хозяйки къ своему гнѣздышкѣ. Въ немъ невольно забывался война. И каж- дый разъ, когда я собираюсь уходить, мнѣ не хочется это- го дѣлать. Я бы съ удовольствіемъ навсегда остался около этой веселой, остроумной женщины.

Работа подвигается быстро. Моя эскадра Вогана бу- деть готова раньше срока. Первые опыты съ аппаратами дали блестящіе результаты. И съ быстротходнаго употребле- ния поляны гнѣздыш трекмоторный бомбовозъ на воздухъ и заставлялъ его подлѣтѣть по радио нѣсколько эволюцій. Установившись на бомбовозъ радио-автоматъ работалъ без- укоризненно. Съ однимъ аппаратомъ легко управляться, но каково будетъ съ эскадрой.

На мои описанія, главный заводскій инженеръ улы- бнулся.

— Если вы легко справляетесь, майоръ, съ однимъ ап- паратомъ, то я думаю, не будетъ трудно и съ нѣсколь- кими. Конечно, для этого требуется время, но мы со своей стороны приложимъ всѣ усилія, чтобы вы могли достичь результатовъ, нужныхъ для нашей задачи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дорогіе читатели!

24-го декабря выйдетъ

рождественскій номеръ
журнала „ДЛЯ ВАСЪ“

въ увеличенномъ размѣрѣ 40 страницъ

Въ номерѣ будутъ напечатаны:

ИРИНА САБУРОВА.

Маякъ Золотой Ингридъ (рождествен- ская легенда).

ИЛЛАРИЯ АМФИТЕАТРОВА.

Городская нежить (рождественскій рассказъ).

ИРИНА САБУРОВА.

Снѣжное кружево (рождественская сказка).

ЛЕРИ.

Почтальонъ (рождественскій рассказъ)

КЛОДЪ ХУГТОНЪ.

Человѣкъ, который еще умѣетъ смѣ- яться (рассказъ).

СЪ ПРАЗДНИКОМЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Иллюстрированный очеркъ.

В. НИКОЛАЕВЪ.

Святки (историческій очеркъ).

ВАЛЕНТИНЪ ВІЛЬЯМСЪ.

Прерванный финалъ (рассказъ).

НИК. ЯКОБИ.

Борьба за миръ (историческій репо- ртажъ).

П. ВОЛЬСКІЙ.

Чайковскій и Толстой.

А. К. ПЕРОВЪ.

Блокнотъ риманина.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СТОЛЪ

иллюстрированная статья.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕРЕВЪ

рождественская игра.

МОРИСЪ ПРУТО.

Тайна катасстрофы (рассказъ).

ПОЛЮБНЫЕ КОРСАРЫ.

ЗА СЕМЬ ДНЕЙ.

ВЪ МІРѢ ШЕСТОЙ ЛЕРЖАВЫ.

ОТЛѢЛЪ КРЕСТОСЛОВИЦЪ. БРИДЖА

И ШАХМАТЪ.

Въ номерѣ большое количество иллю- страцій, цвѣтныхъ репродукцій и ориги- нальных снимковъ.

Цѣна 75 сант. Подписчикамъ номеръ будетъ разосланъ безъ особой доплаты, какъ подарокъ къ наступающему Рожде- ству.

Адресъ редакціи и конторы:

Rīga, Latvija (Lettonie), Lāčplēša ielā 15, dz. 128

(16-е продолжение*).

Д. 143 ГОВОРИТ.

Восемнадцатый коридор подземной ставки штаба союзных армий охранялся особенно строго. Кроме обычных вышек надписей, перед входом, над которыми стоял надпись, что доступ посторонним воспрещен, часовой никого без предъявления особого пропуска, подписанного начальником штаба, не подпускал к железной решетке, вечно опущенной. Эти строгости были введены полк Дюпре, начальником военной разведки, с самого начала открытия военных действий. В коридоре № 18 помещался один из главных нервов штаба — военная разведка. В том же коридоре, в двадцати комнатах находилась собственная радио-станция, шифровальное отделение, связанное особым способом непосредственно со штабными начальниками штаба, и бесчисленные телефонные линии, о назначениях которых знал всего лишь несколько офицеров, непосредственных помощников полковника Дюпре, и он сам. Эти телефонные линии связывали все крупные города Франции и Англии через центральную станцию Интеллигенции — Сервис.

Если в оперативном отделе штаба ни на минуту не затихала лихорадочная деятельность, то в контуре — разведки день и ночь жизни были ключом. Полк Дюпре получал беспрестанно кучи радио-телеграмм от своих агентов. Располагаясь в одной из комнат специальной станции передвигался разговоры вражеских станций, десетки офицеров ломали голову над их расшифровкой. Особая станция, работающая на ультра-коротких волнах, служила связью для полка Дюпре со его агентами, разбросанными по всей территории противника.

В ночь с 18 на 19 сентября дежурный радио-телеграфист ультра-короткой станции принял уже достояние телеграмм. Ни одна из них не представляла собой никакого существенного интереса. Так, во всяком случае, казалось дежурному. Он машинально отбился на запрос условным сигналом и принимал иногда совершенно на первый взгляд бессвязный фразы, иногда неизвестный корреспондент начинал диктовать бесконечное количество цифр. Полк Дюпре несколько раз в течение вечера заходил на станцию и спрашивал у офицера разведки, не было ли сообщений от Д. 143, который долгое время почему-то молчал.

— Странно, капитан, — сказал полковник, закуря сигарету. — Д. 143 был всегда весьма аккуратен, но вот с некоторого времени, приблизительно два недели тому назад, от него пришло только короткое сообщение о том, что пока никаких новостей нет.

Скажу откровенно, меня это немного беспокоит и в то же время смущает. Вы, капитан, знаете, его шифр. Поэтому, если в сегодняшнюю ночь будет что-нибудь новенькое, то прошу вас немедленно сообщить мне об этом. Мне кажется подозрительным то, что личный назначенное мне наступление на 6 сентября отложено. Не готовит ли она какой-нибудь пакости? Хотя все говорит за то, что особой гадости они предпринять не могут, тем не менее мне приняты меры. Впрочем, если — бы было что-нибудь новое, то безусловно 3.48 сообщит — бы. Но его последние донесения, полученные, правда, восточном, говорят об отходе немцев и отводе резервов с главного сектора. Донесения Д. 143 особенно ценны тем, что ему до сих пор почти всегда удавалось получать самые достоверные сведения.

— Меня тоже удручает, полковник, молчание. На сколько раньше Д. 143 был регулярен в своих донесениях, настолько теперь его станция молчит.

— Есть все же что-нибудь новое? — спросил полковник.

— Сводка донесений от шести до десяти мало интересна. Никто из сведений не извлекло сектора о передвижении итальянских войск на сторону правых Швейцарии. Два-три донесения из Гамбура о выходе из Вильгельмсафена трех подводных лодок, — вот это и все. Мало направлена копия на меня и в оперативное отделение штаба. Если будет что-нибудь новое, то немедленно — же сообщу.

Полк Дюпре устал поднялся со стула.

— Я буду ждать, капитан, — сказал он, выходя из комнаты.

Прошел час. Капитан расшифровал поступившие радио-телеграммы и стал составлять поучительный сводку, когда его работу неожиданно прервала гостья.

— Господин капитан, адъютант Дюпре просит вам передать, что есть помысли Д. 143.

Капитан быстро поднялся и прошепел в соседнюю комнату.

— Что нового, Дюпре?

Вместо ответа создать, с наивными адъютанта, не отрываясь от наушников, протянул ему блокнот. Капитан прочел:

«Говорит Д. 143. Д. 143. Наступление готовится к двадцатому. Эскадра двадцать четыре бомбовоза. Участок неизвестен. Радио-пилоты».

Оторвавшись от листа, капитан удивленно посмотрел на радио-телеграфиста.

— В чем дело? — спросил он раздраженно.

Радио-телеграфист передал наушники помощнику, и, повернув голову, отыскал:

— Я сам ничего не понимаю, господин капитан, передача была какой-то сумбурной. Но приказание полковника Дюпре, и как только были услышаны помысли Д. 143, стал расшифровывать передачу со слуха. Мне кажется, что я не допустил ошибок.

Провзвав расшифровку адъютанта Дюпре, капитан устыдился, что утерся — офицер не ошибся. В телеграмме было много неточностей и каких-то обрывков фраз. По ее нервному стилю чувствовалось, что агенту это — то мешает или он чрезвычайно торопится.

Переписав телеграмму, капитан вызвал полк Дюпре.

— Алло. Говорит капитан... Да, господин полковник, только — что получила радио-телеграмма. Прикажете прочесть. Слушаюсь. Ожидая.

Через пять минут полк Дюпре был в кабинете капитана.

— Слава Богу, — сказал он, входя. — Наконец-то откликнулся Д. 143.

— Увы, господин полковник, его телеграмма полна неточностей.

— Показите.

Полковник пробежал по написанному бланку и спросил:

— Расшифровка точна?

— Так точно. Много прозвона.

— Первая фраза понятна. Но вторая. Что должно значить 24 бомбовоза? — задумчиво сказал Дюпре.

— Что значить радио-пилоты?

— Я так же думаю об этом, господин полковник, — отыскал капитан.

— Если предположить, что перед наступлением немцы произведут бомбардировку участка с эскадрией, управляемой по радио, то...

— То они не достигнут никакого результата. Зенитная батарея снимет бомбовозы раньше, чем они успеют сбросить бомбы. Нет, тут что-то другое. Тут какая-то ловушка. Но какая?

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА ФУНКА.

Эскадра Вотава благополучно сизилась в прифронтовой подземный аэродром № 408. От генерала фон Риттенфельда я получал еще вчера все необходимые приказания.

Завтра разбитой будет дана фальшивая радио-телеграмма о возвращении французской 84-й эскадрией бомбовозов, уничтоженной сегодня вечером нашими зенитными батареями на северном участке линии Зигфрида. На флагманском корабле, в разбитом нутряном столбе, был найден секретный код. Вот мы — то и воспользуемся разведкой. А я, чтобы замаскировать бомбовозов, должен из их крыльев и фюзеляжей нарисовать отвлеченные знаки, которые приняты во французской армии. Теперь уже мне известно, что меня перебрасывают на самый южный участок фронта. Приблизив к штабу к генералу фон Риттенфельду, я имел с ним беседу. Оказывается, на этом участке фронта нами уже давно готовились наступление, и моя задача будет состоять лишь в том, чтобы нанести удар, который довершит работу артиллерии. Мой планить к генералу был вызван еще тем, что мне хотелось лишний раз получить детальное разъяснение, какими образом мне удастся проследить через батарею зенитных батарей. Оказывается, на этом участке фронта уже несколько раз делались разведочные полеты и, как это ни странно, вся противоборствующая оборона и французские отступают глубоко в тыл и защищаются лишь крупными города. В прифронтовой полосе оставлены лишь тяжелые пулеметы и несколько зенитных батарей, которые по приказу генерала, будут долго подавлены

огнем артиллерии во время подготовки наступления. К тому же тот участок фронта, почти на протяжении сорока километров, не имеет никаких брешей в броне. Эскадрией Вотава именно на эти участки, которые защищены бронежными брешами. Внимательно рассмотрев агентурную карту юго-восточного фронта, генерал лично наметил мне точки поражения. Задача состоит в том, чтобы я принуждал буду направлять каждый отдельный бомбовоз моей эскадри Вотава в определенную точку.

Спрашивается — ли и с этой задачей? До последнего времени я практиковался на снижении дальнобойности, а теперь приказание генерала разрабатывает мою задачу.

Но статистика определенно убавляет мне. Из разговора я понял, что в моем распоряжении находится еще не меньше хвост около двух недель, и поэтому, высказываясь категорически с моим сомнением генералу, я получил разрешение от него продолжать тренировки, но уже в прифронтовой полосе. Также отношение генерала меня чрезвычайно тронуло. Я уверен, что мне удастся с честью выполнить трудное и серьезное задание.

ЛЮДИ СЬ КРАСНЫМИ ПЕТЛИЦАМИ.

В конце сентября в расположении баварского корпуса появились незнакомые люди. У большинства из них была армия красная артиллерийская петлица на фуражке и такие же запыленные на фуражках с подбитыми садами полками, так как странники в боевой обстановке. Артиллеристы бродили повсюду — в передовых караулах, в окопах, в пунктах, в бетонированных грядках и в различных тыловых пунктах. Они привели с собой карты, планы, схемы, какие-то таблицы. Они оставались равнодушными и не принимали никакого участия в жизни и случайной полк, ресторан, которая ведется обычно в периоды так называемого затишья, а на итало-французском фронте оно прочно установлено. Противники как бы сговорились не доставлять друг другу много огорчений. У постороннего наблюдателя создавалось впечатление, что французы и итальянцы решили стоять поодиночке месяцами друг против друга, основательно окопавшись, уйдя глубоко в землю, спрятавшись в блиндажи, землянки, ямы и норы. Впередычки юрой поспешались:

— Французам так же хочется сражаться, как... — дальше мне крикнуло впечатление, которое так любит не брать солдат в окопах от нечего делать.

Но люди с красными петлицами вели себя безразлично. Они внимательно и подробно рассматривали в бинокль и трубу визитные позиции французов. Все замеченное ими заносилось в карты и планы: ход сообщения, пушечное гнездо, дерево, куст, блиндаж или остатки какого-либо строения, чудом уцелевшего после ураганного огня итальянских артиллерий в первом же бою, когда французы пытались провалить фронт. Самые интересные участки они велись фотографировать. Тщательным образом обшарив эти люди и весь район расположения своих войск. Изучали уже без того знакомые дороги, возвышенности, пропасти и скалы.

Первые четыре дня артиллеристы обходили местность всей группой. Потом они разделились, разбавились, разстелились в местностях, среди скал, бурных, кустарников и лесов. По незамысловатым, скрытым от посторонних взоров, работ продолжалась. То одного, то другого из них можно было случайно видеть в самых неожиданных местах. То стояли с биноклем в руках на далекой скале в тылу, то сидели на дереве у опушки леса, то лежали на крыше домика, уцелевшего, каким-то чудом, на передовой полосе фронта.

Вот они разглядывали в бинокль район расположения противника, отбавляя на своем планшете, но какое-то участие не вдали артиллеристу с его пункта наблюдения. Он открывался из на крыльях продольных и поперечных полосами. На планшете появлялись густо заштрихованные площадки, неправильной формы, темные, как на прозрачной плочке.

На артиллерийском языке это называется «защитная линия видимости». Значит нужно искать новое место, чтобы отсюда опять открывалась видимость...

То там, то здесь, артиллеристы — разведчики вбивают в землю небольшие колышки, на колышках черной краской нарисованы различные номера...

Продолжение статьи...

(17-се продолжение*).

Если собрать воедино все, что видели артиллеристы — разбавились с разнородных пунктов, то получится примерно такая картина французских позиций:

Справа, на высоте «272», построено сильное укрепление в виде редута. Ближе к середине местность понижается и переходит в глубокий, большой овраг, прозванный солдатами «горлом волчицы». Еще дальше стоит одинокое с сорванной верхушкой дерево. Около него ясно видны бляхи рогатки, поставленные перед окопами французам. На них висят консервные коробки и какие-то тряпки. Здесь начинается тот самый «язык», который так интересовал начальника артиллерии. За рядом колючих провололок, заграждений отчетливо видны развалины форм, доисторических построек и продольные и поперечные ходы сообщений между окопами.

Слева, как раз у основания «языка», темным пятном на светлом неспешно скатывается сбитый блиндаж. Потом позиция плавно ровной линией, то поднимаясь, то сбывая по высотам, желтым окопами, террасируясь скалами — бетонными блиндажами, оцепеневшими в нескольких тяжелых пулеметах. Совсем на левом фланге темным силуэтом видна гора, которую солдаты называли «Амсон» — одно из сильнейших укреплений противника.

Такова картина французских позиций предстала перед начальником итальянской артиллерии ударной группы, когда он ознакомился с картами артиллеристов.

В ШТАБЕ АРТИЛЛЕРИИ.

Жуткий бровастый, с волосами, подернутыми серебристыми пятнами седины, с орыными профилем, тонкими красными губами губами и полными подбородком, генерал Аморео Луизиан сидит за грубо сколоченным столом в блиндаже, за деревенской, разбитой артиллерийской орудием. Всего пять километров отделяло штаб ударной группы от передовых позиций.

Было уже поздний вечер. Светло-желтое пятно тускло горевшей электрической лампы придало кобальтовое, когда блиндаж разрывался тяжелой французской снарядом. В открытую дверь порой задувал вечерний ветер. Начальник артиллерии откинулся на табуретку за стеньку и усталое лицо, перед которыми, как в калейдоскопе, мелькали карты, планы, черные линии позиций, зачерченные места будущих районов поражения.

— Удара должен быть нанесен в то место, где обрывается позиция противника «язык», — промолвил он вслух, вновь склонившись к бумагам, разложенным на столе. — Безусловно здесь, — продолжал он думать вслух. В этом месте наша линия будет наиболее сграждена от флангового огня, так как, строго говоря, флангов здесь и нет.

Генерал провел на плане местности четыре жирных линии. Этих он разделил фронт на три участка: два — восторженных по бокам, и один — главный — в середине против самого «языка».

Начальник артиллерии углубился в математические расчеты, испирав цифрами несколько страниц, он положил наконец карандаш и удовлетворенно вздохнул. Он наметил особую. На обоих восторженных участках будут расположены по 150 орудий. Эта артиллерия должна только поддерживать действия средней группы и в первый период боя мешать противнику подступать к месту главного удара своим силами с соседних позиций. Против самого же «языка» надо будет сосредоточить 350 остальных орудий. Таким образом на коротком участке — три километра — должна действовать огромная масса артиллерии, приблизительно на каждые шесть метров орудие.

— Это считается с лица земли совершеннолетие. — Опять громко сказал генерал.

Сидевший в углу псалом молча покосился в его сторону...

ДОПРОС ПЕРЕБЕЖЧИКА.

В штаб пришел перебежчик. Здесь уже было много народа, когда вошел начальник артиллерии. Все с любопытством разглядывали худого, чернявого солдата в голубом чулке мундира. Они стояли среди комнат, худой, с пугающими ногами и безумным лицом. Он смотрел на всех испуганными глазами. Когда начался допрос, перебежчик чрезвычайно обрадовался и с большой охотой отвечал на вопросы.

Он итальянец, семья которого уже давно осела во Франции. Служить в первой роты 4-го полка альпийских стрелков. Зовут его Починелла. Альберто Починелла

Его часть стоит недалеко от Лисой горы. Он бегал с полевого караула. Сколько их всего, — он не знает. Сгодать много, в тылу от видны колоннальные войска.

— Спросите, где у них стоят батареи, — сказал начальник артиллерии.

У перебежчика вновь сдвинулось испуганное лицо. Он этого не знает. Итальянские слова вперемежку с французскими неукротимыми пестками полились с его губ. Он боялся, чтобы его не заподозрили в том, что он скрывает что-то.

— Хоть, правда, — вновь быстро заговорил солдат в голубом мундире, — я вспоминаю, вспоминаю, недавно мне пришлось бегать со своим командиром в штаб, около четырех километров от позиции, там, вдоль дороги как раз, где есть два горных ручья устанавливали орудия.

Начальник артиллерии записал что-то в своем блокноте.

— Как укреплена позиция? — спросил он.

Перебежчик оживился. Здесь он может блеснуть своими знаниями. Им будут довольны эти люди, одетые в строгие френчи, с познанными петлицами и голубыми перемычками, с узкими яркими орденовыми ленточками на левой стороне груди.

— Позиция состоит из трех укреплений линий. Вторая там, где стоят наши канюшари и кухни, в штаб она шла от первой, а дальше, мы несколько раз приходилось ходить в полковой казарме, у меня была диспетчер от воды, всего в пятьдесят шагов от первой, это третья. Первая линия идет сначала одним окопом, а за ним, на расстоянии десяти шагов, еще окоп, там у нас блиндажи.

— Какой глубины окопы? — спросил начальник артиллерии.

— Полтора метра будет. Мне вот так, — и перебежчик указал на подбородок. — А потом еще бустер, — солдат провел заднюю над своей головой. — У второй линии они больше метра.

Духирусная оборона, записал начальник артиллерии в своем блокноте.

Штабной офицер продолжал допрос. Перебежчик подробно описывал позиции своих войск. Перелет первой линии построены искусственные препятствия: полтора проволочных заграждений из восьми рядов колючей проволоки, по которой пулецы связаны электрической токой, далее, много полчищ из минированных поле с лаской из толстых срубленных деревьев, перелетней вырыты окопы для полчищ караулов, запертые, ние в своем очередь четырьмя рядами колючей проволоки. С караулов почти ходят сообщения, прорытый путь проволочной первой линии.

— Да, придется нам, артиллеристам, основательно поработать, — думал начальник артиллерии, возвращаясь домой.

РАБОТА КРОТОВ.

По ночам начали работать саперные команды, которые в шутку называли кротами. Люди с черными пятнами обжались на это название. Иногда, божье темпераментные из них, кидались драться с наемниками. Саперы приходили на те места, где артиллеристы разбавили вблизи свои козачки с померами.

Они пробирались из этих местам, проывая в землю специальные ходы. Затыли рыли узкие глубокие ямы, в которых могли укрыться несколько человек, укрепили стены из бревен, мшиками с землей, настелили сверху доски и забрасывали потом их землей, маскировали дерном или ветками. Все это делалось с величайшей осторожностью. Особая жандармерия команды при командирском управлении штаба, сдвинула за работами. Она заперла ходы поверх этих ходов, развела огонь, скрывала материал для построек открыто в кучи. И как только начинало рассветать небо, работы прекращались.

Через несколько дней наблюдательные пункты были готовы. Птицей стило раскинулись они по всей местности, передние, боковые, задние. Пункты для командиров батарей, дивизионов, бригад, для командиров артиллерийских групп, для начальника артиллерии и его помощников. С этого дня началась «охота».

На пункты пришли снова люди с красными петлицами, вооруженные биноклями, стереотрубами, лопатками перископами. Они день и ночь, час за часом, минута за минутой следили за противником, старались «поймать» его по плану пулеметных гнезд, наблюдательных пунктов, батарей.

Пункт № 1, помеченный на карте начальником артиллерии, помещался на склоне высокого холма, на левом фланге позиции. Чтобы пробраться туда, надо было пройти почти до его вершины густым кустарником. Далее шла узкая осыпь, который переходил в земляной коридор, приводил в самый наблюдательный пункт. Артиллеристы устроились здесь с некоторым комфортом, — в вырытой полукруглой землянке, сидело пять человек, на полу накинута срубленная ветка, на отбитой от какого-то сарая широкой двери, сладко спав, заперевшись в плас офицера, другой сидел на табуретке и записывал что-то в полевою книжку, раскрытую на козлах.

В одной из стоек землянки шла узкая поперечная бойница. У нее стоял третий наблюдатель и внимательно смотрел по сторонам. Отсюда была хорошо видна Лисая гора, разрушенная ферма и ошунка расположенного между ними дна.

— Опять здесь, — сказал артиллерист, стоящий у бойницы.

— Где? — спросил тот, который сидел на табуретке.

— На Лисой, — ответил первый.

Сидевший на табуретке, взглянув за часы и сдвинул запис в полевою книжку. Потом встал и, взяв бинокль, начал наблюдать.

Несколько дней тому назад в журнал наблюдений было помещено короткое сообщение о появлении в подгорной буре, который находился на Лисой гора, нежного прастей установивших там рогаток. Ровно в 11 час. утра начала стрелять неизвестная батарея.

И теперь наблюдатель не вынул из поля зрения этого бугра. Они заметили, что пока стреляла батарея, из-за бугра на Лисой гора все время высматривал офицер с биноклем. Когда батарея skoзла, он исчез. В семь часов вечера из блиндажа на бугре вышел человек и стал ползти по земле, а потом скрылся за горой. Очевидно, это был телефонист, проверявший провод.

Все это наблюдатель записал в журнал. Она стала с увлечением внимательно следить за бугром. На следующий день, в полдень десятого утра, в блиндаже явился офицер, в руках он держал какую-то папку, блестящую на солнце. Офицер этот через десять минут ушел, а еще через десять минут опять начал стрелять та же неизвестная батарея, и опять из-за бугра выглянула фигура.

На рассвет третьего дня, наблюдатель отложил, что бугор увеличился почти вдвое, и от него потянулись ходы сообщения на гору. Было видно, как работали французские саперы. Они углубляли ходы и выбрасывали землю.

А вот теперь опять, неосторожно вылез офицер и, поковыряв немного в земле, скрылся. Наблюдатель подошел к бугру и начал смотреть. Вдруг, се внезапно замкнуло, сдвинуло и внутри и в красном наблюдательном был неосторожно широкий кругозор. Теперь уже не оставалось сомнений, что француз устроил здесь настоящий наблюдательный пункт.

Все это по самым подробностям было занесено в артиллерийском журнале наблюдений. Но не только это удалось заметить итальянским артиллеристам с пункта № 1. По записям в журнал, начальник артиллерии знал, что в те же дни уже удалось обнаружить французскую батарею восточнее разбитой фермы. Она спряталась по ближнему выстрелам, которые появились между оставшейся глубиной фермы и развалинами колючей, когда батарея стреляла по итальянским окопам. А затем наблюдатель увидел однажды, как за костолом установили трактор с земляными вилками и солдаты носили патроны на батарею.

Точно так же они обнаружили и батарею на опушке леса и около дома с укреплении остатками старой черепичной крыши. Как раз там, где вилками проходила разбитое итальянскими снарядами шоссе. Как раз около густой обложки, оставшихся от погибшего разбитой артиллерии итальянского трехмоторного бомбовоза.

Так, постепенно перед начальником артиллерии раскрывалась батарея противника, по которым будет сосредоточен огонь во время атаки. Десятки неизвестных, скрывающихся вблизи с каждым движением врага, за каждым его движением, дошли малюшки его окрестности.

(Продолжение след.)

(18-е продолжение).

ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО ВНЕЗАПНОГО УДАРА.

Сквозили и хлопали двери. Жалобно стояли плашки нарядов, под тяжестью грубых сапог. Приходили в уродливой форме, солдаты связи, им нужно было получить схему телефонных пунктов, топографы с вычерченными планами неприятельских позиций. Приходили начальники уларных групп, требовали указаний, больше орудий, больше снарядов, всего больше. Приходили командиры дивизионов и батальонов, и с ними нужно было fixать на доверительную рукопись. Приходили летчики - наблюдатели со списками, приносили покрытые латками облаков фототрические крохи, сфальсифицированные с аэропланов. Приходили ланцеры - наблюдатели с прищипанными кобелями. Иногда приходили крестьяне, агенты разведки. На картах показались квадраты: альпийская суровая джунгли, территориями войск, казальская джунгли, колониальная джунгли. Все это появилось на штабных картах после докладов агентов разведки.

Теперь французские позиции предстали перед началом артиллерии, как на заднем. Все было ясно. Все основные укрепленья, все наиболее важные артиллерийские точки, сопоставления, связи и управления, всевозможные пункты противника из тыла из породистой джунгли, все теперь сложилось в одну стройную картину. Результаты исследований несли кропотливой, напряженной работы, огромного количества людей, самых разнообразных военных специальностей, лежал теперь на столе, собранный и концентрированный в немногие карты, схемы и абзацы.

ВЕСЕЛАЯ ИГРА.

Если бы какой-нибудь сторонний наблюдатель вошел в середину сентября на начальную артиллерию, он бы подумал, что люди, собравшиеся у него, увлечены всякой интересной, захватывающей игрой. За столом сидят помощники штаба, начальники групп, ближайшие помощники начальника артиллерии. Перед ними лежат планы неприятельских позиций, вычерченные в большинстве масштаба.

— Я предлагаю, — говорит маленький, толстый полковник, с синими, от только что побитой бороды, щеками. Ему было поручено командование средней группой. — Я предлагаю ланцу дивизиону 84 бригады в начале первого боя обстреливать окопы противника. Пусть эта батарея будет стрелять по самым рогаткам. Очень удобно: огонь получается совсем косой, — полковник проведет пунтиром линию, которая показала, что снаряды будут взрываться в окопах противника. — Огонь других батарей этой бригады раздается по другую сторону «языка», — полковник ткнул пальцем в синий блиндаж. — Во второй период боя этот дивизион перенесет свой огонь в тыл противника. Он захватывает совсем обширный весь сектор, от ручья до формы, — полковник провел на плане дуг жарыя линии, обозначающая сектор обстрела.

Свой генерал, командующий правой группой, с большой пылкостью для своих лет, привнес возражать на заявление полковника, доказывая, что его орудия должны быть в первый период боя по хорошо укреплённому рогатку на вершине «272», а во второй — по району, где стоит ерванное сарафанное дерево, так как несомненно отсюда будут подходить подкрепления противника.

Генерал с увлечением чертил на плане синими карандашами и горячо доказывал, как будет подходить противник по шоссе в форму, и как его останавливать огонь его бригады, и как французам обращаться в близости...

— Убрав вас, у меня есть опыт абиссинской и по-африканской войны. Вот, если я открываю огонь по этому дуге, то куда может даться противник, куда? Одно орудие на правый, одно на удар...

Искор палец стал ходить на неструе, разнотипную картину, с множеством различных условий значков, крестиков, точек и жирных линий, в сложной паузе которых сторонний наблюдатель уже ничего не мог понять.

Но начальник артиллерии превосходно разобрался в этой таинственной паузе.

Для него была стройная «схема» участие обстрела отдаленных батарей. Но ведь он сразу видел, что огонь почти всех орудий был направлен по косяк линии из неприятельских окопов, что сектора обстрела, как и предполагал, ложился один на другой, что сплетались в просторных хвосты в неприятельской позиции не было. Все было хорошо.

Но надо было убедиться, что одна батарея не мешала другим. Надо было, по возможности, выполнить пожелание штаба о том, где именно проходили в проволоку и какие батареи и пулеметы гледи противника сабду. от подвоя в первую очередь.

Надо было согласовать действия отдаленных групп и выработать план выдвигания батарей с началом атаки.

Долго продолжалась еще эта своеобразная «игра» на карту которой ставилось не деньги и не малый азарт, а огромной человеческой усталости, десятки тысяч людских жизней, военная слава и честь германско-итальянской армии.

ПОДГОТОВКА УДАРА.

Но где же были те батареи, те орудия, огонь которых так резко и значительно распределял начальники артиллерии и его помощники?

А их еще не было. Большинство их стояло еще в глубоком тылу, в стороне от дороги, скрываясь в лесах и рощах, вместе с артиллерийскими парками и обозами.

Они были так искусно замаскированы, что только очень внимательный и любознательный глаз на десять метров мог отличить из густой зелени орудия, покрытые чехлами, или дивизионных, дремавших на передках, почти сплошь представляющих собой еловые кусты. В каждую линию колеса, в каждую щель была втиснута еловая ветка. А дальше, покрытые сетками, утыканными также еловыми ветками, стояли тракторы, тягачи, грузовые автомобили. В ложбинках, пыльников покрытых ветвистыми по верхушкам деревей сетками, у коловей стояли расфасованные снаряды, легкие перевернутые ящики.

Давно уже были замечены артиллерийские позиции и занесены все на карты и планы, как которыми много ночей провали чертешки, с коротко стриженными, а иногда и бритыми, головами. Они тщательно вычерчивали каждый штрих, полосу, полосу, полосу карандашом на сопоставлении и начальники артиллерии.

Уже давно были оборудованы и тщательно замаскированы места для орудий.

Уже давно были вырыты углубления для зарядных ящиков, особые тщательно укреплённые погреба для запасов снарядов, сданы ровики и землянки, перестроены небольшие здания, чтобы избежать для артиллерийской связи и командиров.

Уже давно телефонисты соединили всевозможные линии проводов с наблюдательными пунктами, местами пребывания начальников, с центральными телефонными станциями, с передовыми окопами пехотных частей.

Уже давно в помощь устаревшим телефонным были установлены переносные радио-телефонные станции, которые работали в несколько раз лучше своих худших маленьких джунгли, но в своих секретности не только противника, но и своих союзников.

Уже много раз командиры батальонов и артиллерийских дивизионов вызвали на позиции. Они опаздывали с помощью углублений и дальновидных приборов встали в пещи и дистанции на пути. Они посчитывали за тем основными источниками данных для открытия огня и даже пометили на развешенные снаряды.

А все же большинство артиллерийских позиций оставалось полуживыми пустынями.

Начальники артиллерии не торопились сразу концентрировать массу орудий на своем направлении, чтобы они видели противнику план внезапного удара.

Пить, пить! Ничто не должно было хотя бы дать намек врагу на сосредоточение войск в намеченном для удара районе.

Чтобы еще больше замаскировать место удара, командование секторов сдвинуло демонстративное передислоцирование частей в тыл.

Отнаки упорно неприятельские летчики были пожеланы, увидеть, что на востоке от печальных позиций по-прежнему джунгли, поляны автомобилей. Об этом нечего было сообщено в штаб Базанов. По приказанию начальника авиации вылетели эскадрильи бомбовозов, чтобы работать пометившиеся германско-итальянские командования части боями.

Над уюкой, камуфляж летящий, полетом шоссе с черными — автомобилями, такой она была втап пилоты бомбовозов, разразился настоящий воздушный бой. Германские истребители, как коршуны, падали на жалкие французские бомбовозы. Французские истребители с их маленькими на фоне разнотипных джунгли дождь бросались спасать своих боевых товарищей.

То пасадая, то отступая, французам пытались сменить виденье от жерла зенитных батарей, в то время как бомбовозы, пикируя на скорости 450 километров в час, снижались к земле и забрасывали бомбами шоссе.

Наблюдателям было видно, как разрывы вздымали длинные пламя взрывавшейся земли, среди которых маленькие черными точками выплывали части разбитых автомобилей, летели вверх колеса, груды шесток, раскаты, вая руки и ноги летками поднимались человеческие тела и казалось, что когда они падали, то в ушах наблюдателей раздавался матовый удар о землю этих мертвых, взрывающихся бомбам тела.

Бой продолжался всего лишь несколько минут, но тысячу людей, которые были в автомобилях, правда, не грузили, лишь войсками, а лусиных, казалось, что они дались втапу втапу.

Наконец, германскими и итальянскими летчиками удалось отогнать бомбовозов, разбить их. Несколько горящих машин, оставаясь длинные черные хвосты дыма, падали куда-то за холмы. От них отблещали черные точки, над которыми через несколько секунд раскрывались белые зонтики парашютов. Это летчики, спасая свою жизнь, оставили на произвол судьбы горящие машины.

Но дым была достигнута. У французского командования должно было создаться впечатление по-прежнему удачной бомбардировки перебрасываемых частей, а в действительности, вполне способной за судьбу участка, который благодаря переброске частей, ни в коем случае, не мог служить ареной какого-либо провала или атаки.

Успокоив пылившие противника, на передовых линиях итальянских войск, началась кинувшая, но исключительно почная работа. На ночь впопыха дороги, ведущие с тыла на передовые позиции фронта, закрывались для всякого движения.

По другим дорогам джунгли разбрасывались провешивать только одиночные автомобили или велосипеды, а войсковые части не больше чем в десять человек — и то на дистанции не меньше двухсот шагов друг от друга.

Многие батареи, особенно тяжелые, были подвезены к фронту и поставлены на свои позиции лишь за сутки до начала боя. Для того, чтобы любопытный объект фотографии аппарата летчика наблюдателя французам не попал в поле зрения передовых частей, последние тщательно уничтожались. На дорогах, оставленных глупыми, танками и автомобилями со снарядами, пасылась земля. Они иногда закладывались себе ерванным керосин, который приносился из близлежащего леса.

Французские летчики, каждый день появлялись над расположенными германско-итальянскими войсками не забывали выискивать приоткрытые в крупных осадниках.

Они видели под собой уже надобную за несколько мгновений ошорообразную «табуку» картину тыла.

Ни в Базанов, ни в штаб французских войск не поговаривали ни о той гигантской разнотипной работе, которая шла при величайшей секретности в глубоком тылу и на передовых позициях противника, ни о той аварии, которая накопилась на маленьком секторе фронта, чтобы лететь огнем крошечным, внезапным ударом обрушиться сразу на голову врага.

Во время одного из полетов французский наблюдательный аэроплан вернулся с разбитой и, красноречивую силуэту им, фотографическую пленку, удивил ее начал джунгли штаба.

На сферической поверхности спанка, через лупу, были обнаружены в совершенно неожиданных местах как-то темные точки, которые своим контуром напоминали батареи.

— Смотрите, полковник, — указывая тонким пинцем — говорит начальник штаба, вой им в кадре, — кажется, противник поставил несколько новых батарей. Нужно сейчас же отдать распоряжение пинцем артиллеристам, чтобы они немедленно пинцем о том, что в пинципную войну нельзя быть легкомысленными и пропустить масклинку.

После нескольких часов после этого распоряжения с джунгли французам со спанком и протоком полетели тяжелые снаряды. Как огненные пинцы они разрывали плотный осенний воздух, глухо ударяясь в землю, вызывая вверх десятки тонн земли и выпрыгивая огромные воронки. Они почти с математической точностью ложались около тех темных точек, которые с чрезвычайной точностью схватили фотографический объектив летчика.

(Продолжение следует)

(19-е продолжение).

Венбардировка продолжалась несколько часов. На нас очень много, как бы пехоты, отбывали бата. рию противника.

Но напрасно тратили французы снаряды. Ты темпы точки, по которым они били, были лишь только крупная тогстая броне на подставках, которые с высоты в че- тырех тысяч метрах безусловно должны были запечат- ляться на фотографическом снимке как артиллерийские батареи.

Но не только много было работы начальнику артилле- рии в подготовке внезапного удара. Армейские штабы та- же лжорачно работали, постепенно подтачивая на круп- ными соединениями танковых части и пехоты.

Успешная ночная работа пехоты. Итальянцы все ближе и ближе, шаг за шагом, старались отвоювать у французов пространство «спичей земли».

Они кончили на каждом ближайшем измении в рас- положении противника, а полковые и батальонные коман- ды сейчас же указывали прикомандированным к ним артиллерийским офицерам, какие взлетные гудеда и блиндажи, какие полевые караулы, вооруженные тяжелыми пулеметами мшала бы в будущем продвижении пехоты.

Когда наступала ночь, германо-итальянские артиллери- сты открывали по этим точкам огонь. В ответ на его французы начинали отбывать.

Святились снаряды, оставляя блестящую трассерную, пробивая фаталитическими ударами темное осеннее небо. Визжали, одна за другой, разрывались ракеты, слыва- ясь красными, зелеными, серебристыми и золотистыми бры- гами, где то около земли.

Стреляли преимущественно из легких орудий. Герман- о, итальянский штаб не желал выдавать присутствие в этом секторе уже подбитых, установленных и вели- колюбно замаскированных тяжелых батарей.

При стрельбе легкая орудия выдвигались каждый раз на другие места. Это делалось для того, чтобы французы не обнаружили этих позиций, с которых эти орудия дол- жны будут бить в день атаки.

Пока из ночи в ночь вражеская артиллерия лишь осаждала пулеметными гудеда французов. Пока она лишь засыпала ходы сообщений, ведущие к передовым постам.

Пока она лишь мшала французам вести огонь из легких окопных орудий бомбовозов и зенитов. В это время итальянская пехота анорачно ридла окопы в нескольких шагах вперед, в передовую укрепленную ли- нию и соединяла их ходами сообщения.

Когда атаковала ночная тревога, когда начинал уже брешить утренний рассвет, французские секреты выдвиг- на дескток шагов ближе к себе сжко вырытые против- ником окопы, укрепленные мшками с землей и обнесен- ные рогатками из колючей проволоки.

Сейчас же по ним открывали огонь, по герман- о, итальянские батареи днем немедленно же начинали бй- нежно отбывать на него, стараясь пригнать своим ог- нем только что продвинутой за ночь работу пехоты. Ар- тиллерийская дуэль продолжалась в течение нескольких дней. Потом, когда на линии противника, не замечаясь никаких новых попыток продвинуться вперед, она утихала.

А через несколько дней опять делался отчаянный су- дорожный бросок вперед. Отвоюемалось еще несколько драгодных метров от страшной зоны огня и смерти.

Так на протяжении почти четырех сот километров всего юго-западного фронта медленно подползала передовая линия окопов к французским укреплениям.

В конце концов расстояние между противниками со- ставило не более двух сот шагов.

Глубоко зарывшись в землю, наложив поверх своей головы стволы деревьев, землю, а гд и бетонные плиты, заготовленные заранее в тылу, итальянские пехотинцы с отчаянным мужеством отсиживались в этих ужжи- нах, под непрерывным огнем ливнем французской артиллерии.

Многие из них уже давно потеряли слух, благодаря неукротимым разрывам тяжелых и легких снарядов, отрывших хвосты от охотничьих мин, от удара которых многометровая крыша, вырытых глубоко в землю лес- ных пор, дрожала. На стальные шлемы, плечи, оружие, сн- жались пылая каскады молотых камней, комков мокрой земли, песка. Они попадали за воротники мширов, на- бивались в рот в в нос. Из-за непрерывной артил- лерийской огня люди сидели плыми ливми головами. Лишь только ночью можно было с огромным раском доставать в герметически закрытых особом термо-

сах горячую пищу. Много елих незамытных, некогда не полавивших в приказе по армии героев погибло от ос- колков, разорвавшихся снарядов. Их имена только упо- минались в очередных рапортах коротко стриженного, с жирными заплатами, германского фельдфебеля или чернот- каст жука, итальянского унтер-офицера, что столько то человек отправленных с пищей на передовую позицию убиты.

НАКАНУНЬ ВНЕЗАПНОГО УДАРА.

После нескольких недель нудных осенних дождей наступила яркая солнечная погода. Дороги подсохли. Пре- вратившаяся в линку, вопрозаную грязь, земля между окопами противников затвердела.

Из окна горного шале, гд сидел маленький толстый полковник, с короткими руками — начальник орденой группы артиллерии — был виден красивый блдно-розов- ый закат.

Но полковник не замечал его красоты. Он склонил- ся над листом разграфленной бумаги и зажал, в ко- ротких, красных пальцах, карандаш, что то писал.

Это был последний неготовительный приказ.

Он начинался следующими словами:

«...Обстановка не изменилась. Атаки французских по- зиций на всем фронте назначена на завтра. Приказы- ваю...»

Дальше шла подробное расписание, которое указывало, что должна сделать каждая батарея, в первый период боя, а затем, после начала пехотной атаки.

Для всех батарей были указаны строгие границы на- местиости, в пределах которых они должны вести об- стрельбу. Было указано время, когда можно, начать пере- стрельку и когда вести огонь на поражение.

Затем давался точный расчет по часам с какой скоростью должно стрелять каждое орудие и, наконец, шли распоряжения боей общего порядка: о переносе огня во время атаки, о заласке гранат и шрапнелей, о батарей- ных наблюдательных пунктах, о радио и телефонной связи, о передвижении артиллерии и многое другое.

Окончив писать, полковник личным голосом по повернутой голове крикнул:

— Востовой!

— Есть! — откликнулся солдат, как будто бы вырвавшись из земли у открытой двери.

— Передать в канцелярию для отправки по частям!

— подавая бумагу хрипловатым голосом сказал пол- ковник.

— Слушаюсь! — сказал солдат и скрылся за дверью.

Полковник подпер голову руками и, казалось, ниче- го не видящими глазами утомленно посмотрел в око. Красный от бесконечных дней сам собой опустел, и через несколько минут в комнате раздавалось легкое по- шасывание снающего человека.

В это время из канцелярии написанной рукой подпол- ковника приказ уже давно разложился на контрольной машинки. Готовые отски ссылались адъютантов и раз- давались ординарцам, быстро исчезающим за дверью. Через несколько минут за окнами раздавался грохот мо- тоциклов, свидетельствующий о том, что ординары уже выехали по всем дивизионам и батареям.

Сон полковника был короток. Он вдруг проснул- ся, протер глаза и вновь наклонился над бумагами. Он еще раз проверил все возможности предстоявшего боя.

Все было, как будто, правильно.

Вс части огромного артиллерийского механизма были разставлены по своим местам. У каждой своя строго определенная задача.

Боевую готовность всей массы артиллерии можно было бы сейчас справиться с туто заткнутой тетовой лука: готовой лопнуть от предельного напряжения. Но она ждала только последнего легкого толчка, чтобы мгновенно ослобо- дить огромную, накопленную энергию и со злым свистом пустить тяжелую «оперенную стрелу» в сердце врага. Такой толчок был дан спустя несколько часов...

ИЗЪ ЗАПИСКИ ФЕЛЬД-МАЙОРА ФУНКА.

Прибыл в штаб авиации аэродрома, гд я сидел, я был приятно удивлен, увидев среди штабных солдат преданного мн догробной доске Фрица Витмайера, кото- рый был моим механиком в ту пору, когда я коман- довал воюмой истребительной эскадрией.

Узнав от меня, что я получил боевое задание, он в очень решительных выражениях просил меня взять с собой на истребители, которым я буду управлять во время полета моей эскадры Вогана.

Сначала у меня было желание просто отказать ему. По- тоном, поразмыслив, немного, я пришел к заключению,

что ночью бравого Фрица принести мн безусловно пол- зу в случай каких-либо непредвиденных обстоятельств, как-то порта мотора или его отказ во время полета.

Доложив генералу о желании взять Фрица с собой в мой маленький «штаб», пока что состоящий из одного лишь человека, я получил сейчас же согласие. Итак, приближается время, когда ршится, наконец, моя судьба.

Умрусь ли мн счастье?

Как-то переживаю эти тяжелые дни полного неопре- деления Шаротта, который я не писал за последние время. Да, если бы и дождались письма, то он вряд ли давал что-нибудь ей, так-как нельзя написать в письме всех тех переживаний, которые происходят. Они все тсно связаны с моей задачей, о которой я думаю день и ночь. От которой зависит мое будущее, карьера и счастье.

В разговор с генералом я несколько раз наме- нил о том, что мн было бы интересно знать точный день, когда я должен вылететь с моей эскадрой. На мой вопрос и намеки генерал почти всегда отбывал улыбой и переводил сейчас же разговор на какую-нибудь дру- гую тему.

По мн важно знать точно день. Не потому, что эскад- ра не готова. Нтъ. Я хочу послать телеграмму Шарот- та, чтобы она знала, что сн Ганс сейчас но ям обоюд- ного счастья подвергается смертельной опасности и чтобы она думала о нем.

Но вот наконец, настал долгожданный день. Меня утром вызвали к генералу. При первом взгляде на его лицо я был уверен, что сегодня произойдет что-то очень важное.

— Пожав мн руку, генерал несколько минут молча ходил по кабинету, из угла в угол, а затем, а за- тем положил руку на мое плечо он сказал:

— Я знаю вы сильный человек, майор Фукс! Я знаю вы любите отечество и армию. Завтра будет тот день, когда вы должны провести в жизнь ту прекрасную идею, над которой вы работали. Не прежде чем дать вам приказ, выполнить ее, а хочу еще раз «искусать» все подробности плана, потому что не желаю необдумав- ной гибели авиации. Итак, скажите, ро-верных: готовы-ли эскадрилья бомбовозов, предназначенных для удара?

— Так точно, — ответил я.

— Второе: установлены ли на истребители двойной аппараты автоматического управления в воздух?

— Третье: каковы бомбы нагружены бомбовозы?

— Бомбовозы нагружены бомбами со взрывчатим ве- ществом HC-411 и CPN-9.

— Великолепно! Теперь — четвертое: вы будете вести истребитель с экипажем до фронта. Там вы построите лану эскадру бомбовозов линией фронта и направите ее линирующими полетом на блиндажи и укрепления францу- зов. Если окажется, что вы не сможете вернуться на свое- ем истребителе на аэродром или будете атакованы противником, то бросайте его в воздух и спускайтесь при похоти парашютом, но при этом я требую, чтобы они также были направлены на пль, а не уалял бы бесподе- по или нанес бы вред своим собственным линиям укреплений. Я думаю, что вы также позаботились нагрузить истребитель бомбами.

— Так точно. Истребитель несет на себе восемь раз- гримых бомб, начиненных особо разрушающим ве- ществом ГЭГ — III.

— И, наконец, пятое: я отдаю приказание, чтобы в момент взлета ваша эскадрилья будут сиди сопровож- дать германских истребительных эскадры. Они будут саму аировать преследование — При этом генерал улыбнулся.

— Вы, конечно, понимаете, для чего это делается. Если, не дай Бог, французы заметят васет бомбовозов и ка- кими-нибудь неизвестными вам путями, узнают о нашей задаче, то эскадрилья бомбовозов, преследуемая герман- скими истребителями, не наведет их на мысль, что ваша аппараты, припавые во французской армии, несут из- ги- бели. Я думаю, что они постараются даже напасть на наши истребители и вступить с нами в бой еще перед перо- довыми позициями. Тогда ваша задача будет совсем про- стой. Полнотно?

— Так точно! Все ясно!

— Итак, завтра в 4 часа утра вы поднимаетесь. Дбй- ствуйте, берегите людей, и главное, храните секреты. Мн почему-то кажется, у меня есть такое предчувствие, что французы тоже что-то замечают, но я думаю, что нам удастся их опередить. Къ тому моменту, когда вы выпол- ните задачу, командование фронтом уже будет подл- путн резервы к назначенному участку.

(Продолжение следует.)

(20-е продолжение*)

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Все будет выполнено! — ответил я, и вышел из кабинета генерала.

Вернувшись на аэродром, я почти в деталях познакомил моего помощника Фрипа Битмейера с планом нашей задачи. Мы еще несколько раз пробыли на карте линии фронта и разобрались кой-какие детали.

Оставив Фрипа во главе с пилотом заводом металлоком в последний раз проверить работу аппаратов эскадры «Вотан», я ушел домой, чтобы написать письмо Шарлотте. По дороге я заглянул на минуту на телеграф, расположенный на главной улице маленького городка, где стоял штаб авиации фронта и послал телеграмму Шарлотте.

«Малая Шарлотта, завтра рѣшается судьба нашего счастья, будь яркой во несчастье, если оно будет, но я не вью. Я знаю, что моя жизнь вместе с твоей будет еще долго гореть, осыпая нас семейный уютком в твоей уютной квартирке, в которой я провел столько счастливых и радостных часов».

ШАРЛОТТА АЙЗЕНШМИДТ.

Жесткая война почти не затронула Магдебурга. Все так же, как и раньше, валь тихими водами реки спал в дремотном, многоголосье снѣ старый замок, гудело теплое рыцарей. Правда, расположенные недалеко от города авиационные заводы увеличивали его население почти втрое, но мало было видно рабочих на узких улицах города.

Никто не мешал городу жить своей жизнью. Так же, как и раньше по вечерам бесстылая многолюдная реклама лужу кино, извѣщая посетителей о патристических фильмах, плывших на экранях. Так же по вечерам в партийных клубах собиравались магдебургцы и долго, за кружкой пива, судачили о военных действиях на западном фронте. Так же, как и раньше, в отдаленной женской трудовой повинности, за работой сидели вдовы и жены солдат умирать на фронте.

Магдебургская буржуазия держалась совершенно обособленно. Она редко посещала собрания, редко бывала в клубах. Она жила своей замкнутой кастой.

Шарлотта Айзеншmidt по роду своей службы в штабе вспомогательного женского отряда противопоземной обороны посещала партийные собрания, но в то же время была и принята в домашние магдебургских бюргеров. Хотя она не была коренной уроженкой Магдебурга и пришла в этот город всего лишь за несколько лет до войны, благодаря общительности характера, красивой наружности и начитанности, фрау Айзеншmidt пользовалась большим уважением, как среди членов партии, так и среди чужеродных дам магдебургских бюргеров, всегда не прочь познакомиться относительно друг друга.

Но про Шарлотту Айзеншmidt даже провинциальные слухи, готовые слѣзать изъ мухи слова, ничего не могли сказать дурного, а ее прямые начальники были в восторге от ее респондентности и организаторского таланта Шарлотты. В ее отрядѣ всегда был полный порядок и дисциплина. Отдавая очень мало времени работѣ в штабе отряда, Шарлотта большинство своих дней проводила или в своей комнате, или на авиационном заводе, куда ее устроили изъ высшей партийной чиновницы. Работа в бюро завода давала Шарлотте много преимуществ. Кроме жалованья там ей выдавали усиленный паек, который служил большим подспорьем в военное время.

Высокий чиновник, устроивший Шарлотту на авиационный завод, бывал частым гостем в ее уютной квартирке. И в первое время магдебургские слухиныны пытались создать «систему», но однажды на приѣху у городского буржуа, Шарлотта так сурово поставила себя, что все слухи сразу же прекратились. Когда через несколько месяцев послѣ объявления войны квартиру Шарлотты стал частенько посещать майор Фукс, приехавший изъ какой-то таинственной командировки на авиационный завод, то опять по городу пошел разговор, но опять Шарлотта сразу же их прекратила, обвинив, что фельд-майор Фукс является старинным другом ее покойного мужа и въ его послѣдствіи нѣтъ ничего зазорного для его репутации. Ко тому же высокий чиновник уже неоднократно въ обществѣ говорил о том, что скоро въ Магдебургѣ будут удержаны, так как одна изъ красивѣйшихъ женщинъ города выйдет замужем. Изъ этихъ намековъ магдебургские дамы выводили заключение, что Шарлотта Айзеншmidt въ скоромъ времени станетъ женой этого высокого чиновника.

Въ тотъ вечеръ, когда фельд-майор Фукс получил приказание подняться въ воздухъ со своей эскадрой «Вотан», въ квартирѣ Шарлотты сидѣла ее обычный посетитель Штольцъ, тотъ высокий партийный чиновник, который устроил ее на авиационный завод. Его посещения были регулярны. Во время пребывания майора Фукса въ Магдебургѣ, онъ даже поссорился съ Шарлоттой изъ-за того, что послѣдняя ради ли женского конетства, или по каким-либо другимъ предположениямъ, стала отдавать предпочтение новоприбывшему майору, частенько игнорируя его, Штольцъ, который такъ много сдѣлалъ для фрау Айзеншmidt. Но теперь, когда майор находился далеко на фронте, Штольцъ окончательно успокоился, рѣшивъ, что проза давнымъ давно миновала. Въ виду сатижной войны, приближался момент, когда и ему придется пойти на фронтъ. Поэтому онъ рѣшилъ дѣло женитбы больше не откладывать. На сей разъ Штольцъ сидѣлъ нѣсколько болѣе задумчивый. Его безпокоила мысль, какъ отнесется Шарлотта къ его рѣшительному шагу и занавесило о томъ, что пора наконецъ выяснить отношенія, а что ему, Штольцу, пора, наконецъ, устроить семейное гнѣздо.

Хозяйка дома уже нѣсколько разъ, по привычкѣ, спрашивала Штольца, о новостяхъ фронта, но его отбѣты были сегодня какіе-то странные и часто непонятны. Это удивляло и нѣсколько смѣшило Шарлотту.

— Скажите, Штольцъ, что съ вами? Вы сегодня какой-то странный. Можете быть у насъ невпритом?

— Нѣтъ, фрау Айзеншmidt, какія могутъ быть непритомности, разъ налаженная машина не можетъ остановиться. Меня безпокоитъ другое. Вы знаете, фрау Айзеншmidt, родитѣ приносятъ переживания тяжелые дни. Вы знаете, что каждый изъ насъ, мужчинъ, въ каждую минуту можетъ быть призванъ выполнить свой долгъ на фронте. И, несмотря на то, что я занимаю крупную постъ и безусловно необходимъ здѣсь въ городѣ, но я не увѣренъ въ томъ, что меня также не потребуютъ туда, на западъ, особенно теперь, когда, какъ вы знаете, подготовляются рѣшительные удары, когда каждый человекъ на учетѣ.

— Развѣ кто-нибудь готовится? — спросила Шарлотта.

— Да. Безусловно что-то готовится. Я получилъ письмо отъ моего закадычного друга и коллеги по высшей партийной школѣ. Онъ сейчасъ находится на западномъ фронтѣ при начальникѣ артиллеріи. Онъ пишетъ, правда, въ очень расплывчатыхъ и общихъ фразахъ. Да это и понятно. Теперь шпIONSъ вездѣ. И даже среди насъ, партийцевъ.

— Развѣ? Ей-ей, Штольцъ, вы страдаете шпиономанией!

— Ум, нѣтъ! Кто-то, но не я, черезъ руки которого проходятъ все переписка, всѣ донесенія нашего центра по борьбѣ съ шпионажемъ. Ум, нѣтъ! Не дальше какъ сегодня утромъ я получилъ секретный циркуляръ, — сводку изъ донесеній нашей заграничной агентуры о томъ, что въ Магдебургѣ работаетъ какой-то шпIONъ. Уже нѣсколько разъ радио-станции центра удавалось перехватывать сообщенія, даваемые какими-то аппаратами на неизвѣстной еще конструкции, работающей на особомъ ультракороткихъ волнахъ. Станция слышала позывные, но несмотря на всѣ усиленія, техника не могла выслѣдить на какой волнѣ работаетъ этотъ аппаратъ, такъ какъ онъ не работаетъ ни на одной изъ волнъ до десяти метровъ. Позывные были услышаны при довольно странныхъ, пожалуй, и бы даже сказали, случайныхъ обстоятельствахъ. У одного изъ радио-аппаратовъ образовался дефектъ въ катушкахъ, и техника по невнимательности обрѣзалъ нѣсколько витковъ и, мѣняя лампу, поставилъ лампу болѣе мощной. Пробуя аппаратъ, онъ вдругъ услышалъ какіе-то странные позывные, записалъ ихъ, доложилъ инженеру, заведующему аппаратурой. Когда стали слышать, то безбрежность и невинность техника открыли интересную вещь. Оказалось, обрѣзки витки катушки и замѣна болѣе сильной лампой дали возможность этому аппарату принимать сообщенія, отправляемые на сверхъ-ультра короткихъ волнахъ. Что-то было, чушь ли на одной столетней метрѣ. Вообще, это открытие имѣетъ огромное будущее. Немедленно начать по борьбѣ съ шпионажемъ сталъ работать надъ розыскомъ того, кто имѣетъ отправление. Благодаря внимательному наблюдению въ течение нѣсколькихъ дней техника дежурила по двадцать четыре часа вѣ отхода отъ аппарата, мы удалось поймать нѣсколько шифрованныхъ сообщений, и отряду по розыскамъ отправительныхъ станцій напасть на слѣды работающего шпIONа.

— Куда же ведутъ эти слѣды? — спросила Шарлотта. Штольцъ улыбнулся. Затанувъ сигарой и, ласково посмотрѣвъ на Шарлотту, отвѣтилъ:

— Изъ-за любопытства человечество давно уже раи а

виной этому была женщина. Я васъ уважаю, фрау Айзеншmidt, и вы знаете, что отъ васъ я рѣдко что скрываю, но бываю иногда служебныя тайны, которыя нельзя говорить даже человеку, котораго люблю и уважаю. А я васъ, фрау Айзеншmidt, не только уважаю, но и...

— Хотите сказать, что...

— Да, Шарлотта, я хочу сказать, что я васъ глубоко люблю.

— Я знаю это, Штольцъ, и высоко цѣню васъ. — Нѣтъ, Шарлотта, я люблю васъ настолько глубоко, что я уже говорилъ о томъ, что можетъ быть мнѣ придется уѣхать на фронтъ и я бы хотѣлъ, чтобы здѣсь, въ Магдебургѣ, остался хотя бы одинъ человекъ, которому я могъ бы не только писать, но котораго считалъ бы близкимъ и роднымъ... Шарлотта, будьте моей женой.

— Штольцъ, развѣ такъ дѣлать предложение? Развѣ можно такъ сразу неожиданно. Въдъ мы были всегда только друзьями. Я васъ всегда считала только другомъ и вѣрую.

— Неужели, Шарлотта, вы не видѣли, вы не чувствовали, неужели вы не догадывались...

— Въ это время страстную рѣчь Штольцъ прервала дребезжа звонка. Отъ неожиданности Штольцъ вздрогнулъ.

— Простите, Штольцъ. Тамъ, кажется, звонили. Я сейчасъ вернусь, — сказала Шарлотта, поднимаясь и, идя въ прихожую.

Открывъ дверь, она увидѣла почтальона, который протянулъ ей телеграмму и залъ распечатать въ книгѣ.

Не входя въ салонъ, Шарлотта у окна въ прихожей распечатала телеграмму. Это была та телеграмма, которую послалъ фельд-майор Фукс.

Если бы кто-нибудь сейчасъ случайно увидѣлъ Шарлотту Айзеншmidt, то удивился бы ее измѣнившимся лицу. Суровая складка образовалась между бровями. Въ глазахъ загорѣлась стальная, упрямый огонекъ. Губы, вѣчно улыбающіяся, съ такимъ мягкимъ рисункомъ, вдругъ стали суровыми и рѣшительными.

Д — 143 СНОВА ГОВОРИТЬ.

Послѣднюю спрятавъ полученную телеграмму за корсажъ, Шарлотта подошла къ зеркалу, поправила волосы и съ удивленнымъ лицомъ вошла въ салонъ.

— Что нибудь новое? Почта? — спросилъ Штольцъ, поднимаясь съ кресла.

— Да. Я получила телеграмму изъ Берлина отъ своей тетки. Она пишетъ, что заболѣла и проситъ меня, если у меня есть время и возможность, завтра утромъ быть около нея, такъ какъ врачъ находитъ присутствие кого-либо изъ родныхъ необходимымъ. Конечно, дѣло, навѣрное, серьезно, такъ какъ телеграмму подписала и врачъ.

— Да! Ваша тетюшка живетъ всегда въ Берлинѣ? Вы такъ мало мнѣ про нее говорили, — спросилъ Штольцъ.

— Конечно, — отвѣтила Шарлотта. — Ужѣ, кажется, хватало лѣтъ, какъ тетка снимаетъ одну и ту же квартиру. Ей мужъ былъ регистраторъ и десять лѣтъ тому назадъ ушелъ, оставивъ тетку очень пріятною пенсией. Нашъ разговоръ, какъ видно, придется отложить. Вамъ не везетъ, Штольцъ. Я думаю, — прохаживая свою спальню и повернувшись на порогѣ, продолжала Шарлотта говорить, — вы, какъ мой начальникъ, задѣте мнѣ отпустить на нѣсколько дней. А пока я попробую насъ пройти въ кабинетъ и почитать отъ моего имени въ штабѣ отряда и сообщить тамъ, что мнѣ замѣститель и назначенъ фрейлейнъ Миллеръ. А всѣ распоряженія она у меня найдетъ на столѣ, да и къ тому же адъютантъ отряда фрау Юнкеръ все вслѣдствіе этого знаетъ, и поэтому мое отсутствіе не отразится на работѣ. Миленькій Штольцъ, а васъ попробую также съѣздить на вокзалъ и взять мнѣ спальное мѣсто на первомъ отходящемъ въ Берлинъ поѣздѣ. Ну, не хмурьтесь. Вы увидите, что все будетъ хорошо. Итакъ, я пасъ жду черезъ два часа. На сколько мнѣ поминать, поѣздъ долженъ отойти около пяти часовъ вечера. Правда, вы исполните просьбу Шарлотты? — закончила она, подождавъ ли Штольцъ и протянула руку.

Штольцъ нѣсколько разъ похлопывалъ руку Шарлотты, смотря ей въ глаза ласковымъ, преданнымъ взглядомъ.

— Конечно, Шарлотта, я сдѣлаю все, о чемъ вы меня просите. Но за это требую и хочу, чтобы вы мнѣ сейчасъ же сказали: «По приѣздѣ изъ Берлина вы не только не возобновляете нашъ разговоръ, прерванный телеграммой, отъ того, но вы, Штольцъ, можете быть увѣрены, что Шарлотта не только дѣлаетъ вамъ дружбу, но она и невозможно любитъ васъ въ 2

— Давнее, Штольцъ, Шарлотта скажетъ уже сама. Итакъ, черезъ два часа.

— Но я хотѣлъ позвонить еще по телефону, — слы

(21-се продолжение*).

Пришло добрый полчас за этой работой. Кучка до-
рогой передел полковником стала совсем маленькой,
как передел его глазами заглянул красная лампочка.

— Ага! — говорит адъютант Дюпонт. — Мною толь-
ко-то получено шифрованное донесение Д-143. Сейчас пе-
ремываю его вам.

— Оно расшифровано? — спросил полковник.

— Никак нет!

— Я жду!

Выключив прожекторы, полковник повернул
несколько рычажков на распределительной доске справа
на стол. Через несколько минут в дверь постучали.

— Войдите!

— Господин полковник, прикажите явиться? — спро-
сил войдя в дверь капитан шифровального отделения.

— Да. Мною только что получено сообщение, что есть
шифрованная телеграмма Д-143. Она будет сейчас у ме-
ня на стол. За это время будьте любезны найти шифр
Д-143 и мы с вами выйдем ее расшифруем.

— Слушаюсь, — ответил капитан.

Через несколько минут шифр был на столе у по-
лковника. Почти в то же время пневматическая почта
поставила из аппаратурного отделения телеграмму.

— Ну-с, приступаем к работе, — сказал полковник,
бери телеграмму и начинай диктовать одну за дру-
гой цифры.

Капитан искал обозначение их в книжке кода и
записывал на листы бумаги.

«Завтра утром бомбовозы вылетают для того, чтобы
произвести прорыв в линии. Столь. Принято мѣры ос-
тавления состава из 24 аппаратов. Столь. Не нужно
выступать за линии фронта иначе будет катастрофа.
Столь. Убѣждаю в Берлин, так как мен...»

На этом телеграмма закончилась. Полковник остано-
вился.

— Дальше господин полковник? — спросил удивлен-
но капитан, смотря на своего начальника.

— Дальше, но я же сказал все, — ответил полков-
ник.

— Телеграмма кончается на полусловии.
— Как на полусловии? — спросил полковник. Дайте
слова.

Капитан протянул расшифрованную телеграмму.
— В чем дело? — спросил полковник. — Я ви-
жу не понимаю.

— Можете быть агенту пожелать продолжать, — вы-
сказал предложение капитан. Но насколько я понял
начало телеграммы довольно ясно. Агент Д-143 опять
описывает об этих таинственных бомбовозах, о кото-
рых он уже писал несколько телеграмм.

— Знаю, — ответил раздвинуто полковник. Эти та-
инственные бомбовозы не дают мне покоя уже скоро мѣ-
сяц. В чем дело? Какую мерзость придумали боги?
Принимать тут бомбовозы, тип которых принять в нашей
армии? Но, по-моему, что-то нужно предпринять? Но что?

Вот это я бы хотѣл знать. Полковник, подумав не-
сколько минут, продолжал: — Капитан, будьте любезны
развить майора Утлей и попросите его немедленно по-
ступить мне. Можете быть у англичан есть более по-
дробная свѣдѣния. Посмотрите.

Поднявшись с мѣста, полковник нервно начал хо-
дить по комнате, по временам останавливаясь перед
стронной картой фронта, на которой разбросанными флаж-
ками были обозначены линии, точки и даже мелкие отря-
ды, занимающие боевые позиции как союзных войск,
так и германских. Он несколько раз останавливался
перед этой картой, внимательно смотрѣл на нее, стара-
ясь войти на фронт той участю, на которую нужно
ждать таинственного появления не менее таинственных
бомбовозов.

— Вы меня анули, господин полковник? — вывел
послышав из раздумья голос майора Утлей.

Полковник возмущен от неожиданности и, резко по-
вернувшись, ответил:

— Ах, это вы, дорогой коллега! Простите, что я вас
оторвал от работы. Но вот уже мѣсяц, как один из
ваших агентов, работавших внутри Германии, несколько
раз присылал сообщения о готовящемся каком-то сою-
зном, который нам притовляють боги и в котором
важную роль должны играть какие-то таинственные бом-
бовозы. Если вас интересует, то вот тут все сообщения
Д-143. — Полковник быстрыми шагами подошел к

столу и взял папку, на которой крупными буквами было
написано Д-143, протянул ее майору Утлей.

В комнате вспорхнуло молчанье. Англичанин внима-
тельно одно за другим прочел сообщения Д-143.

— Интересно! — сказал он, закрывая папку.

— Ваши агенты ничего не сообщали по этому вопросу?

— спросил полковник.

— По моему мѣту, — ответил Утлей. — Хотя, по-
дходите, кажется, что-то было. Ах, да... Дней восемь
тому назад в одном из сообщений с юго-западного
участка было указание о том, что на аэродром 408 при-
были бомбовозы, только-то построенные в Магдебургѣ.

— Как? Магдебург? — быстро спросил полков-
ник. — Позвольте, вѣдь Д-143 как раз имѣет реал-
депию в Магдебургѣ. Ваш агент не сообщает о типѣ
бомбовозов?

— Если вы разрешите, полковник, я сейчас проте-
лефоную, чтобы прислал все его донесения.

— Пожалуйста!

Вызвал по телефону своего адъютанта, майор Утлей
дал приказание немедленно доставить в 18-й коридор
донесение агента П-008.

— Поза, — сказал полковник, — привезут донесе-
ния, посмотрим, где расположен аэродром 408. По-мо-
ему, самое правильное, сейчас срочно сообщить противо-
воздушной оборонѣ фронта, чтобы там не дремали и что-
бы в случае появления каких-либо эскадр противника
были приняты надлежащія мѣры. По-моему нужно сооб-
щить также в штаб авиации, особенно, чтобы она обра-
тила внимание, где расположен аэродром 408.

— Господин полковник, я думаю, будет совсем не-
плохо, если я сейчас выйду в этот район и при-
му соответствующія мѣры.

— Это совсем неплохая идея, майор. Если у вас
есть достаточно времени и желания, то я бы даже про-
сил вас это сделать, — ответил полковник.

— Вдѣсь раздался стук.

— Войдите!

На пороге вырос высокий, краснощекий голландец,
молча протянувший саню папку майору Утлей.

— Благодарю вас, можете идти, — сказал майор по-
английски.

Шелкаув заблужден, голландец вышел из комнаты.

— Вот дѣсь собраны все донесения агента П-008.
Правда, они не многочисленны, так как ему приходится
работать в очень стѣсненных обстоятельствах. В их
достоверности, однако, я могу поручиться, так как эти
донесения являются на службе у нашей разведки уже око-
ло пяти лѣтъ. Правда, занимают они совсем маленькій
лист авиационного механизма, но почти всегда его свѣдѣния
отличаются большой цѣлостностью.

Полковник быстро просмотрѣл лист отрывочных
листов, на которых были напечатаны на машинѣ донесе-
ния агента П-008. Особенно послѣднее донесение заинтересо-
вало его.

«Прибыла эскадрилья бомбовозовъ под командой
фельд-майора Фукса. На них устанавливаются аппарату-
ра автоматического управления. Пытаюсь поступить на эту
эскадрилью.» — читал вслух полковник. — Им... ин-
тересно, определенно между этим донесением и телеграм-
мами Д-143 есть какая-то опѣдѣленная связь. Занятно,
как бы про себя говорил полковник. — Долготой коллѣ-
та, теперь я настаиваю на мой проект, чтобы вы сами
направлялись в секторъ расположенія аэродрома 408 и ру-
ководили бы нужной заготовкой. Я думаю, на этомъ участкѣ
можно оказать сюрприза.

— Слушаюсь, господин полковник, — ответил май-
ор Утлей. — Я через полчаса выйду.

— Я откажусь всякими приказаніями в штабъ противо-
воздушной обороны и в штабъ авиации. Желаю счастливаго
пути. Вам на мѣстѣ будетъ видно, что нужно предпри-
нять. До свиданія! — протягивая руку сказал полков-
ник.

Шарлотта нервно работала ключомъ...

Въ дверяхъ задрожала авионка, а затѣмъ раздался
глухой удар въ дверь. Шарлотта побѣдилась и на полу-
словіе прорвала свою передачу.

Быстро разобравъ свой радио-аппаратъ, Шарлотта подо-
шла къ люку для спуска нечетотъ, открыла его и бросила
металлическую коробку въ него. Затѣмъ быстрыми шагами
вышла изъ кухни, направившись въ переднюю.

Дверь подъ сильными ударами уже еле держалась. За
ней слышны проклятія и шумъ многогъ голосовъ.

Подойдя совсѣмъ вплотную къ двери, Шарлотта кри-
кнула:

— В чемъ дѣло? Я уже телефонировала въ полицію!

— За дверью стихло.

— Именѣмъ закона требую, чтобы вы открыли дверь!

Затѣмъ — полиціа!

— Сейчас! — отвѣтила спокойно Шарлотта, но видѣ,
что-то, чтобы снять крюкъ, она быстро промѣла въ спаль-
ню. Положила къ ночному столу, отворила ящикъ и бы-
стро протянула табакетку.

Черезъ секунду ея глаза сдѣлались стеклянными, лицо
перекрутило судорога и она рухнула мертвымъ тѣломъ на
полъ.

Это произошло въ 5 часовъ вечера.

ЭСКАДРА ВОТНА ЛЕТИТЬ.

Нѣсколько разъ фельд-майоръ Фуксъ заходилъ въ анги-
ры, гдѣ подъ наблюдениемъ Фрица Битмайера работала
лѣный заводъ механиковъ. Одинъ проверялъ моторы, а другіе
устанавливали автоматы управления на расстоянии. Только
въ четыре часа утра Фуксъ легъ спать, но уже въ шесть
часовъ, когда еще едва забрезжилъ рассветъ, Фрицъ Би-
тмайеръ явился, чтобы его разбудить. Безсонная ночь не
пошла на него.

Борьмы голосомъ онъ, выткнувшись у двери, доложилъ
— Господинъ майоръ, эскадра въ порядкѣ. Все предъ-
решено, все работаетъ какъ часъ. Когда прикажете выводить
бомбовозовъ?

— Черезъ три четверти часа я буду на аэродромѣ. Къ
этому времени эскадра должна быть готова къ вылету.

— Слушаюсь!

Летное поле, когда на него пришелъ фельд-майоръ
Фуксъ, было еще покрыто предутреннимъ туманомъ. Си-
на, передъ большими воротами, помѣщенного ангара, подъ
деревьями, притаились авиалавны. Чистота ночи уже дав-
но исчезла. Вокругъ выстроенныхъ бомбовозовъ суетились
механики. Истребители, на которыхъ долженъ былъ летѣть
майоръ Фуксъ, стояли выдвинуты далеко у стартовой ли-
нии. Ровно въ семь часовъ утра къ старту подъѣхала том-
ная машина съ флажкомъ начальника штаба авиации.

Фельд-майоръ Фуксъ, одѣтый въ костюмъ пилота, съ
поднявшимся сади парашютомъ, нервно поддерживая
рукой кислородный аппаратъ на груди, приближалъ къ авто-
мобилу. Начальникъ штаба, не поднимаясь съ сидѣнья,
протянулъ ему руку.

Фельд-майоръ Фуксъ, выткнувшись, доложилъ ему о
готовности эскадры къ полету.

— Ровно черезъ десять минутъ вы вылетите. Въ семь
часовъ подымается охранная эскадрилья истребителей. Жа-
ло събавного пути!

— Благодарю васъ, генералъ, — отвѣтилъ Фуксъ, не-
сколько можно четко почувствовать кругомъ, быстрыми
шагами пошелъ къ истребителю, на которомъ было уста-
новлено радио-аппаратическое управление. У машинъ уже
стояли его механики Фрицъ Битмайеръ.

— Занимаемъ мѣста, — сказалъ Фуксъ, поспѣвая па-
решотъ, шлемъ и очки и неловко, еле-еле мѣлѣвъ, зашлавъ
въ сидѣнье пилота. За нимъ, тщательно закрывъ люкъ
аэроплана, вѣлъ Фрицъ Битмайеръ и, обернувшись къ ра-
дио-телефону, громко кончилъ.

— По машинамъ! Заводи моторы!

Летное поле оживо. Завелись десятки моторовъ.
На мигъ передъ Фуксомъ вспыхнула синяя точка. Она
говорила о томъ, что моторы эскадры бомбовозовъ Вотна
готовы и работаютъ на полномъ ходу.

Радио-аппаратура автоматическаго управления действо-
вала безукоризненно. Майоръ Фуксъ какъ полные обороты
мотору и залпъ лампочкой подползъ стартъ.

Вновь вспыхнула красная лампочка на пилотѣ, какъ бы
говоря «взлетѣлъ».

Фуксъ далъ газъ, истребитель рвануло впередъ, и онъ
сталъ брать подъемъ.

Фрицъ Битмайеръ въ это время дѣлалъ почти тѣ же
движенія съ аппаратурой автоматическаго управления. Когда
истребитель былъ уже въ воздухѣ, Фуксъ обернулся и уви-
дѣлъ въ прицѣлѣ своемъ собку авиалавъ какъ одинъ изъ дру-
гихъ бомбовозовъ, самоу управляемые оптическимъ летчикомъ,
отрывались отъ земли и становились на опрѣделенную ди-
станцію позади его истребителя.

Аппаратура работала отлично. (Продолжение слѣдуетъ.)

(22-е продолжение*)

Часто, включая экран автоматического управления, фельд-майор Фукс видел, как на нем ярко вырисовывались неуклюжие силуэты его воинов, послушной, словно ее связывали какая-то невидимая нить с истребителем. Фукс часто поворачивал рукоятку высоты и на экране было видно, как бомбовоз послушно набирала свою вторую высоту и вновь переходила в горизонтальный полет.

— Алло, алло, — раздался в наушниках Фукса чей-то незнакомый голос. — Зісь говорять начальник охраны войсковых истребителей. Мы идем в километре от вас, сзади.

— Наверное внизу думают, что вот-вот истребитель постигнет эскадрилью французских бомбовозов и расстреляют ее в упор, — мелькнула мысль у Фукса и, злобно улыбнувшись, он посмотрел вниз, а затем на карту.

Стрелка медленно ползла по шкале карты, точно указывая местонахождение истребителя. Вот она уже совсем близко подошла к линии фронта.

«Наверное там внизу движутся бесчисленные колонны пехоты, танков и артиллерии, — подумал Фукс и как-то автоматически включил нижний экран. На нем, словно в зеркале, отразился какой-то длинный черный лини, называющийся как-то вти.

«Наши резервы готовятся к взрыву, — вслух сам себе сказал Фукс, совсем забыв о телефоне, соединившем его с механиком.

— Господин майор, что нибудь приказали? — раздавался в наушниках голос Фрица Витгенберга. — Что нибудь не в порядке?

— Ничего, Фриц, все в порядке!

Вдруг Фукс замечает чуть ниже истребителя гирлянду светящихся разрывов.

Боже, что это побойте! Свои же зенитная артиллерия, фельд-майор берет за управление. Разрыв уже показывается справа и слева.

— Чорт! Что это такое? Еще побойте! Неужели не сообщали из штаба авиации о моем полете?

Одна за другой мелькнули мысли в голове Фукса. Он настраивает радио — телефон на волну штаба и первым голосом кричит в микрофон:

— Меня обстреливают! — говорит Фукс. — Говорят эскадра Вотана!

Через секунду в наушниках слышится спокойный голос начальника штаба:

— Не волнуетесь! Быть не по нашим! Это только маскировка! Неужели вы забыли, о существовании противника?

В наушниках, что-то щелкнуло. Начальник штаба выключил аппарат.

Фукс, чтобы не подвергать себя опасности от случайного разрыва зенитного снаряда, повернул рычажки автомата, заставляя бомбовоз резко менять курс.

Посмотрев на неожиданный обстрел, Фукс спокоен. Скоро линия фронта. В это время что-то резко бросается истребителем. Майор хватается за штурвал.

Секунда, другая, аппарат выравнивается.

А за ним выравниваются на экран бомбовозы.

С левой стороны у мотора истребителя показывается облая клуб пар.

— Черт! Кажется задняя! Черт бы побрал вас, с вашими искусством! — ругаясь ворчать под нос Фукс, внимательно осматривается в прибор.

— Осложню пробита трубка радиатора, — раздаются голос механика в наушниках Фукса. — Сейчас лезу поправлять по левому борту.

Витгенберг с трудом доберется до повреждения. Сильная струя кипятка и пара обжигает лицо и руки. Но Фриц не замечает боли. Замышляясь пробраться на трубопровод.

— Все в порядке, господин майор, — слышит спокойный и веселый голос механика в наушниках Фукса. Майор включает третий рычаг и на нем ясно вырисовывается красный, обожженный паром физиономия механика.

— Гит там парашют? — спрашивает он в бортовой телефон.

— Я его снял, господин майор, исправная повреждение. Сейчас лезу.

Фукс видит, как он достает откуда-то снизу парашют и, стесненный пространством и узостью кабины,

натягивает его. Убедившись, что парашют механиком надеть, Фукс смотрит на нижний экран.

Линия фронта уже под истребителями. Аппарат приближается к самому небу.

Впереди разлетаются моря огня, дыма и яркого вспыхивания. Там идет артиллерийская дуэль. Еще несколько секунд, и истребитель перестанет линию фронта.

— Теперь пора! — думает майор Фукс, передвигая рычажки автомата и этим заставляя бомбовоз прибавить обороты и пройти под его истребителями. Но рот на экране появляется одна за другой машины. Они уже впереди.

Фукс часто включает экран и напряженно ждет. На планшете карты стрелка подползла и даже на несколько миллиметров перешла линию фронта и уперлась своими острыми концами в укрепленный пункт номер три. Фукс знает, что по этой линии сейчас движутся все его бомбовозы. Вот он нажимает рычаги и на экране бомбовозов, как послушными марионетками, начинают клеветать носом.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР ЭСКАДРЫ ВОТАНА.

Французская зенитная охрана укрепленного пункта номер три горно сидит за происходящим в воздухе. Уже давно наблюдатели сообщают о появлении эскадрильи бомбовозов, идущей с востока. На экранах наблюдательных пунктов были ясно видны французские отличительные знаки, были ясно видны овалы, совершенные эскадрильи.

Вот она, в развернутом строю, несет на немецких истребителях, как будто старается загнать его, приближаясь к земле. Но вот, эскадрилья, почему то, вдруг уходит вверх, а истребители высоко забрасывают вверх.

— Теперь понятно, — говорит молодой лейтенант с раскинутыми руками крыльями на правой стороне мушкетера, на минуту отрываясь от экрана. — Видите, сзади, сзади эскадры точки истребителей бомей, которые борются с нашими бомбовозами. Сейчас же сообщите на штаб зенитных батарей чтобы открыли огонь, как только эскадра приблизится.

Командир Шабань, начальник зенитных батарей укрепленного участка номер три, в своем блиндаже на экране видит ту же самую картину. Его рука уже тянется к аппарату. Чтобы отдать сейчас же приказание открыты ураганный огонь, но в это время из штаба приходит новое сообщение:

«Курсом 270 идти наша эскадра бомбовозов. Ее настигнет немецкий истребитель».

Командир Шабань отдает приказание по телефону. — Провести эскадру французских бомбовозов, а немецкие истребители отбросить зенитным огнем. Немедленно вызвать эскадрилью истребителей третьего участка фронта.

До цели остаются минуты. Это видно по карте майор Фукс.

Все идет прекрасно.

Но вот Фукс замечает, что сплошная стена огня закрывает видение впереди бомбовозов. Фукс включает экран: нить, бомбовозов не тронуты.

Он догадывается, что французы решили отбросить истребителей.

До цели две минуты.

Фукс на мгновение отворачивается от прибора. Немецкие истребители уже совсем близко, почти плотным кольцом окружают его аппарат.

В воздухе точно загорается. Разрывы зенитных снарядов подбираются все ближе и ближе. Справа показывается отряд французских истребителей. Они быстро идут на обложение. Фукс улыбается.

— Вот этого только и нужно! Французы сами помогают нам. Сейчас зенитные батареи прекратят огонь. С французскими сбивается наш истребитель, а я тем временем спущу им на голову мою эскадру Вотана.

Порывисто наклонившись к экрану, Фукс внимательно смотрит на прибор и как на планшете ищет тонкими ручками автоматического управления.

Вот стрелка на планшете показывает, что бомбовозы уже в одном километре от укрепленного пункта.

Секунда нечеловеческого напряжения...

Фукс не видит, как прекращаются вдруг огонь батарей, не видит как немецкие истребители бросаются в бой с французскими. Он истинно прижимается к прибору пулеметом, куда над головой раздается резкий уходящий послы атака аппарата французского летчика. Затем, снова раздается бомбовозов.

Вот на экране рядом с укрепленным пунктом показывается небольшой холмик, отличный объект для ориентировки.

Фукс быстро дергает один рычаг, потом другой и наконец резко включает рубильник. Бомбовозы круто переходят в ноль.

На экран появляется кривость. Ее огибающая башни страшны оскалом оружейных дуг, завершающих огонь и языки пламени. На нее вертикально пикируют бомбовозы.

Еще одна секунда и укрепленный пункт взлетит на воздух. От земли поднимаются огромные языки пламени, закрывая весь экран. Бомбовозы уже не видно на нем, остаются лишь пропеллеры линии боевого курса.

Фукс быстро включает аппарат, истребитель неминуемо вверх. Но в этот момент происходит что-то ужасное. Вибро того, чтобы вырваться, машина с огромной скоростью начинает падать вниз. Фукс одна успевает раскрыть стеклянную крышку кабины, как, как-то страшная сила выбрасывает его вниз.

Полуголосный он истинно дергает за кольцо парашюта. Через несколько секунд падение замедляется и переходит в пламенный спуск. Еще перед глазами, должно быть от удара, о борты кабины, бьются зеленые деревья, но Фукс оглушается по сторонам.

Густой дым тяжело поднимается и застилает все горы, вонз на запад. Откуда то с востока била артиллерия.

Наверное, думает Фукс, сейчас она добивает изорванного им, Фуксом, убитого и тула, падение уже кончилось титки и нитки.

В это время его ноги коснулись чего-то твердого. Фукс с огромной силой ударился о землю и потерял сознание.

ВНЕЗАПНЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ УДАР.

В то время, когда из ста километров от юго-запада, из фронта фельд-майор Фукс удачно взорвал укрепленный район номер три французской линии Мажино, над участком западного фронта около горы Розанто на стыке границ Франции и Германии медленно поднималась белая дымка, предвещая начало нового дня.

Постепенно исчезали призрачные дымки туман и туман. Все казалось как-то сирень и бездельничать. Замалас новый день. С юго-востока потонул легкий ветерок. Он едва заметно колебал траву перед окопами французских, шелестя волосами спящих солдат, тонкой стружкой тинуть напропалую дым у задремавшего час.

Было три часа утра, когда с правого фронта немцы, как посылки показало большое облако желтого старого дыма.

Легкий ветерок дунул это облако в сторону высоты 272.8, где находился сильно укрепленный редут французских.

Облако медленно ползло по земле, окутывая редут, колючую проволоку, заставляя каждую ямку, каждое углубление.

Безумно и злое было оно в утренней тишине, все ближе и ближе подбираясь к французскому редуту.

Вдруг резкий звук разорвал тишину. Частый металлический удар гоня, резь сирень разорвала утреннюю вольту. Раздались свистки... человеческие крики... Надруги забыли колоколь. Его звуки рождали страх и смущение. Каждый удар колокола, казалось, кричал:

— Газ! Газ! Газ!

Шум все усиливался. Видно было как на высоте 272 заблгали маленькие, темные фигуры французских. Началась паника.

В это время немецкая артиллерия открыла по всему фронту огонь. Тетива была слышна.

Первый снаряд, как было указано в артиллерийском плане, разорвался ровно в 7 часов утра.

Это задала пристреливаться вторая батарея первого тяжелого дивизиона. Вспыхнула первая линия неприятельских оков. Тотчас же вступила батарея второго дивизиона, а за ней и другие батареи тяжелой артиллерии, стрелявшей по второй линии оков и тину противника.

Командиры батарей находились на наблюдательных пунктах, выдвинутых далеко вперед, и по телефону и радио корректировали стрельбу.

Каждое орудие пристреливалось отдельно.

Десять бомб или десять гранат. Потом несколько выстрелов правильно.

(Продолжение следует.)

(23-е продолжение*).

Через 40 минут орудия умолкли, но точность же стала пристреливаться другая группа тяжелой артиллерии. Опыт, на каждое орудие — 10 бомб или 10 гранат. И несколько выстрелов впрямую.

Еще через 40 минут приступила к пристрелке третья группа — гаубиц и пушек крупного калибра. Одновременно повели пристрелку и легкая артиллерия, выпустила 30 гранат по проволочным заграждениям.

В 9 часов утра все орудия одновременно перешли на поражение. Артиллерия заработала, как точно выверенные часы.

Через каждые 6 минут ревел многотонный сараф, весомый тяжелым орудием. Также разрывно стреляла легкая артиллерия, но промежутки между выстрелами были в 2 раза короче. Еще быстрее стреляли орудия по проволочным заграждениям.

Слуша чась огонь усилился. Теперь каждое тяжелое орудие стреляло с правильным интервалом в две с половиной минуты, а более легкое — ровно через две. Прошло еще 45 минут и, согласно расписанию, командиры батарей отдали приказ словесить интенсивность огня.

Резкий смерч огня и стали все нарастать. Кома и рогатики взлетали высоко вверх вместе с пыльными взрывами земли. Стальная колючая проволока, которую нельзя было перебить никакими полыми, рвалась под ударами снарядов, как простая бумажная нить. Осколки гранат сыпались по косой линии неприятельских окоп, ходов сообщения, сметая по пути все живое.

Массивные входы блиндажей и убитых трескались и обрушивались под ударами бомб и фугасных снарядов.

Специально выделенные орудия бомбардировали наблюдательные пункты и батареи французов, их штабы и узлы телефонной и радио-телефонной связи. Стрельбу этих орудий корректировал авиационный летчик над расположением противника и привязке «кобасы» — авростаты.

Оглушенный и ослепленный враг, подавляемый внезапностью нападения и неожиданностью его, отвечал вяло и беспорядочно.

Падение французских снарядов показывало, что у них не было изрешеченного плана стрельбы, и что они не знали, где находилось большинство немецких батарей и пунктов наблюдения и связи.

Немецкие артиллеристы стреляли с неуточенной методичностью.

Каждое орудие заводилось отдаленно, получив строго определенную цель, и по этой цели оно выпускало снаряды через совершенно одинаковые промежутки времени.

Потомы минуты — один снаряд, еще потомы минуты — еще снаряд. Опять потомы минуты — опять снаряд...

Это строгая методичность более всего угнетала французов...

Она страшным бичом хлестала по нервам, не давая ни малейшей передышки. Человеческий организм был в состоянии невбродного напряжения.

Методичность огня создавала впечатление, что этому никогда не будет конца.

Французы сидели запертые в своих убежищах, тесно прижавшись к земляным и бетонным стенам, к полу, к товарищам, напрасно пытаясь найти у них поддержку за каждой минутой уходящего мужества.

Но вот немецкая артиллерия вдруг прекратила огонь. Наступило полное молчание. Противник облетелно вздохнул. Ах, оклеветал.

Теперь немецкая пехота и танки могли пойти в атаку, но теперь, было не страшно, после такой сумасшедшей ар-

тиллерийской подготовки. Французская пехота потопом вылилась в окопы. Она ждала немецкой атаки.

Но передышка продолжалась всего 15 минут.

С той же внезапностью, с какой была превращена стена, полетел новый ураган снарядов. Еще чаще забил смертоносный ритм немецкой артиллерии.

Оставшая груда трупов в окопах и в ходах сообщения, французы отступили обратно в свои убежища.

После такой короткой передышки, как правильно учили германские артиллеристы, первая противника, в силу реакции психотропно ослабила. Переносить непрерывно быструю и строго разбитую бомбардировку стало еще труднее. Моральное состояние французов окончательно пало. У многих началась апатия и характерное безразличие к событиям.

Около 12 часов дня артиллерийский огонь заметно ослаб и стал постепенно переходить на вторую линию французских позиций.

По всем признакам начиналась немецкая атака.

Усталые и измученные французы опять выбрались из своих убежищ, встали у убийственных пулеметных гряд, противотанковых орудий, у ружейных бойниц под защитой траншейных козырьков.

Однако, немецкая пехота и танки не пошли в атаку. И опять через 15 минут на переднюю линию противника обрушилась лавина бомб и снарядов. Шрапнели провозводили страшные опустошения среди неприятельских солдат. В смятении и ужасе ринулись убегать в живых к бетонированным укрытиям и в лесные поросли.

Огонь немецкой артиллерии достиг своего апогея, не теряя параллельности. Тяжелая пушка и гаубица стреляли через каждые 2 минуты, а легкая артиллерия свои гранаты сбрасывала.

Они долбили и рвали последние убежища французов, сжигали укрытия.

Немецкие артиллеристы — паводчики, померные, подающие снаряды — работали с несманным напряжением сил, чтобы поддержать все время бешеный ритм стрельбы.

Неприятельские солдаты перестали представлять собой организованное войско. Это было сборище душевно потрясенных людей, думающих лишь о спасении.

Так продолжалось еще более часа. Затих артиллерийский огонь стал стихать и постепенно уходил вперед, в тыл неприятеля.

Ровно в 2 часа дня немецкая пехота, при поддержке танков, покинула окопы и пошла в атаку.

Впереди, неуклюже пируя в воронки снарядов, с безпрерывным огнем шли сотни танков. Поддержанные их огнем роты и батальоны устремились в широкие подходы, проделанные артиллерией в проволочных заграждениях.

Можно было бы ожидать, что атакующие встретят сильный ружейный, пулеметный, противотанковый и орудийный огонь противника.

Но этого не было.

Неприятельские орудия, подававшие огонь немецкой артиллерии, или молчали, или же стреляли медленно и плохо.

Молчали пулеметы в разрушенных блиндажах. А большинство защитников французских окоп сбито в своих убежищах, более снарядов попал в ураганный огонь и не ври, что немецкая пехота и танки действительно идут в атаку.

Германские артиллеристы, руководясь выработанным планом, перенесли свой огонь на те цели, которые были намечены в боевом расписании под рубрикой:

— С началом движения пехоты.

Она была по ходам сообщения, по второй линии непри-

ятельских окоп, по крайним высотам, — обрывам, долинам, откосам холмов, ущельям — одним словом, по всем объектам, где могли быть сосредоточены резервы противника и где эти резервы могли подойти к передовой линии.

Открытия места обстреливались редким огнем, по каждую минуту в случай появления противника немецкая артиллерия готова была перейти на мощную ураганную стрельбу.

Это была огненная завеса. Она образовала широкую дугу, которая стальной стеной изолировала от внешнего нападения бегущую вперед за танками немецкую пехоту.

БИТВА СТАЛЬНЫХ ЧУДОВИЩ

Появление густой цепи танков совершенно деморализовало французские позиции, перевернуло немецкую бомбардировку. Они оказывали очень слабое сопротивление почти без боя оставив первые передовые окопы. Лишь иногда раздавались одиночные выстрелы.

Гаубицы подоспели в убежища, построенные с такой тщательностью еще в мирное время, оказались доверху. Танки обходили неразбитые блиндажи, для очистки которых предназначались специальные отряды, с ручными гранатами, которыми забрасывались бойцы в подвалах бронированных дзир. Стоило одному немецкому пехотинцу встать у входа в убежище с ручкой гранаты, или бросить ее в подземный лазет, как весь гарнизон был обречен на гибель.

Танки уже далеко ушли вперед. В голов их шел базальон танков, носивший название «Энфрида».

Всех машин этого батальона уже давно получили боевое крещение на восточных полях Польши. И не было ни одного из командиров, гудя которого не украшала бы бело-черная лента ордена Железного Креста.

Первую линию разгромленной артиллерии, танки прошли совершенно свободно. Французская артиллерия, в силу казачьих обстоятельств, не открыла заградительного огня. Пируя в воронках, почти на 45 градусов поднятые тучные носы, танки, как доисторические животные, изымая пламя, из легких орудий, поили вперед.

Вот они пересекли шоссе, идущее куда то с севера на восток. С фланга затрещали выстрелы. Французские резервы, переброшенные командованием на место прорыва, успели занять вторую укрепленную линию.

Через узкую бойницу башни танка было видно, как на фоне черного неба факелом горит, казал то ферма. Черные клубы дыма застилают узкий горизонт бойницы. По временам колыхают языки огня.

По броне гуло бьет пуля. По танкам стреляют теперь отовсюду. Из-за сбитых стоголов деревьев, из-за воронок от снарядов, из-за рытвин и даже из-за остовов разбитой авиалавы.

Базальон танков «Энфрида» развертывается.

Выстраивается в боевой порядок. И снаряд за снарядом начинают долбить пулеметная пехота противника, стараясь заставить их замолчать. С каждым новым выстрелом танк неумолимо приближается все ближе и ближе к врагу.

Вот с комьями земли взметнулся в воздух остаток авиалавы.

Рухнула на землю вырваное с корнем дерево. По французам с близким упорством бьют по наступающим танкам. Вперед, к танкам тянутся слуги дров. И из-за них затрещали противотанковые орудия. Первый танк, сначала дернулся скачком, а затем, как смертельно раненое животное, покатившись, с лязгом и грохотом упал в воронку тяжелого снаряда. В следом за ним второй танк угодил снаряд, разнесший вдребезги башню. Лазетный упрямился, он как слепой скатился со стороны в сторону. Но вот уже с разбега попал в яму, взрывая гусеницей землю, возмывая стоишь иная и, наконец, остановился.

Справа, из-за деревни, шли навстречу танки французов. Один за другим, бегая яркими красками масировки и головной гальского пехоты, они, выйдя за окопы, стали набирать скорость. Командир головной танка, переполненный рвением, повернул в сторону — вспомогательного, внимательно всматривался вперед, пригнувшись к оплыву прицела.

Дивизион французских танков показавшись совершенно неожиданно на фланг противника.

(Продолжение следует.)

Выражаю свою глубокую признательность прессе, общественным организациям, всем моим друзьям, сослуживцам, знакомым и клиентам, вспомнившим мой двойной юбилей.

Р. Эглитисъ — Рига.

(24-е продолжение.)

Въ окопѣ были видны среди воронокъ вырытого снарядомъ поля нѣмецкіе пѣхотинцы. Они, не пользуясь каждою прикрѣпкой, каждую минуту быстро продвигались впередъ.

Съ головного танка французскія пушки выстрѣли. Еще одинъ снарядъ, осыпавъ блестящую траекторію, падалъ на вырытое снарядами поле и отъ каждого изъ взрывовъ къ нему возстали комья земли и часта тѣла нѣмецкихъ пѣхотинцевъ. Этотъ интенсивный огонь непріятельской пѣхоты не выдержала. Она какъ-то внезапно остановилась и начала безпорядочно отступать. Но танки неутомимо шли впередъ, уничтожая все живое огнемъ, давая своимъ гусеницамъ.

Грохнула противотанковая пушка. Но мѣткій выстрѣлъ французскія сразу заставилъ ее замолчать. Послѣ взрыва снаряда изъ наскоро вырытого присагою орудія окна вылетѣли руки, ноги, колеса.

— Впередъ справа непріятельскіе танки! — кричитъ командиръ головного французскаго танка.

— Машины! Быстро!

Командиръ повернулъ башню направо, обрушивавъ всю силу огня на нѣмецкіе танки, идущіе теперь спасать свою приземленную огнемъ противника пѣхоту. Справа и слева отъ командирскаго танка вырисовываются все новыя и новыя башни, украшенные гальскими пѣтушками.

Командиръ лихо рѣзаетъ заряды пушки и пулемета. Дорога каждая минута. Въ пылу боя онъ громко кричитъ, будто его слышатъ подчиненныя ему стальныя башни танковъ.

— Впередъ!

Варитъ машина на ходу погружается въ топъ. Въ танкѣ появляется вода. Все выше и выше.

По тринеску бьетъ пулеметная очередь. Осколки впились въ тѣло. Командиръ головного танка закрываетъ лицо руками. Изъ-подъ пальцевъ течетъ кровь.

— Раненъ?

Командиръ открываетъ глаза. Они у него синіе, большіе, съ длинными рѣсницами.

— Выходи! — радостно вскрикиваетъ онъ, бросаясь къ бойницамъ и четко командуетъ:

— Справа — врагъ! Держать на врага!

И, вновь развернувъ башню, открываетъ огонь. Это была безпримѣрная атака. Впервые, за исторію войны, на войнѣ дѣлалъ, какъ среднѣвѣковье рыцарь, медвежья чудовища. Они наскакивали другъ на друга и, сбившись въ гусеницы, летѣли въ огромныя воронки, вырваны снарядами, чтобы тамъ, на днѣ, разстрѣлять другъ друга въ упоръ...

Отбрасывая кругомъ, командиръ головного танка увидалъ, что онъ ласкался далеко впередъ. Повернувъ башню назадъ, онъ въ щель заглянулъ, какъ въ зрѣлищномъ снарядомъ подъ происходящій схватки между французскими и нѣмецкими стальными чудовищами. Поворачивая башню командиръ увидалъ, справа отъ себя, уткнувшійся въ воронку танка. Кругомъ раздаются только отдаленныя выстрѣлы.

— Можетъ быть это наша машина, которая шла вправо впередъ отъ меня? — мелькаетъ мысль въ головѣ лейтенанта. И онъ възвонъ приказываетъ уменьшить ходъ танка, отдавая приказаніе одному изъ своихъ стрѣлковъ произвести развѣдку.

— Слушаюсь, господинъ лейтенантъ! — отвѣчаетъ молодой роста красавецъ стрѣлокъ, одѣтый въ камыши костюмъ и спеціальныя танковыя штаны.

Загребши болты люка. Командиръ смотритъ на своего стрѣлка, онъ знаетъ, что еще всего восемь мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ молодой двадцатилѣтній парень ходилъ за пулемѣмъ на пѣтушкахъ лутухъ Прованса и былъ далекъ отъ мысли, что ему придется когда-нибудь служить на современномъ стальномъ чудовищѣ, стрѣлять изъ орудія и пулемета. Сейчасъ лицо его полно рѣшимости. Вынувъ изъ кобуры револьверъ онъ, какъ бы ожидая приказанія, поспѣшилъ на лейтенанта.

— Ну, вѣдь, иди! — грубовато прикрикнувъ на него офицеръ.

Солдатъ выскальзываетъ изъ танка и нѣкоторое время держится совсемъ близко отъ него. Потомъ низко пригнувшись въ землю вскакиваетъ въ воронку. Танкъ почти по латамъ садится за своимъ развѣдчикомъ. Но вотъ солдатъ уже около лежащаго въ воронкѣ танка. Осторожно подползъ съ правой стороны и стучитъ рукояткой револьвера по брѣту.

— Эй, кто живой!

— Вашеньный стрѣлокъ, черный какъ жукъ марселецъ,

поднимаетъ руку, чтобы предупредить готового отозваться механика-шофера. Въ тишинѣ онъ слышитъ какъ стучитъ, словно о броню, его сердце. Такъ оно стучало у него, когда одинъ разъ, въ родной Бретани, онъ попалъ въ штурмъ вмѣстѣ со старикомъ отцомъ, когда сорвало парусъ, сломаю мачту, а волны, налетая одна на другую, ходили по палубѣ лодки.

Они оба, марселецъ и бретонецъ, сидятъ рядомъ у пущи. Внизу, на полу, лежатъ мертвыми командиры танка, лейтенантъ. Поджавъ подъ себя руку и неостаточно повернувъ ногу, онъ уперся плечомъ въ отверстіе закрытаго люка.

Марселецъ во время атаки успѣлъ уничтожить три противотанковыхъ орудія нѣмцевъ, а потомъ танкъ попалъ въ глубокую воронку, наполненную водой.

Вода хлынула и залила аккумуляторы.

— Не робѣй! — говоритъ ухмыляясь бретонецъ. — Какъ-нибудь выберемся, свои выручатъ. Не вѣдай посѣ! Смотри, кажется, направо, за землянымъ бургомъ что-то зашевелилось.

Марселецъ прильнулъ къ прицѣлу и началъ стрѣлять хладнокровно и мѣтко. Изъ-за бугра раздался очередь изъ пулемета.

Бретонецъ нагнулся за дисками. Въ этотъ мигъ пуля крупнокалибернаго пулемета пробилъ триллесъ. Бретонецъ былъ раненъ смертельно въ грудь, на вылетѣ...

Осыпавъ на сидѣніе, онъ закапавъ кровью. Потомъ выпрямился, но, должно быть, силы оставили его, и онъ грузно свалился на полъ, въ халявную воду. Его кожаный костюмъ какъ-то осыпалъ, а вода потемнѣла вокругъ раненаго.

Марселецъ взглянулъ на его простое и доброе, сейчасъ обезображенное судорогой, лицо и крѣпко сжавъ пулеметъ, пустил очередь...

— Сакре ба! Я буду держаться! Буду ждать!

Снаружи раздался стукъ. Потомъ другой, третій. Марселецъ бросилъ пулеметъ и развернулъ башню. Почти надъ его головой высилась громада танка. Онъ, повернувшись бокомъ, былъ изъ пушки и пулемета по буграмъ земли, откуда только что стрѣлялъ противникъ. На боку башни въ лучахъ заходящаго солнца ясно вырисовывался гальский пѣтухъ, гордо поднимавшій голову въ красномъ колпакѣ сан-мюлетовъ.

Марселецъ спустился на полъ. Оттянулъ отъ люка тѣло лейтенанта и раскрылъ болты. Съ металлическимъ грохотомъ открылся люкъ. Въ его отверстіи высовывалась голова.

— Здорово! А здорово у васъ воды! Павааете? — раздался спокойный, невозможный даже пашьфанный голосъ.

— Что зубоскалешь? Видишь, — попали въ бѣду!

— А танкъ-то цѣль?

— А чортъ его знаетъ! Лейтенантъ убитъ. Механикъ убитъ. Остался только я!

— Ну, вылезай! Идемъ къ намъ!

— А танкъ?

— Его потомъ подберутъ. Кажется, наступленіе отбито.

Хлопая чут-ли не по поясу въ водѣ, марселецъ при помощи своего спасителя добрался до танка, стоящаго наверху. Пригнувшись въ упоръ, онъ мечалъ.

Вечеръ угасалъ. На западѣ вѣло пылава заря; порой застилаемая клубами чернаго дыма. Въ танкѣ стало сыро и холодно. Откуда то, справа доносятся гулы и грохотъ боя.

— Что же дѣлать? Поворачивать обратно? — спросилъ вдругъ лейтенантъ, наклоняясь къ водителю.

— Какъ прикажете...

— Бери направо, пока есть снаряды и патроны, пойдемъ драться, отвѣтилъ лейтенантъ, растяра рукавомъ ту-журни копытъ и маслу по лицу.

Танкъ развернулся и промѣлъ на звуки замарающаго боя.

Въ темнотѣ, сбившись, съ пути, танкъ вдругъ поладилъ на какую-то маленькую рѣзучку. Становится холодно. Танкистовъ двое. Внизу, на полу, марселецъ что-то потопомъ раскапываетъ спасенному его солдату. Танкъ застрѣлъ. Недалѣкъ раздается урчанье и рокотъ моторовъ машинъ. Потомъ топотъ пѣхоты и пѣльные голоса.

Къ замершему танку подходитъ нѣсколько человѣкъ. Они стучатъ по брѣту. Въ бойницѣ слышны голоса на нѣмецкомъ языкѣ:

— Зажи сичку! Чей это танкъ? Нашъ или французскій?

Раздается какая-то возня...

— Сичку отсырѣли! Эй, вы, въ танкѣ! Есть кто живой? Отзовитесь! Иначе подорвемъ!

— Чѣмъ подорвемъ? — раздается раздраженный голосъ. — Когда изъ одного патрона въ подумки вѣтъ. Ты посторожи. Я побѣду дождоу лейтенанту. Навѣрное заводъ ушелъ недалеко.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Все равно этотъ мертвецъ нигдѣ не убѣжитъ.

Промѣло нѣсколько томительно жуткихъ минутъ.

— Попробуемъ завести моторъ, — говоритъ лейтенантъ механику.

— Слушаюсь, — отвѣчаетъ тотъ, начиная копошиться около заводной ручки.

— Да помоги же, ты, деревни, — говоритъ отъ злобы поворачиваясь къ стрѣлку.

Она долго старается, обливается потомъ.

Моторъ не заводится: аккумуляторъ въ водѣ.

Проходитъ долгая ночь. Зубы отбиваютъ барабанный трѣсъ. Въ танкѣ холодно. Кругомъ почти позвѣвшая тишина. Кажущаяся страшной послѣ тѣхъ ужасныхъ часовъ обстрѣла и непрерывной стрѣлы изъ орудія.

Утромъ лейтенантъ видитъ въ бойницѣ, какъ вдоль берега рѣки пробирается десятокъ нѣмецкихъ солдатъ.

Онъ открываетъ изъ пулемета огонь по противнику.

Внезапные выстрѣлы изъ танка ошеломляютъ нѣмцевъ. Они остановились на минуту, какъ вкопанные, а потомъ повернувшись, бросились бѣжать. Лейтенантъ продолжаетъ вѣтъ еще нѣсколько очередей.

И вновь медленно текутъ минуты. Гдѣ-то вправо въ отвѣтъ на выстрѣлы лейтенанта раздается гулъ и грохотъ боя. Въ пѣбѣ реву моторы авиалавовъ. Въ танкѣ становится нестерпимо душно. На бугрѣ, за танкомъ поираетъ голова въ нѣмцовой стальной каскѣ. Затѣмъ, вторая, третья. Солдаты осторожно приближаются къ танку.

Но вотъ, одинъ изъ нихъ поднимаетъ и бросаетъ гранату. Она разрываясь недалеко отъ танка.

Танкъ молчитъ.

Солдаты, осмѣлившись подходить вплотную къ машинѣ. Трое влѣзали на гусеницы и влѣзли къ башнѣ. Лейтенантъ видитъ въ отверстіи бойницѣ гранату въ рукахъ перваго солдата. Онъ прыгаетъ въ него въ револьверъ. Отбѣгаетъ. Солдаты бросаются внизъ. Развернувъ башню, лейтенантъ даетъ очередь изъ пулемета и выпускаетъ нѣсколько снарядовъ изъ пушки. Грохотъ боя приближается.

— Пора уходить! — говоритъ лейтенантъ. — Помоги не дожидаться! Открыть люкъ!

Они за другими вылазятъ люди изъ танка. Послѣднимъ выходитъ съ пулеметомъ въ рукахъ офицеръ.

— Механикъ, — отдаетъ приказаніе лейтенантъ. — Открой крышку бензоба и подожми!

Механикъ отворачиваетъ плоскогубцами крышку баки съ горячимъ. Холодной блестящей струей течетъ бензинъ. Потомъ они соединяютъ провода. Но аккумуляторы пусты. Вытащивъ изъ кармана коробку спичекъ механикъ, сложивъ ладони, зажигаетъ огонь и, когда спичка разгорѣлась, бросаетъ ее въ образованную на землѣ лужу бензина и бѣгомъ догоняетъ уходящихъ впередъ товарищей.

Яркимъ пламенемъ вспыхиваетъ бензинъ. Черезъ нѣсколько секундъ пламя забушевало внутри танка.

Разбрасывая брызги воды, не успѣвъ добраться до бензоба, механикъ слышитъ взрывъ — это взорвался бакъ. Съ противоположной стороны начинается пулеметная стрѣлка.

Лейтенантъ, взобравшись на бѣрегъ, устанавливаетъ пулеметъ и, прицѣливъ ленту, выпускаетъ очередь за очередь. Патроны кончаются. Бросивъ пулеметъ, лейтенантъ кричитъ:

— Держать на развалины деревни! Тамъ должны быть наши! И, отстранившись изъ револьвера, онъ дерный поднимается и бѣжитъ по вырытому воронками полю.

За нимъ, одинъ за другимъ, перебѣгаютъ солдаты. Надъ ихъ головами со свистомъ летятъ снаряды, копаютъ о край воронки пули. Но вновь разгорается.

Только въ сумеркахъ имъ удастся добраться до развалины деревни.

— Стой! Кто идетъ? — раздается окрикъ по французски.

— Стой! Изъ эскадрона 8-го танковаго полка.

На фонѣ развалины вырисовывается нѣсколько темныхъ силуэтовъ. Они медленно подходятъ къ танкистамъ.

Черезъ часъ лейтенантъ, какъ былъ, въ разорванномъ кожаномъ костюмѣ, съ грязнымъ лицомъ, докладываетъ командиръ пѣхотнаго батальона и проситъ его сообщить въ 8-й танковый полкъ объ его прибытіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(25-е продолжение.)

СМЕРТЬ ФЕЛЬД-МАЙОРА ФУКСА.

Ровно через час майор Унтлей прибыл на сектор, против которого были расположены немецкие аэродромы 408. Ничего не говоря о том, что здесь, на этом секторе, где в течение почти всего времени войны, происходили лишь стычки патрулей, может быть произведено наступление.

Пройдя в штаб противовоздушной обороны, майор Унтлей был тутчас же принят начальником штаба, извещенным уже из штаба ставки о том, что к нему на сектор прибывает английский офицер и сдать очень важное сообщение.

— Что нового? — спросил с любопытством полковник, начальник штаба противовоздушной обороны.

— Видите-ли, господин полковник, — ответил Унтлей, — нами только что получены агентурные сведения, что на нашем участке должны произойти какие-то события, в которых примут участие, какие-то таинственные бомбовозы. Что это за бомбовозы, — я вам не могу сказать, во всяком случае, мы должны с вами разработать план в случае неожиданного полета неприятеля или какой-либо намерен с его стороны.

— Помилуйте, майор, — обидчиво сказал полковник. — Слава Богу, вот уже скоро восемь месяцев, как я на этом секторе, и до сих пор ни одна немецкая «птичка» не могла пробраться через него. Оборона у меня, могу похвастаться, поставлена великолепно...

— Тем лучше, — ответил англичанин. — Но мы бы хотели лично с вами сейчас по карте еще раз проиграть оборонную линию.

— Как хотите! — ответил полковник, вставая и направляясь к двери. — Прощу вас следовать за мной в операционную.

В операционной комнате штаба обороны сектора капитан Унтлей пробрал до подвешенной. Много раз звонил телефон на различные участки обороны, но радио полковником было отдано приказ услышать наблюдение и о каком-либо подозрительном шуме или движении неприятеля сообщать. Убедившись, что для противовоздушной обороны работает, как часовой механизм, майор Унтлей направился в штаб обороны сектора. Здесь опять в операционной комнате штаба он имел несколько сообщений с начальником штаба, снова повторил о таинственных бомбовозах и просил усилить на эту ночь разведку.

Только к трем часам ночи он, наконец, добрался до постели. Долго не мог заснуть. Утомленный мозг успешно работал. Майор Унтлей старался разрешить тайну бомбовозов. Почему, слы, как то незаметно, скользко его и он уснул.

Как усталый человек майор с постели. Дом, где он спал, сотрясали от страшных взрывов. На участке, таком тихом еще вчера, жестоко была артиллерия. Одышавшись, майор выскочил из комнаты, на ходу застегивая ремни амуниции. Бросившись в штаб, он напел его за лихорадочной работой.

— Когда это началось? — почти крикнув, спросил англичанин, — спускался через ступеньки в подземный бункер, встретившего измученного куда-то сбежавшего восточного.

Создать не останавливаясь, на ходу, бросил:

— В четыре часа утра!

Быстро пробравшись к нескольким командирам, майор Унтлей, шумно отворив дверь, ворвался в канцелярию штаба.

— Где начальник штаба? — спросил он, всколыхивая при виде английской формы, солдата.

— В аппаратуре, — ответил, должно быть ординарец, указывая на дверь направо.

В аппаратуре, куда пошел Унтлей, стоял небольшой шум от гулкого беспроводного радио-телеграфа, от шума работающих телефонов. Как в этом разбираются телефонисты? — невольно пришла мысль в голову майору. Пробравшись через провода, вокруг стояло, майор позвонил к начальнику штаба, который первый кричал из трубы:

— Ало! Ало! Штаб корпуса? Противник начал наступление! Прощу немедленно начать подтягивать резервы... Да, да. Совершенно правильно... Такоголная чаша... Конечно... Конечно... Не думаю, чтобы это было серьезно. Хотя, может быть... Нет, вчера было совсем тихо. За ночь не произошло ничего серьезного, кроме обычной работы патрулей... Как же!

Страшный грохот, от которого, казалось, прервались потоки, потряс подземное убежище штаба сектора. Сразу прекратили стук телеграфных ключей, замолчали радио-телефоны. Телефонисты и телеграфисты с бледными лицами бросились к выходу. Начальник штаба, на полуобороте оборвал разговор. Майору Унтлею в первый момент показалось, что земля начала колебаться под его ногами.

Ругаясь, начальник службы связи ловил свистящих солдат.

Раздался второй страшный взрыв. Потухло электричество.

В темноте, чей-то незнакомый голос кричал:

— Включить аккумуляторный свет! Я приказываю! Включить свет! Паники нет места!

Через несколько минут вновь зажглись лампочки. Майор Унтлей удивленно посмотрел на растерянное лицо начальника штаба.

— В чем дело? — как бы про себя, — спросил начальник штаба.

— Ничего не понимаю, — ответил Унтлей. — Я был разбужен канонадой и сейчас же поторопился прибыть к вам.

— Канонада началась около четырех часов утра, когда нашей противовоздушной обороной было отмечено появление каких-то аэропланов в воздухе, а затем в 6 часов утра, началась ураганная огонь по всей линии. Я снесся с секторами справа и слева, там же самое. Море огня, полыхающее нами передовыми линиями.

— Но этот двойной взрыв? — спросил Унтлей.

— Наверное детонация какого-нибудь порохового погреба в одном из укрепленных фортов линии Мажино. Хотя это почти невозможно. Они находятся глубоко под землей.

В то время, когда начальник штаба делал эти предположения, начальник связи вымчался из сик, чтобы возобновить работу радио и телефонов. Благодаря взрыву несколько радио-лампочек разбилось от сотрясения, а некоторые аппараты, более чувствительные, совершенно разстроились. Наконец, после долгих стараний, удалось установить прежде всего связь с противовоздушной обороной.

— Ало! ало!... — надрывисто кричал телефонист.

— Похоже слышу!

— Теперь лучше! — говорит штаб сектора! — да, да, штаб сектора! Что у вас случилось...

Начальник штаба сектора впился глазами в лицо телефониста. Он, казалось, хотел взглянуть заглянуть под черную коробку солдата и скорее узнать, что произошло там, на несколько километров вперед.

Наконец, солдат передал своему помощнику изумления и подавления вытаскивая.

— Господин полковник! Мною только что получено донесение из штаба противовоздушной обороны. В 6 часов утра постами номер 18, 64, 78 и всеми передовыми постами наблюдения было отмечено появление эскадры французских бомбовозов. Не желая подвергать опасности свои воздушные корабли, так как согласно сообщению постов, они вели бой с неприятельскими истребителями, огонь зенитных батарей был открыт лишь после того, как бомбовозы оказались на первом пункте зенитных батарей. Только после этого был открыт беспредельный огонь, чтобы отразить неприятельские истребители. Но как только бомбовозы оказались над линией укреплений, они неожиданно снижались вниз и обрушились на землю, при этом произошло два огромных взрыва. Благодаря взрывам, была на некоторое время нарушена связь.

— О том, что нарушена связь, я знаю, — резко заметил полковник. — Капитал, как скоро будет налажено телефонное сообщение с боевыми участками сектора? Неужели нет возможности немедленно восстановить связь?

— Господин полковник, — вдруг неожиданно сам для себя сказал Унтлей. — Разрешите мне воспользоваться первым моторовозным соединением, чтобы отправиться с ним на участок фронта, подвергшийся бомбардировке противника.

— Делайте все, что хотите, — ответил раздраженно полковник, почти крича. — Мне нужна связь! Только связь! Мне нужна связь!

Майор Унтлей поспешно вышел из штабного бункера и облетел на дождевик.

«Как не похожи по своему характеру французы на нас, британцев, — думал майор Унтлей, идя по обочине шоссе, по которому все время двигались по направлению к фронту автомобили с резервами. На востоке в бледном рассвете начинающегося дня бушевали пушки. Высоко в небе с рокотом неслась эскадрилья истребителей».

— Что же делать? Как попасть в штаб танковых войск? Нужно кого-то спросить, нужно того-то предпринять! — продолжал думать майор Унтлей.

На шоссе, впереди его, из утренней мглы, появилась какая-то темная фигура около мотоциклета. Майор прибавил шаг.

— Ало, бой! — сказал он, подходя к мотоциклисту. — Не можете ли вы меня доставить сейчас в штаб танковых войск?

Создать поднял голову и, увидев офицера, похотел оторваться от работы.

— Я бы вас доставил с большим удовольствием в штаб, — ответил он, гребя рукой отблеск. Но его акцент майор Унтлей угадал в нем гасконца. — Но эта проклятая машина уже с утра мучает меня. В прошлую ночь мы пришлось сделать около 100 километров, развоза приказаний, а сегодня, не успев я отъехать десять километров, как она стала капризничать и вот сейчас возмущается уже час...

— Какой вы части, — спросил Унтлей?

— Связь штаба легких танков и броневых машин! Я думаю, майор, вам лучше идти пешком, тут совсем близко, всего каких-нибудь пятьсот-шестьсот метров. Идите прямо по шоссе и при первом повороте увидите столб — указатель, там написано и даже на доске нарисованы танки.

— Спасибо, — ответил Унтлей, дав на прощание солдату сигарету.

Через несколько минут, действительно, майор Унтлей увидал столб, о котором говорил солдат. От него веда тропинка к ближайшим домам, ведущая к которой Унтлей обнаружил великолепно замаскированный вход в подземное убежище. Часовой у желтой двери остановил англичанина:

— Пронесите!

Майор вынул из кармана омытое удостоверение и показал его солдату. Внимательно просмотрев печать и подпись, солдат вынул из орудия чистый. Унтлей быстрыми шагами стал спускаться вниз по довольно крутой лестнице. Уже на половине ее до его слуха доносился звук работающих аппаратов телефонов и стук шину, шей машины

В открытую дверь были видны согнутые спины сидевших за работой солдат. Несколько офицеров, о чем-то горячо спорили около карты, прикованной к стене, и лезвием режались на стел.

Подойдя к группе офицеров, майор Унтлей вкратце спросил, отдавая честь:

— Могу и видеть начальника штаба? Прощу вас, доложить, что офицер связи английской армии, майор Унтлей, хочет срочно говорить с вами.

Один из спорящих с ним офицера, полковник, повернул голову и вкратце ответил:

— Чья вы служба?

— Я только что был у начальника сектора и получил от него словесное разрешение участвовать в нашей, чающей операции нашей воинской части. Я бы просил вас, господин полковник, разрешить мне занять место на командной машине.

— Конечно, конечно, майор, — ответил любезно полковник. — Я только что получил приказание из штаба сектора направить из образовавшихся проливов, после взрыва первой укреплённой линии, второй танковый полк.

— Вот на этом участке, — повернувшись к карте, полковник стал водить своим указом, указывая майору место пролива, — линии снало диктовать. Они везли в бой не только пехоту, но и танковую часть. Благодаря неожиданности нападения и полному разрушению передовой укреплённой линии, наши части отойти приблизительно на 8 километров.

— Как произошло нападение? — спросил Унтлей.

— Сейчас еще не выяснено. Но по моему, первая линия была взорвана снай, которую бои стили так тихи вести, что наши саперы проморгали.

(Окончание следует.)

(26-е продолжение.)

— Саней? — майор Утисей качает неодобрительно головой.

В это время один из солдат связи подает полковнику ясно испанскую на мажорке бумагу. Быстро пробежав ее глазами, полковник поворачивается к окружающим его офицерам, говоря:

— Через полчаса я приказываю двинуть второй танковый полк в следующем направлении, — и, повернувшись к карте, он начертает четко изогнутую операцию, указывая при этом, на вой неожиданности, которая может быть при выполнении задания. Его указка, как жила, блещет по карте, по холмам, оврагам, ложбинам. Офицеры записывают приказы начальника штаба в полевые книжки. Майор Утисей делает замечки на своей планшетке с картой.

— Удар будет нанесен, — продолжает дальше полковник, — с фланга. Сейчас на фронте обстановка еще не установилась и поэтому операция нам может быть удачна. Итак, желаю успеха, господа! — и повернувшись к майору Утисей, он продолжает: — Вы господа майоры, можете сейчас же выйти с капитаном первого эскадрона, мотоциклист доведет нас до штаба полка. А там, уж напарника, найдете для нас место. Капитан, поручаю вам господина майора и передайте от меня полковнику, что я лично его прошу выключить радио просбы майора.

Через двадцать минут майор Утисей занял место в командирской танк первого эскадрона разведчиков.

Холодный утренний ветер вернул сознание фельд-майору Фуксу. Нога лудно болела. Во всем таз чувствовалась боль. Майор, открыв глаза, увидел прямо перед собой, свое утреннее небо, повернувшись на бок, он глазами уперся в ствол ружья земли. Попробовал встать. Но сейчас же со стоном повалился на землю.

Надо было парировать. Майор Фукс приподнялся на локтях. Осмотрелся.

— И, кажется, попал в воронку, — громко сказал он сам себе. — Кажется, у меня что-то неладит с вой.

Отступив на груди ремня ненужного теперь каскаро-лаю аппарата и ремня парашюта, Фукс стал осторож-но приподниматься на локтях, стараясь присесть. Но каж-дый сантиметр этого подъема доставлял ему неистовую боль. Низа сина, в ног чувствовалась острая боль. Наконец, мощь невзвешенных усилий от сил, присоеди-нившись силой к краю воронки. Кислородный аппарат, свистя с груди, жаль ему бок. Корчась от боли, Фукс отодвинул аппарат и стал руками опускаться ногой. Доидя до колен, он почувствовал невзвешенную боль. В глазах пошла жемра и показались слезы. На минуту от боли Фукс потерял сознание.

Где-то близко разорвался снаряд. За ним послыде-лась, другой и третий. Потом зарокотали пулеметы.

Наверху мель бой.

Как теперь выбраться? — думал Фукс. Собствен-но, где я сейчас? В расползавшейся ли противника, или за своей линией? Проклятый пол!

Повернувшись на живот, теряя от рывков движений сознание, Фукс начал при помощи зонта ползти по наклонному краю воронки.

Где-то близко, совсем близко, раздался желейный скре-жесть.

— Танки! — с дрожью в сердце подумал Фукс. Он уже почти дошел до края воронки, остался еще какие-нибудь полметра. И тогда он увидел, что творится там наверху. По звуку пуля и по свисту снарядов Фукс определил, что стрельба отсюда до справа наивно. Но вот, его голова показавшись над краем и в это время его оглушил страшный скрежесть желейной и громкий рас-рыв снаряда. Взяв голову в плечи, Фукс посмотрел вправо. В каком-нибудь полметре от него он уви-дел грязное дно приближающегося танка, который, как дотопощее животное, глубоко вжимая разрыхленную землю своими гусеницами, шел на него.

Фукс закричал. Инстинктивно поднес ладонь к ли-цу и потеряв опору, как мышонок попался обратно вниз в воронку, потеряв сознание. Майор не чувство-вал, как танк, должно быть ползущий справа, на-клонился на бок и грузно, давя на него, своей пати-стойковой громадой свалился на безучастное тело Фукса. Над воронкой торчали гусеницы, а над раз-давшимся тлением с бледной обезображенной головой, того, который метал о полковничьих погонях, и кто

носил чин фельд-майора, виднелся запыленный грязью рисунок галюнаго питуха. Но его уже не видел мерт-вые глаза Фукса.

Майор Утисей с любопытством наблюдал за сла-женной работой маленького экипажа танка и совершенно не замечал, как о броне его начали целиться пули. Взглянув в бойницу, Утисей увидел, что танк вы-ехал на высокой гребень холма, что уже давно над за-брошенными стелами танка возмозо солнце.

С холма было видно, как наливо, широкие фрон-тоны, движутся под залесой желтой пыли несколько де-сятков броневых машин.

— Это противник? — повернув голову к коман-дир танка, спросил Утисей.

Французский капитан, вместе отбита молча наклони-вать голову.

— Кажется, будет жарко! — с усмешкой сказал Утисей и его загорелое лицо стало строгим, словно вы-литым из металла.

Совсем недалеко медленно идут колонны танков вра-га. Сейчас она хорошо видна майору и он считает в ней 43 машины. Дальше за холмом валом возвы-шаются башни танков другой колонны.

Майор оглядывал местность. Бугры, поросшие ред-кими, чахлами кустами, глубокие котловины, остатки леса, спешного артиллерийским огнем и калей-то жести, должно быть, несчастья, лесосы.

Французских частей не видно. Только откуда-то сь самого крайнего фланга, бегут артиллерия и трещат пу-леметы.

«Если колонна танка зайдет во фланг, — мелькает мысль в голове майора Утисей, — будет жарко!»

Если вырвется вперед наш второй полк и при-даниям к нему пушки и открыть огонь по танкам вра-г, они немедленно повернут со своего пути сюда! Вот таким образом мы можем сорвать всю их гру-нировку и все их планы! — думает майор и сейчас же думает своими мыслями с командиром танка.

Француз ухватился эта мысль и он сейчас же от-дает приказание по радио, находящейся в его распоря-жении роты пехоты занять оборонную позицию, которая великолепно видна с холма. Затем он приказывает восьми танкам и двум орудиям его эскадрона выстро-иться вперед до крайних бугров и оттуда открыть огонь по пехоте неприятеля, идущей под прикрытием танков.

— Думаю, что руководить боем будет лучше, если мы выйдем из танка, — говорит француз после то-го, как его приказание было передано. — Я думаю сей-час послать мой танк в штаб с донесением.

— Покажу, будет лучше, — отвечает майор Утисей, вылезая из танка, локоть которого был уже открыт.

Выйдя на вершину холма, майор Утисей удобно рас-положился среди кочек кустов. Скоро к нему при-соединился капитан командир танка, а внизу, на скло-не, замеченном от пуля, радио-телеграфист с перенос-ной станцией.

Майору было видно очень хорошо, как проскаки-вать догоняя до высокой и желтой оспелой, густой тра-вы, танки с пушками на преддвиг. Как командир вы-бегает и выбирает позицию. Где-то позади, на буграх должно быть, расположились килью пехоты. Претельно, разглядывая в бинокль, майор не сразу обнаружил ее точное местонахождение.

Пыли подхлывая все ближе и ближе. Сквозь облака пыли зловеще пылали рыжий диск солнца. В небб гу-дела чью-то аэроплана. В бинокль видно, как за хо-стами их ползущий в воздухе аэроплан.

— Нагадить они нам! Хорошо-бы сюда зенитную ба-тарей! — думает майор, и поволно остраивается.

Снизавшись аэроплан спускается ниже. На его крыльях и фюзеляже теперь ясно видны черные кресты и знак гапсбурга. Но вот самолет, чья-то наугадный, вдруг взмывает вверх и уходит на левый фланг, где резко извивается и вновь круто вымывается вверх. Внизу под ним, на земл, виден рыжий блеск пламени и желтые клубы дыма.

— Покажишь мне своим, — говорит майор ка-питану. — Уже не обнаружил ли он батарею? Если так, то немецкие танки могут свернуть туда. А что тог-да будет? с нашими танками и орудиями? Почему они козлят?

— Я сам удивляюсь, — отвечает капитан и по-вернувшись вниз кричит радио-телеграфисту: — соеди-

нитесь с батареей и танками, отправившими с задан-ем, чтобы они немедленно открывали огонь.

Сюжет отбыва своему командиру, заминая гремев-шие танков. Из столов орудий вылетают длинные столбы пламени. В унисон им начинают бить ба-тарей. В снаряды падают и рушат прямо у немецких машин с пехотой, сдвинувших прабангательно в полу-километр от танков противника. Утисей возмущает-рукой с биноклем, озвученный чисте смертельными поре-вом в громко кричит:

— Давай! Давай! Разстреливай!

Он видит, как немецкие танки с ходу разверну-ваются и идут в атаку на французские танки и пушки. Груна танков отделяется от колонны и идет влево. Остальными же идут прямо, то лавра во владении, то вновь выйдя из воронки. Немедленно танки ведут огонь. Сна-ряды рушатся на буграх, вздымая несом и пыль.

Внизу, под холмом, с которого наблюдают майор Утисей, останавливается маленький танк. Из него вы-лазает несколько человек. Около майора почкается пригласить к себе, фигура полковника начальника шта-ба. Ему вполголоса докладывает, капитан обь отделившихся расстреливаемых. Майор Утисей слышит четкий и спо-койный сава.

— Мое решение — бить подготовку врага. Сейчас колонна танков уже разорвана. Она потеряла общее ру-ководство.

— Правильно! Капитан, — говорит полковник. — Сейчас победить сь нам выданные вновь танки и пуш-ки, а за ними и пехота. Ну, даю любими жертвами уде-жать позицию.

Если все будет как сейчас, то пехота вряд-ли успеет прорваться. Единственное, что меня беспоко-ит, это отсутствие воздушной маскировки. Ведь немецкие аэропланы корректируют стрельбу, — капитан указы-вает на левый фланг, где кружатся немецкие аэропланы. — Боюсь, что рано или поздно они накроют батарею.

— Похоже, — сь раздумия отмахивается полковник. И поспешно начинает спускаться вниз к танку, бросае-т ходу: — сейчас я буду там. Желаю успеха!

Проводив полковника до танка и пожать ему руку, майор Утисей вновь возвращается наверх. Укрывшись за кустами, он наблюдает в бинокль за боем. Отделив-шись от колонны, танки немцы уходят далеко — к обезображенному артиллерийским огнем лесу. В воздухе звучат снаряды между столбов, та мгновенно появляются ка-кие-то танки и вновь скрываются из вида.

По другим танкам ураганной огню ведут француз-ские танки и батарея.

— Эй-ей, молодцы! — вскрикивает майор, взмахивая биноклем и вновь выходя сь него.

От одного удачного попадания брони немецкого танка треснула и свернулась бумажными листом. Из середины его вырывается пламя и танк запылал.

Над батареей вырывается немецкий аэроплан. Разрыв-ны бомб вздымают черная облака земли.

Раздавшийся дым открывает укаченную французскую батарею.

— Давай! Давай! — кричит сь аэроплан майор, не слыша своего голоса.

Взвоявывая и на буграх пылают уже не один не-мский танк. Зловеще стояли дыма поднимаются в не-бо. В воздухе сорогается от грохота разрывов, от гула орудийного боя. Глаза майора Утисей блещет. По всему тлау блещет жаркая волна первого поражения. Его захватывает раскричавшаяся перед глазами картина боя.

Но вот снаряды начинают ложиться все ближе и ближе к наблюдательному холму. Уже слышатся, надвига-ются, пули.

Пора уходить! — говорит капитан майору, и по дождям отбегает, сбегает вниз. Майор отмахивает-сясь несколько метров назад, поднимается и, приглубив кь земл, бегит вслеп за капитаном. Проблывая доминку, он мбсст, замывавшая, поднимается на сдвинутой хол-мак. Отсюда опять виден весь участок боя. Направо на буграх, несколько вырвет пехотой траншеи. Кь ним приближаются три немецких танка.

В доминке стоит противотанковая батарея. А не-много дальше — легкая батарея, которая бьет по пех-мелкой пехоте, черными точками выдвигаются на по-рионит.

Капитан минуту смотрит в бинокль, затем быстро сбегает сь бугра кь противотанковым орудиям.

— Выкатить на открытую позицию, — кричит он

АЛМАЗЪ ЮЖНАГО ОКЕАНА

РАЗСКАЗЪ В. ШАРНЛЕЯ.

БОЛЬШЕ всего удивляло Кавендиша, каким образом этот алмаз вообще мог очутиться на этом острове. Он напоминал солнце в миниатюре, сверкала дождем огненных искр и переливалась всеми своими гранями. Алмаз был действительно замечательно отполирован и отполирован: восточная работа. Кавендиш видел подобные бриллианты в Сиаме — но они не были такой величины. Откуда он?

Лалолла не могла сказать — камень уже находился на острове, по ее словам: когда был еще жив дядь и прадед.

Лалолла показала алмаз на ладонь Кавендиша. Это было большою честью, но он был слишком слаб, чтобы ухватить с ним, а она, поспешно, была вложена в него.

Впрочем, она не скрывала этого. Конечно, она не говорила об этом, потому, что на южных островах существуют такие же неписанные законы, предписывающие поведение молодых девушек, как в Лондоне или в Нью-Йорке. Но все же поступки ясно показывали любовь к нему: она причисляла Кавендишу волосы и борода своим гробом, изгибом вырванным из панциря черепахи ее собственными руками. И когда Лалолла запахила складки своего одеяла, она пахла пшеном, робко заглядывая в глаза Кавендиша.

БОРОДА очень интересовала Кавендиша. Когда он оставил «Белла Виста», он был чисто выбрит, Кавендиш кончал бритву в своем каюте, когда марсовый крикнул о приближающейся смерти. Он бросил бритву и выскок на палубу, чтобы помочь преставителю паруса и повернуть шхуну. Тогда это и случилось. Шхуна наполнилась водой так быстро, что люди едва успели спустить лодку.

Их было шесть человек в лодке, когда «Белла Виста» последний раз изгиб зарылась носом в проливающую ее морскую пучину. Норвежец Югансен, датчанин Нильсен, Дачинг из Сиднея, Джонс из Свенс, Бойль из Санта-Франциско, и сам он, Кавендиш — из Лондона.

Где они теперь? Странно, что именно он, самый слабый из всех, на самом деле оказался самым стойким.

Правда, все остальные были горькими пьяницами. В то время, как он был умиротворен. Поэтому, когда возникла жажда, они не могли противостоять искушению паниковать тислой соленой воды, которой было так много кругом.

В лодке оказалось достаточно пищи, но не было воды — так бывает всегда, когда собираются настигнуть.

В агонии умирали товарищи Кавендиша один за другим, обезаленные жаждой и лишениями. Кавендиш тоже находился на грани безумия, но ему удавалось наперек своей последней энергии и он выбрасывал из лодки трупы своих друзей, на радость голодным акулам, которыми руководствовались своим дьявольским инстинктом, плыли за лодкой со самого начала этой катастрофы.

Единственный, с кем он не мог уже справиться — был Бойль. Бойль оставался лежать с ним на две лодки до самого конца.

ЛАЛОЛА с несколькими другими девушками купалась в лагунах, когда на горизонт по-

казалась лодка. Благодаря своему острому зрению он различил ее, когда она казалась еще точкой на далеком горизонте. Когда восток подогнал ее ближе, то он понял, что это спасательная шлюпка с потерпевшего крушение корабля.

При виде такого сокровища, все девушки бросились к берегу, где были привязаны их кану. Но Лалолла, подымаясь к крайнему рифу, чтобы лучше видеть, поплыла прямо к шлюпке.

Лалолла была уже далеко, когда другая, хлопая по воде плоскими веслами, обогнула рифа на кану.

На южных островах с давних пор ведется обычай: кто первым вскарабкается на борт пустой лодки, тому она и принадлежит.

Разумеется, она могла встретиться с акулами. Поэтому другие девушки бросились к своим кану. Но Лалолла не боялась акул: к ней посыл был привязан острый длинный нож, без которого ни одна девушка на южных островах не войдет в воду, даже за рифами. Поэтому, когда Лалолла подплыла к лодке и двенадцатифутовое чудовище ринулось к ней, она увернулась, как угорь, нырнула и почти вплотную подбежала брюхом чудовища сильным рывком метнулась на поверхность воды.

Акула не успела повернуться во время, чтобы схватить ее, а когда в бешенстве от боли ринулась в глубину, за ней потянулась кровавая следа, вслед за которыми устремились и все остальные акулы.

Торжествуя, Лалолла вскарабкалась на борт лодки — и увидела в ней бывшего человека.

Кавендиш был еще в сознании, хотя впоследствии он только с большим трудом мог вспомнить его появление. Остальные девушки не могли доставить лодку к берегу. А за берегом Лалолла подхватила его, как ребенка и отнесла в хижину ее отца.

Очевидно, это произошло довольно давно, думал Кавендиш, судя по его бороде. Конечно, лихорадка, солнечный удар — он пролежал в полусознании не менее двух дней на дне лодки с непокрытой головой.

При воспоминании об этих последних двух днях его и сейчас еще охватывала дрожь.

Но, как бы то ни было, он выжил, а теперь держал в дрожащей руке сверкающий бриллиант.

— Откуда он, Лалолла?

Лалолла улыбнулась.

— Не знаю, — ответила она на певучем английском языке. — Всегда здесь. Принадлежит моему отцу.

Кавендиш держал камень так, чтобы на него падал луч солнца, проливающий свет сквозь крышу из пальмовых листьев. Алмаз играл, как живое солнце.

— Блестит, а, Лалолла?

— Сколько он стоит? — озабоченная она. — Один боченок рома, два боченка?

Кавендиш новолетно улыбнулся.

— За целый груз корабля с ромом его брать ли можно купить. Цена ему не меньше десяти тысяч фунтов. Но на этом острове он немного стоит, и его ты не сможешь продать, даже если бы захотела.

Лалолла недовольно покачала головой: в ней заговорила любовь к родному острову.

— Прийти по оставившемуся танку! — кричал усталый сержант, около одного из противотанковых орудий.

Сварщик подался прямо в башню. Из танка хлестала пламя.

Бой в самом разгаре. Откуда-то сзади начинают бить тяжелые орудия. В липкую огненную атмосферу влетают все новые и новые, идущие с запада французские танки. В интервалах их движется переблужающая пехота. Высоко в небо разрываются настоящие воздушный бой. Прорыв пехоты почти ликвидирован. Разбитые танки атакуют молча и беспорядочно. Пехота под прикрытием артиллерийского огня начинает наступать.

А перебивая часть французских неудержимо стремится вперед, подкрепленная сотнями танков.

Но вот из-за бугров показались густые цепи противника, идущего в контр-атаку. Но тут французские

— Форант, — торговец, хотеть купить его. Он хотеть его купить много раз.

ФОРАНТ! Торговец! Это имя подвигнуло на Кавендиша, как удар грома. Впервые при нем упоминалось о другом блоке на этом острове.

— Торговец, Лалолла? Он знает, что а здесь?

— Он знает очень хорошо. Он очень зол.

Это было интересно. Кавендиш не удивился, он знал, что многие торговцы на южных островах чрезвычайно ревниво следят за приходами, грозящими нарушить их монополию хозяйничанья.

— Почему он зол?

Лалолла показала пальцем на алмаз и поты на себя.

— Это и это. Он хочет оба. Говорит, что женится на мне. А тот, кто женится на мне, получить, конечно, и алмаз. Мой отец очень старый человек и у него нет сына и другой дочери: все умерли от оспы.

Объяснение было очень простым: по причине тут он, Кавендиш, если, конечно, этот Форант просто не решится.

Кавендиш внимательно рассмотрел на свои сибилу. Конечно, Лалолла была красивой девушкой с любой точки зрения. Высокая, стройная, грациозная. Все ее костом составляла юбка из травы и кусок материи, обернутый вокруг груди на подобие вычюка цветка, и это позволяло судить о красоте фигуры. Ровный, прямой черт лица, ярко красные губы красивой формы и слоновою кость зубов, таких ровных и чистых, что могли бы привести в отчаяние любого дантиста. Цвета кожи — чуть темнее оливкового и глаза, как слюдяная солнца.

Ничего удивительного, что Форант хотеть иметь ее — и с алмазом в придачу.

— А ты хочешь выйти за него замуж, Лалолла?

— На лиц девушки отразилось отвращение.

— Нет. Я не хочу. Я лучше выйду замуж за чорта!

— Так чего же тогда беспокоиться из-за этого?

Лалолла строила гримаску.

— Надо беспокоиться. Форант считается здесь большим человеком. У него все оружие, он хозяин всех. Мой отец очень старый человек — он может умереть, и я останусь одна. Я должна выйти замуж. Все бояться полюбил меня, потому что Форант хочет меня. Но я не хочу его. Отец не отдаст своей дочери, пока будет жить.

Кавендиш теперь понял в чем дело. Многие торговцы на южных островах злоупотребляют своими правами. Пользуясь превосходством своей расы и своего оружия, они превращают в рабов своих соседей.

— Ты знаешь не любишь его, Лалолла?

— Любить? Я лучше буду любить свинью. Если он женится на мне, он будет меня бить.

Кавендиш свистнул.

— Неправда ли? Так послушайся моего совета, Лалолла: возьми себе другого мужа.

— Кого я возьму, Харри? Я хочу выйти замуж за тебя. Я тебя очень люблю.

на ходу. — И открыл огонь по танкам. Что вы слышите, слыте вас, коледи! Быстро! Быстро!

Около орудий заступались люди. Вот она напряглась быстро выкатывают пушку на бугор. И вовремя! Еще бы несколько секунд и танки повалились бы в траншеи. Мгновенно гремит выстрел. Но танка, как будто не замечают их. Вот один из них уже накрадывает перед траншей. Его гусеницы пролазят по бугорку нацели. Пушка и дуло из башни, не переставая бить, вырывает огонь и смерть. Оставшаяся широкая следа на сильно-пожаренной земей траншеи, танк прохаживает дальше.

Над танком мгновенно поднимается человек. Взмах руки!

Из вот гусеницы танка — пламя и дым от разрыва ручных гранат. Танк грубо оскакивает, словно прибитый к стене чей-то последним гитлеровской рукой.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.